SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Представьте себе Россию, в которой Президент и "все остальные" выбираются по итогам теле-шоу. Весь мир такой же. Несколько дней из жизни одного из создателей этого проекта.

-
- Пролог
- День 1, когда все кончилось.
- День 2. Fuck all the petersburgians!
- День 3. «…горшки обжигают».
- День 4. Götterdämmerung.
- День 5. Большая политика.
- День 6. Творчество.
- День 7, когда все началось.
- Эпилог
- notes
    - 1

Пролог

Смотрите! Я показываю вам последнего человека! «Что такое любовь? Что такое творение? Устремление? Что такое звезда?» - так вопрошает последний человек и моргает. Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. «Счастье найдено нами», - говорят последние люди, и моргают.

Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого.

Многие в детстве летают во сне. Большинству нравится и они, взрослея, с ностальгией вспоминают как это чудесно. Полет, свобода, будущее, утро.

У меня было не так. Я просыпался в холодном поту, плакал, звал маму. Она приходила и долго гладила меня по голове, пока я снова засыпал.

Кошмары с полетами продолжались до моей первой встречи с небом. Парашютист-инструктор с криком «Пошел, твою мать!» вытолкнул меня в люк старого, дребезжащего кукурузника. Говорили, мой вопль слышали даже на земле.

Следующим утром я проснулся окрыленным отсутствием снов.

Беспамятье.

Счастье.

Несколько минут пустоты, перед тем как сон покинет сознание.

Искренне хочется верить, что успех или провал предстоящего дня зависит от того, какой осадок чувств остается после медленного возвращения в мир. Очень хочется продлить эти мгновения…

…до бесконечности.

День 1, *когда все кончилось.*

- Привет, с вами Саня и news-блок MTV. - Тру-ля-ля, ля-ля-ля. *- Самая печальная, самая экстренная, самая забойная новость наступившего дня. Сегодня рано утром в своей квартире найдено тело известнейшего продюсера, разбивателя сердец, шутника, балагура и просто прикольного парня Шуры Шурина. Настоящее имя этого актуального человека Николай Владимирович Величко*. - Разноцветно-лохматый NewsDJ блестел ровно-белыми зубами и демонстрировал волосатый животик. Если честно, до меня не сразу дошло, что этот попугай только что выдал в качестве забойной новости. - *По разным источникам ему было или 47, или 51 год. Кто теперь станет исполнительным продюсером «Президент-Шоу»? Оставайтесь с нами и вы…*

Мне предстояла сцена прощания с другом. Всплеск чувств и эмоций. Скорбь. Театр одного актера. Великая сила искусства.

Прямо у служебного входа больницы ошивался пресс-секретарь. Как только мы вывалились из машины, он всучил мне официальное заявление и потребовал, чтобы я его прочитал хотя бы раз, перед тем как огласить на пресс-конференции.

- Не понял, - не понял я.

- А ты никогда вовремя не доезжаешь, - съехидничала Татьяна.

Доехал я только после того, как увидел перед собой тело, найденное в собственной квартире. Шура лежал на оптимистичной бело-сиреневой койке-трансформере, был утыкан проводами и подсвечен разноцветными датчиками. Машинерия гудела и зюзюкала, гоняя по прозрачным трубочкам разноцветные жидкости, вытекающие неизвестно откуда и неизвестно куда втекающие. Шура предстал в виде продукта гидропоники. Растение. Биомасса. Организм без назначения и цели существования. Франкенштейн. Его пытались оживить, но эксперимент провалился.

- Вскрытие показало, что пациент жив, - заметил я, отвлекаясь от созерцания друга на симпатичную сиделку с восточными глазами и стойким загаром генетического происхождения. - Что скажете, сестричка?

- Я вам все скажу, - перехватил инициативу доктор, чье лицо было украшено недельной небритостью и чьи глаза сверкали чернотой уроженца кавказских провинций. Кажется, ему не

понравилась моя сальная улыбка, с которой я сунулся к его коллеге. - Значит так. У него тяжелое сотрясение мозга, переломаны конечности и несколько ребер, многочисленные внутренние повреждения. Это плюсом к тому, что он хронический алкоголик с циррозом печени и язвой желудка.

- Он еще и наркоман.

Доктор поморщился, кивнул и убрал волосатые руки за спину. Мне представлялось, что именно такие должны быть у мясников и палачей.

- Пьяным как всегда везет. На его месте трезвый бы… Итак, я резюмирую: положение тяжелое, ничего гарантировать не могу. Скажите спасибо, что он вообще жив.

- Спасибо, - поблагодарил я и рухнул в кресло.

- Что будем делать? - спросил меня Директор, сидевший на соседнем кожаном гиппопотаме.

- А… - когда я хочу произвести впечатление на девушек, пусть даже на больничных сиделок, приехавших со своей знойной родины на заработки в мою страну, я никогда не ругаюсь матом. Почти никогда. - …его знает.

Директор покачал головой и присосался к бутылке с минералкой. Выпив половину, он произнес:

- Ты станешь публичным мужчиной.

- Зачем?!

- Ну, не мне же им становится. Ты на меня посмотри.

Я посмотрел. Лысая, непропорционально большая голова, с небритыми впалыми щеками и кожаной бородкой индюка под подбородком, красные от вечного недосыпа глаза и переломанный боксерский нос. Он был одет в мешкообразную кофту, которая болталась на нем как на вешалке. Воскресенье. Типа выходной.

- А, по-моему, очень даже ничего, - вставила Татьяна. - Мужикасто.

- Вот и я об этом же, - согласился Директор. - Мы тебя сделаем super-star. Шоу идет десять лет, десять лет ты у нас скромный главред. Твое опубличивание станет свежей струей, которую мы так долго искали.

Осмысливать идею я отправился в кафельно-никелерованную комнату, где из меня потекла мощная струя, совсем не претендующая на свежесть. Аналогия мне понравилась, и потом я долго смотрелся в зеркало, представляя себя выходящим на сцену в красном пиджаке, белых штанах и с открытой волосатой грудью. Зал… Нет, стадион взрывается орней и гвалтом: «Вася! Вася!! Вася!!!». Я машу им руками и ногами, а потом совместно с хором Вооруженных Сил начинаю хрипеть гимн: «Ты попал на

TV». И вот уже многотысячная толпа поет вместе со мной и раскачивается в такт… Я наставляю на них пулемет… Где же ваши ручки?!?! … Сотни зажигалок и свечек, которые, как маленькие маячки, освещают путь мятущимся душам поклонников и фанатов. Пулемет дергается в руках: та-та-та-та-та-та-та…

Вернувшись в палату, я выдвинул альтернативное предложение:

- Продолжаем раскручивать Шуру.

- Как? - спросил Директор, с непониманием рассматривая свои пальцы.

- Элементарно Ватсон. Мизансцена следующая: Шура на работе – борьба за Шоу, за электорат, за демократию. Шура в больнице – борьба за жизнь смертельно больного пациента, начиная от вызова скорой до послереанимационных процедур. В больнице наверняка вели съемку для страховой компании с момента поступления больного. Нарежем, кое-что доснимим. Message что надо! Спрессованные в мгновения годы работы на благо народа и растянутые на целую вечность мгновения борьбы за жизнь одного человека. Отсюда мораль - успех и трагедия всегда рядом. Никто не забыт, ничто не забыто. Добавим блиц-интервью с коллегами и врачами. В итоге получается серий двенадцать по 40 минут плюс реклама. Я правильно мыслю?

- Правильно, - подтвердила Таня, быстро строчившая за мной в блокнот.

- Ну вот. Часть вопросов передадим на канал «Больница». Дальше надо подключить команду «Совершенно секретно». Им ведь тоже рейтинг поднимать надо. Подкинем кое-что для объективного фильма-портрета. Кому нужна смерть Шуры? Кто враги Шуры? Страна скорбит, а кто-то радуется. Кто? И так далее. Жалко Шурка не был садоводом-любителем. Мы бы про него передачу запустили на канале «Наше поле». В прошлую уборочную Шура заложил в закрома родины двадцать банок варенья! Представляете, какой резонанс!?

- И все равно, долго мы не продержимся, - высказался, помолчав, Директор. И он был, мать его, прав. - Вся эта байда прокатит где-нибудь с месяцок, да и то, к концу месяца надоест. Это все прошлое. Люди это еще не осознали, но как только…

- У тебя есть конкретное предложение?

- Так я его уже сказал. Услышь меня! Заклинаю!

Я принялся протестовать. Больше это походило на постанывание относительно моей нелюбви к продажной прессе, наглым телевизионщикам, глупым политикам, вечной суете и недосыпу. А еще я не люблю ходить в серо-черных костюмах со

строгим галстуком, по узлу и цвету которого люди будут узнавать, в каком я сегодня настроении. Но мои веские аргументы оказались неспособны пробить неколебимую броню уверенности, читавшуюся в глазах Директора.

- Нет, конечно, твои мысли весьма дельные и в целом очень прикольные… Мы их обязательно… но понимаешь… Нам обороняться нельзя. Только вперед, иначе сомнут. А «перед» - это ты – ближайший друг и сподвижник. Поэтому мизансцена следующая: Вася на работе – борьба за Шоу, за электорат, за демократию. Вася в больнице – борьба за жизнь смертельно больного друга. Дальше самое главное. Новое архи-Шоу: Что происходит за кулисами фабрики демократии? Как готовятся задания для Кандидатов? Кто это все придумывает? Кто стоит между народом, который выбирает и Кандидатами, которых выбирают? Message получается не хуже твоего: воля народа превыше всего, мы каждого услышим, поймем и дадим возможность высказать индивидуальное мнение, а те кто мешает нам это делать – враги простого народа. Отсюда мораль – Василий Иванович Петров, то есть ты – самый главный защитник демократии. Игровой съемки добавим чуть-чуть и… Полное reality! В квадрате! В кубе!

Пока Директор высказывался, я наблюдал за Шурой. Жидкости текли по трубкам, экраны мигали – «состояние пациента обнадеживающе стабильно».

- Короче так, Вась. Прессуху будем устраивать прямо в больнице. Ничего на ней не скажем. Так экстравагантней. Эти чудики уже сбежались, так что никого обзванивать не будем. Типа мы так обеспокоены и парализованы потерей, что не можем нормально работать. Зачитаешь заявление, которое пресс-секретарь накарябал и no comments.

На вопрос о необходимости грима Танька ответила, что он не нужен:

- Твоя небритая морда - само олицетворение скорби.

В прошлом году у нас случился пожар в студии. Надо было устроить что-нибудь душещипательное, чтоб Кандидаты проявили свои скрытые качества типа: «Сам пропадай, а товарища выручай», «Один за всех, все за одного» и др. т. пр. Устроили. Погиб один робототехник.

Честное слово, мы не специально! Но, слава Богу, получилось очень удачно. Пашка тогда стал настоящим героем. Вытаскивал из сауны девчонок, визжащих как недорезанные свиньи. Аппетитные такие свинюшки. А он, тоже полуголый, играя

мускулами, выносил их на руках, пока остальные парни сопли жевали, пытаясь огонь сбить. Неудивительно, что по процентам он стал самым популярным Кандидатом за все время существования Шоу. И все благодаря дураку из техобслуги, который в обед пивом нажрался. Не пил бы, глядишь и сейчас был жив и здоров.

Из эстетического удовольствия я наблюдал, как пластические хирурги, матерясь, делали из обгорелого урода Алена Делона в молодости. Надо было, чтобы тело в гробу гармонировало с мужественностью черт героя-спасителя. Ниче так получилось. Рыдала семья погибшего, рыдала массовка, рыдали зрители.

Коридоры и комнаты ожидания больницы походили на муравейник. Мне показалось, будто вся дирекция Шоу и нескольких центральных каналов решила совершить профилактический визит в реанимационное отделение. Здесь были почти в полном составе юридический отдел, несколько моих редакторов-помощников, начальник управления безопасности со всеми замами и со своей скользкой полуулыбкой, главный медиа-логистик, гримерный цех и команда цеха костюма, наш главный speech-writer и несколько цензоров из Попечительского совета, с десяток репортеров-наблюдателей от UN и OBSE. Эти последние на меня накинулись сразу, как только я вышел из Шуркиной палаты:

- Василий Иванович, ваша реакция?

Вновь потянуло в туалет.

- Как вы можете прокомментировать случившееся?

- Кто станет преемником?

- Реакция Президента и Администрации?

Если бы не широта плеч и физическая сила Феди, сдержавшего напор объективных и беспристрастных наблюдателей, меня бы раскатали по стене в огромные фотообои: «Вася, убитый горем». Из-за спины своего охранника я видел, как в мое разом постаревшее лицо целят объективами мобильных телефонов. Надеялись, что я что-то произнесу им в прямой эфир каких-нибудь «HOTnews».

Под их напором я медленно отступал по коридору. Я никак не мог вспомнить дорогу и хотел было спросить о ней, как меня схватили за руку и со словами: «Пройдемте, Василий Иванович», затащили в ординаторскую.

- Вы-то, что здесь…?

- Ах, оставьте, Василий, я на работе. - Наш бравый чекист отличался тем, что мог появиться в самый неожиданный момент.

- Курить будете?

- А здесь можно?

- Нам можно.

Не знаю, что мне не нравилось в нем больше всего: его манера называть меня «Василий», укоризненно растягивая первую «и», и разговаривать как с голубым или его дурная привычка дымить «БеломорCanalom» made in GULAG за пять баксов пачка с надписью «Продажа разрешена только за пределами Российской Федерации».

- Все шалите, Василий.

- Э-э-э…, - сказал я, чтобы что-то сказать. Я вообще при встрече с ним не могу вести нормальный разговор. Он на меня действует как удав на кролика. Убежать хочется, а не можется. Гипноз.

- Понимаете, Василий… Скоро вас вызовут в Прокуратуру. Наверное, даже сегодня. Дорогуша, вы уж, пожалуйста, встретьтесь со следователем из прокуратуры. Будьте, как всегда, паинькой.

Усатый, мягкий, чуть с животиком чекист курил глубоко затягиваясь и всякий выпускал мощную струю дыма. Пепел он стряхивал в чью-то кофейную чашку, стоящую на стопке больничных карт. Минуту назад я был не прочь выпить кофе.

- А я думал, что вы сами… э-э-э…

- Сами мы ничего не будем. Могут возникнуть сложности по части соблюдения прав и свобод россиян, а мы и вы, я надеюсь, заинтересованы, чтобы стабильность в сочетании с динамичным развитием и в дальнейшем были характерными чертами нашего общества. Не так ли?

- То есть покрышки от ГБ не будет.

- Было бы желательным, чтобы прокуратура осталась довольна сотрудничеством с вами.

- Она должна испытать глубокое удовлетворение или просто удовлетворение?

- Она должна испытать. И давайте обойдемся без юридических выкрутасов относительно адвокатов. Поговорите как человек с человеком. Да-да, они тоже люди. Я договорился, чтобы пока ваши человеческие отношения не протоколировались.

- А Шоу?

Ответил он только после того, как докурил и тут же закурил новую папиросу:

- А что Шоу? Как работали, так и работайте. Шоу всегда славилось внимательностью к событиям, происходящим в стране. С нашей стороны, милейший и. о. исполнительного продюсера, могу заверить, что Шоу по-прежнему находится под надежной

защитой нашей службы, которая, как вы помните, призвана оберегать интересы всех россиян от пагубного влияния спецслужб иных стран и внутренних коррупционеров.

Мне показалось, что он цитирует рекламный проспект службы безопасности для добровольных участников программы «Найди шпиона». Я с ней не сотрудничал и не собирался, но моя горничная с китайским упорством носила мне в постель всю приходящую почту. Раз в неделю попадалась их программка:

Дети скаутского отряда под названием «Лисята» учатся находить тайники боевиков-террористов (фото: лисенок Маша нашла стопятидесятипяти миллиметровый снаряд, разминировала и спасла десятки жизней своих сограждан), бдительный сторож Алексей Б. узнал, что в гаражах, которые он охраняет разливают контрафактную водку (фото: счастливый сторож получает в награду ящик натуральной водки, марки которую подделывали), бдительный менеджер среднего звена Сергей В. заподозрил, что в мешках партии сахара, завезенной с Украины, содержится гексоген (фото: смущенный менеджер объясняет по каким признакам он установил возможность подобного происшествия и почему ошибся). Все самое интересное на канале «Найди шпиона». Телефон для консультации… Резюме и заявления о поступлении на службу присылайте на адресс: www.nai… и так далее.

- Где-нибудь расписаться?

- Да зачем же, Василий Иванович! Нам хватит и того, что я записал нашу беседу.

- Ну и, Слава Богу!

Кажется, последней фразы не было, но помню, что очень хотелось сказать нечто подобное. Я поспешил выскочить из ординаторской, не пожав ему руку. Дело в том, что у него ужасно неприятное рукопожатие. Похоже на мягкое касание или поглаживание, будто он онанирует, опасаясь подглядывания. Противно так, что лучше быть раздавленным массой ООНовских муравьев.

Как только я оказался на сцене конференц-зала, на огромном экране поплыла картинка:

Я и Шурка на приеме по случаю начала сезона нашего Шоу. Послы, шампанское, скептически настроенные аналитики, икра, ухмыляющиеся еще пока действующие политики, виноград и бананы. На сцене живой Киркоров. Старичок бодро держится и столь же фанерно голосист. Мы счастливы. Судя по прическам, старомодным костюмам и его очкам в золотой оправе – это наш

первый сезон. Он был самый трудный. Тогда еще только отлаживалось взаимодействие с включенными в Шоу структурами, люди притирались друг к другу, на ходу придумывали конкурсы, тесты и задания. Шурка тогда, по-моему, умел говорить только матом. Вот он орет с перекошенным от ярости лицом (хорошо, что вместо его слов звучит бодрая флейта Моцарта). На кого орет? Ах, ну, конечно же, на меня. И дальше сразу закрытие первого сезона. Инаугурация нашего демократически выбранного Шоу-Президента. Он проходит по длинному коридору, со стен на него смотрят цари, императоры, генеральные секретари и другие предшественники, гвардейцы отдают ему честь и вот он на сцене. Площадь ревет: «Ура!!!» Я улыбаюсь. Шурка показывает язык толпе и жмет руку уже состоявшемуся победителю:

- *Ну как, тебе понравилось?*

- *Очень.*

- *Это подарок от любящего тебя народа.*

- *Спасибо,* - это он нам.

- *Спасибо! Спасибо, страна!* - Это Президент им, народу.

Мы смеемся. Мы тогда всем доказали, что можем, когда хотим. Когда русских прижмешь, мы ого-го… Позади Москва, понимаешь, и отступать нам некуда. А сентиментальный Шурка даже всплакнул. Очень трогательно.

Конференц-зал аплодирует. Не все, конечно, только наша массовка из группы поддержки. Слава Богу, успели организовать автобус.

- Господа, к сожалению, столь внезапное и трагическое происшествие внесло некоторую сумятицу в отлаженную работу нашего коллектива. Заранее просим прощения за причиненные неудобства и возможные накладки. Спасибо.

Наш пресс-секретарь славился своим экстерьером и голосом. Перед погружением в PR трудился на ниве стриптиза. Как он говорит: «Спасибо»! Это же невозможно передать! Вибрирующая глубина мысли, томный и одновременно печальный взгляд больших глаз, широкие плечи и спортивная фигура, в которой чувствуется сила и гибкость. Настоящий Джеймс Бонд с обложки «Men’s Health». Женщины испытывают сексуальное возбуждение и жаждут общения, а мужчины превращаются в гомиков и завидуют.

- С заявлением от имени компании перед вами выступит главный редактор «Президент-Шоу» Василий Иванович Петров.

- Господа, - начал я, но сбился на кашель. Я забыл, куда сунул речь.

Бумажка нашлась в правом нижнем кармане пиджака вместе с презервативами от фирмы-спонсора Шоу:

- Господа! Дамы и господа! Телекомпания «Первый» уполномочила меня сделать официальное заявление. Мы, творческий коллектив телекомпании и Шоу не можем делать никаких предварительных выводов относительно произошедшего. Официальное расследование должно будет показать всей российской общественности, является ли несчастье с Николаем Владимировичем Величко, известным миру, как Шура, случайностью или злонамеренным преступлением. Со своей стороны наша компания и все ее сотрудники обещают оказать всемерную помощь компетентным органам в расследовании инцидента.

В этом месте я сделал эффектную паузу многозначительности, мне показалось удачную, и, оглядев зал, продолжил:

- Уже десять лет, как наше Шоу служит оплотом свободы слова и демократии в России. В этом году юбилей. Ни для кого не секрет, что мы планировали организовать праздничные мероприятия. Заверяю вас, что наши планы не изменились и подготовка к юбилейным мероприятиям продолжится в отсутствие Шуры, хотя мы признаем, что без него наша работа станет много сложнее. Нет на свете другого специалиста, который мог бы совместить в себе все качества, непостижимым образом собранные в этом человеке.

Бросаю взгляд на экран, на котором замерло жизнерадостное лицо Шурки:

- Мы надеемся, что Шура выздоровеет и вновь возглавит Шоу, а также продолжит радовать нас незабываемыми приколами и, как всегда, своим крепким рукопожатием. Мы заранее благодарим всех людей, проявивших и проявляющих человеческое участие. Спасибо за внимание.

Зал тут же разразился аплодисментами нашей массовки. Крики репортеров, попытавшихся задать вопросы, тут же утонули в скандировании:

- Шура! Шура! Шура!

Танька усиленно подавала сигналы, чтобы я сваливал со сцены, но я продолжал стоять у микрофона и размышлял о том, что даже здесь, на административном этаже клиники, несмотря на мощь многочисленных кондиционеров, царил больничный дух, от которого неприятно ныли зубы.

- Вася! Вася! Кто будет исполняющим обязанности? Вы?

Сделал вид, что не расслышал и ответил на вопрос канала «Происшествия», заданный очкастой пигалицей в кожаном пиджаке на голое тело:

- Если без Шуры так все плохо и вы все в шоке, то откуда

продемонстрированная запись?

- Самые приятные моменты своей жизни ношу с собой во флэше на память. Сегодня моя сентиментальность пригодилась для столь печального события.

- Известны обстоятельства происшествия?

Опять не расслышал и ответил на вопрос репортера «Экспресс-канала»:

- Да, вечером и ночью мы были вместе во «Вьюге». Замечательно провели время. Могу ответственно заявить, что эта ночь была одной из самых счастливых в нашей жизни.

- Кому выгодна смерть вашего продюсера?

- Я не знаю, с кем ушел Шура. Надеюсь, что не один.

- Вас уже допрашивали?

- Да, к сожалению, мне придется пересмотреть стиль одежды. Столь печальные обстоятельства требуют, чтобы я адекватно выразил свое отношение к этому жестокому миру.

- Кому поручено следствие?

- Прическу тоже буду менять. И поверьте – это самая малая жертва по сравнению с той, какую принес мой друг.

- Господа! Господа! Достаточно! - На сцену опять вывалился наш джеймсбондовый пресс-секретарь. - Василий Иванович не может уделить вам много времени, но вы сможете задать вопросы главному врачу клиники.

Бурные аплодисменты массовки перешли в овацию.

- Шура! Шура! Мы с тобой! Шура! Шура!

Самым странным обстоятельством, которое поразило меня скорее приятно, чем наоборот, было то, что расследование поручили прокуратуре.

О генпрокуроре давно уже сложилось стойкое, сугубо положительное мнение, и это несмотря на то, что он вызывающе нелюдимый человек. Не любит общества и старается не привлекать к себе лишнего внимания, не пьет, не курит, в спортивного фаната не играет и успешно отращивает себе животик, положенный конституцией тела и сидячим образом жизни. Свободное время проводит с семьей или в бане с девочками, где в начале своей министерской карьеры заработал дикую популярность в качестве неподкупного sex-символа страны. Его порнодиски с баня-video первое время расходились огромными партиями.

Кое-кто воспользовался поднявшейся общественной волной и протащил закон о «Свободе времяпрепровождения». Налоговые поступления увеличились пропорционально росту численности

индивидуальных частных предпринимателей (-льниц). Заплатил (-а) и спи спокойно. С тех самых пор скромняга прокурор стал политическим долгожителем бессменным во всех Правительствах. О нем говорят: «Человек на своем месте».

Сам я его художественное творчество не видел. Не поклонник я толстых мужчин, пусть даже любящих чистоту и баню. Знаю только, что мега-идею с законом предложил один мордодел специально для коммерциализации загибающихся церковных каналов. У них были мизерный рейтинг и сплошные убытки, но как только выдвинули проект закона церковники, тут же подняли гвалт. Все от канала «Свидетели Иеговы» и «Братья мормоны» до РПЦшного «Наша вера» втянулись в дискуссию о приемлемости такого закона, генпрокурора и даже (!) Президента. Страсти кипели будь здоров! Сразу стало модно показывать везде и всем, что любишь Бога, а главное как его любишь. Ну и мы в Шоу подсуетились. Ввели обсуждение вопросов вероисповедания и молельный дом пристроили к павильону, чтобы любой Кандидат в кого бы он ни верил, мог там уединиться и покаяться в прямом эфире.

Словом, генеральный прокурор являлся достаточно известной и вполне загадочной личностью, чтобы встреча с ним была событием. Я надеялся побеседовать с государственным мужем, чей имидж удачно гармонировал с внутренним миром умного и интеллигентного человека.

Не тут-то было!

В кабинете, куда меня привела по-прежнему молчащая Татьяна, сидел никому неизвестный невзрачный человечек, один вид которого рождает желание бросить американскую фразу о вечном молчании без адвоката. Это было несправедливо и до крайности обидно. О чем можно говорить с чиновниками? Они такие скучные! Напоминают окопных солдат, которые находятся под бесконечно долгим обстрелом противника. Всё кругом взрывается и гибнет, а им кажется, что жерла вражеских орудий направлены только на тебя единственного оставшегося на позициях. Чтобы спастись и выполнить свою работу (они ведь работают) чиновники суетятся, бегают, спокойно ходят на обед, а потом опять суетятся и бегают (если не физически, то мысленно). У них нет ни времени, ни возможности на самовыражение. Кричащему от возмущения разуму негде себя проявить кроме как во время бесконечно долгих совещаний и придумывания новых инструкций для самих себя и себе подобных.

Классический пример – наша бухгалтерия. Набьют великую мудрость, переведенную на общедоступный язык цифр, и снова полные собственного достоинства уставятся в экран телевизора

наблюдать за тем как наши Кандидаты примеряют трусы от «Dolce & Gabbana». Наверное, быть чиновником – это диагноз. Я искренне считал, что они об этом знают, и поэтому начал с извинений:

- Извините за беспокойство. Очень неловко, вас отвлекать.

Над невыразительной личностью следователя висел выразительный фотопортрет улыбающегося Пашки. Президента художественно сфоткали на Таджикской границе, куда он выезжал поздравлять войска с 8 Марта. Паша был в светло-коричневом комбинезоне без знаков различий, на голове полевое кепи, а лицо закамуфлировано маскировочной краской. Выделялся мужественный подбородок и добрые глаза. Наш нынешний Президент очень любил женщин, во всяком случае, тех, которые подпадали под действие закона о всеобщей воинской повинности.

Мне пожали руку и усадили на стул напротив стола.

- Я следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России Кривцов Кирилл Константинович. Должен вас сразу предупредить, что наша беседа носит неофициальный характер и поэтому не протоколируется, а только фиксируется. - После этой фразы у меня громко заурчал живот. Время подходило к ланчу, а я еще не завтракал. - Я видел по телевизору вашу пресс-конференцию и услышал некоторые ответы на свои незаданные вопросы. К тому же, сейчас несколько моих коллег опрашивают других свидетелей сегодняшней ночи и утра.

- Так значит я свидетель? - уточнил я, подозревая, что стал жертвой reality-show канала прокуратуры «Расследование». Комната нашпигована видеокамерами и микрофонами для обеспечения полного стереоэффекта и сочности картинки. Может, меня сейчас наблюдают несколько миллионов человек, решивших в свои законные выходные посмотреть, как начинается следствие по обещающему быть громкому делу.

- Да, вы свидетель. И очень важный. Как известно, вы были другом Николая Владимировича Величко. - Это прозвучало не как вопрос, но он смотрел на меня ожидая ответа.

- Вам правильно известно.

- Очень хорошо, - кивнул следователь. - Вы давно знакомы?

- Лет пятнадцать… Кажется.

- И как вы познакомились?

Это был чистый идиотизм. Захотелось узнать, смотрит ли он телевизор, которого в кабинете, кстати, не было, и работает ли у них служба мониторинга. Шурка разбалтывал нашу с ним историю вот уже несколько лет по черт его знает скольким каналам и газетам. Живот заурчал еще сильнее.

- Мы познакомились в Париже во время недели Prêt-á-Porter. Прекрасное время свободы и любви. Я читал книги, гулял по бульварам и знакомился с девушками. Что еще может делать в Париже начинающий стажер, который только что закончил образование в Высшей Политической школе? Счастливая молодость. Вы меня понимаете?

- Да, да, - кивнул обладатель дешевого пиджака.

- Шура тогда уже продюссировал. Он делал первый выход в свет одного политика из Киева. Показ получился провальный и я уже не помню, как того звали (и тогда не знал), но дело было не в Шурке. Восхищенный, я подошел к нему и высказал пару мыслей относительно того, как можно было бы поработать камерой и светом, чтобы вышло еще лучше. Сначала он меня послал, а потом изменил свое мнение и дал свой номер телефона, чтобы я его нашел. Это была судьба. Мы сразу друг другу понравились и набросали кучу проектов, которые могли бы совместно реализовать.

Пока я словоизвергался человек трех заглавных «К» сидел молча, уставившись в одну точку. Она была явно не на моем лице. Даже не в кабинете. Где-то в бесконечном пространстве вселенной. Точнее я ее не определял и поэтому весь свой рассказ посвятил светлоокому Президенту, глазеющему на меня со стены.

- Так. Это все очень интересно, - высказался следователь, после того как мы примерно минуту молчали. - А теперь расскажите мне как все было на самом деле.

- Вы точно хотите это знать?

- Точно.

- Как хотите. - Я решил, что раз ГБ требует, чтобы его удовлетворили, то значит надо удовлетворять. - Это было полное дерьмо. Сидел без работы и у меня кончались деньги. Подрабатывал разовыми проектами и еще официантом в «Maxim», где не брали арабов и других черных, а принципиально держали обслугу из европейцев. Особый шик так сказать. Повезло, что им нужно было иметь одного русского. В общем, труба. Бабы на такую лажу не клюют, поэтому кроме траханья я не мог им предложить ничего оригинального. У меня оставалась надежда пробиться к кому-нибудь в команду, на модной тусне для старых пердунов из Давоса, которые только и знают как говорить о проблемах мирового рынка и антитрестовской налоговой политике. Шансы, как вы понимаете, у меня были очень маленькие, если не сказать проще… Тут мне Шура и подвернулся. Он был еще тот прохиндей. Привез на показ какого-то придурка, который мечтал вскружить голову всему Парижу революционными идеями привлекательности свободного

украинского рынка. Смех, да и только. Идея была провальная, о чем я решил ему сказать, для смелости и поддержания тонуса накурившись травки. В башку мне дало с такой силой, что я возлюбил весь мир как самого себя, выбрался на подиум, снял штаны и обосрался прямо на глазах у публики и в прямом эфире. Пьяный Шура, который набирался горилкой за кулисами, когда понял, что это не кошмар, выбежал и начал меня избивать. Он почти сразу поскользнулся на моем говне и упал, так что я почти не пострадал. Зрители подумали, что это часть шоу и безмолвствовали, охрана обалдела от пережитого и тоже ничего не делала. На следующий день мы с ним сбежали в Италию.

- Очень интересно.

- Правда? - Я сделал вид, что удивлен.

- Несомненно. Раз вы с ним так сблизились вы можете прояснить нам вопрос относительно точной даты рождения Николая Владимировича.

- Вы знаете… Свой первый бизнес Шурка устроил из телефона-автомата. Звонил потенциальному клиенту и представлялся как директор крупной аналитической конторы. Гнал пургу относительно того, что много наслышан и может помочь, так как знает, что есть проблемы. Большинство обалдевало от наглости и не шли на контакт, а некоторые замечали, что у них не просвечивается обратный телефон. Там на Украине все помешаны на секретности и прослушивании.

Следователь даже не засмеялся. Сидел с кислой миной и с отсутствующим взглядом. Пришлось пояснить:

- Таксофон не определяется… - Бледная улыбка в ответ. - Так что я понятия не имею сколько ему лет.

- Хорошо, но вы же знаете, что он находится в России по паспорту Западной Украины?

- Знаю. А в Европе он был по паспорту Канады.

Мое космополитичное замечание посчитали слишком космополитичным, то есть не стоящим внимания. Следователь посмотрел в бумажку, лежащую на столе и выдал мне страшную тайну:

- По канадскому паспорту ему сейчас 47 лет. Но он поддельный, то есть мы не можем основываться на данных ненастоящего документа.

- А украинский? – спросил я.

- Этот настоящий и по нему выходит, что Величко скоро будет 52.

- Так в чем же проблема? – голодные колики утратили свою громкость, но не прекратились. Я чувствовал, что мой организм пожирает сам себя. Воспоминания о бурной юности

несколько притупили голод, но тупость обсуждаемых вопросов не давала забыть о нем окончательно.

- А проблема в том, что у него не было разрешения на работу на территории Российкой Федерации.

И тут я заржал во весь голос. Большего бреда я, пожалуй… Да, нет, слышал, конечно. Побывали бы вы у нас на еженедельных мозговых штурмах. В общем, гоготал я минуты три – четыре. Обижать уважаемого и наверное искренне болееющего (на всю голову) за дело чиновника не хотелось.

- Почему-то, когда мы проводим вручение наград лучшим исполнителям «МВД Awards» на День милиции никто не интересуется подданством ни исполнителей, ни организаторов. И уж тем более никому не интересно оформлена ли у них «зеленая карточка».

- Ну почему же. Мне, например, очень интересно.

- Сочувствую.

- То есть, вы не знаете, было ли у него разрешение? – продолжал занудствовать следователь.

- Знаю, что не было, - соврал я, так как не знал и не интересовался. Может, конечно, наши юристы в свое время подсуетились, но исходя из характера моего друга… - Он органически не переваривал бумажную волокиту.

- Очень жаль.

- Что жаль?

- Что он своевременно не узаконил свое пребывание в России. Наверное в таком же небрежении находится его взаимоотношения с московской милицией? Я имею в ввиду отсутсвие регистрации.

- Я большое теплое солнце.

- Что?

- Я солнце и мне хорошо. Я нахожусь высоко над миром и мир не может без меня жить. Я большое теплое солнце. Мне хорошо… Если повторять эти самозаклинания каждое утро по сорок раз подряд, то через полтора месяца действительно можно почувствовать свою солнцеподобную звездность. Некоторые пробовали, получалось.

Следователь изучающе смотрел на узел моего галстука и молчал.

- Это все вопросы, какие вы хотели выяснить?

- В целом да.

- Тогда я пошел.

- Идите, - легко согласился следак и попращался кивком головы.

От разговора у меня осталось ощущение глупого и совершенно несмешного розыгрыша. Выйдя из кабинета я счел

нужным посмотреть на дверную табличку. Как и должно, на ней значилось:

«Кривцов Кирилл Константинович. Следователь по особо важным делам».

- Я большое теплое солнце. Я солнце и мне хорошо.

За столом в ресторане Танька сообщила, что вечером я лечу в город трех революций. Сказала она это спокойно, без какой-либо напряженности в голосе и раздражения. Сказала и положила в рот что-то рыбное.

- Ты слышал?

- Угу. - Я отобедовал чем-то мясным.

- Вместо Шуры. Фактически его мероприятия станут твоими. Не все, но самые важные.

- Началось, одним словом, - решил я и стащил из танькиной тарелки гарнир, который она все равно не ела. - И что там в грядущем?

- Приедем в контору, заглянешь в календарный план.

Неожиданно захотелось выпить. Хотя бы вина. Выпить и забыться. Но Танька держала меня на минералке без газа и безо льда. Последний она предусмотрительно переложила к себе в бокал.

Исполняли романтичного Мендельсона. Концерт для скрипки с оркестром ля минор.

Недалеко от оркестра, за соседним столом сидели две женщины. Модель «blondy classical». Крашенные, загорелые, ярко губастые. Не узнал. Они меня тоже. Подмигнул.

- По-моему, у тебя первые признаки звездной болезни.

- Да ладно, что естественно, то не постыдно.

- Ты их здесь заваливать будешь или домой повезешь?

Блондинки были чуть за тридцать, то есть бабы в самом соку и с достаточным опытом. Черт! Было бы прикольно их… среди серебра и хрусталя… А официант стоит рядом и смотрит.

- Слушай, а давай их в прямой эфир поставим. Вызовем твоих помощников, пусть у мастера поучатся.

- Тань, все не так как тебе кажется. Может быть, они высокообразованные женщины с филологическим или философским образованием, которые увлекаются современной литературой и хорошо знают классику. Они замужем за состоятельными мужьями и могут себе позволить ездить по Европе, где посещают музеи и художественные вечера.

- Ага, и мужики жаждут с ними познакомиться, чтобы поговорить о влиянии наследия Сартра на позднее творчество

Кундера.

- Для разнообразия…

Мое подмигивание все же вызвало ответную реакцию. Сначала они пошушукались и стали мило улыбаться, а потом к ним подошел официант с подносом и испортил мою философско-эротическую фантазию:

- Сырный суп, пожалуйста.

- Как сырный?! - воскликнула самая улыбчивая, заглушая мендельсонову скрипку.

Опешивший официант не нашел ничего лучшего как сказать:

- Так. Сырный.

- А сыр делают из молока? - спросила та, что больше всего мне понравилась.

- Да, - ответила улыбчивая.

- Слушай, а молоко ведь не постное?

- Нет.

- Тогда мы не можем это есть.

- Мы не заказывали, - обращаясь к официанту поддержала ее соседка.

- Мы не заказывали.

- Мы не можем это есть.

- Я пощусь.

- И я пощусь.

- Мы постимся.

Так как мы пришли в ресторан практически одновременно и делали заказ паралельно, то я слышал, что они заказали именно суп. Именно, мать его, сырный. Во всяком случае одна из них. Татьяна это тоже помнила и поэтому сложила губы в гримасу похожую на улыбку:

- Ну, что пригласим их на литературный вечер? Порассуждаем о судьбах современной художественной литературы и эпистолярного жанра.

Я к ее мироотношению адаптировался и пропускал ехидство мимо ушей, тем более, что окружающее пространство продолжало наполняться звуками хорошо поставленных женских голосов:

- Мы постимся!

- Да, мы постимся!

- Да! Да! Мы постимся! Унесите это!

- Я сделаю другой заказ!

- И я сделаю, закажу что-нибудь другое!

Каменноликий официант раскрыл меню на специальной страничке с постными блюдами. Положил на стол. Нормированная порционнная улыбка стыла вместе с супом. Вот взять бы тебя, суку, и мордой в тарелку. А потом еще и еще.

Чтобы, этот гребаный сыр тебе в глотку через ноздри, в уши и зенки.

- Тань, я надолго еду в СПб?

- Максимум сутки. У нас «[Голово]ломка» на носу.

- Черт! Я совсем забыл…

- Ни черта, а ведущего на передачу искать надо.

- Тогда достань мне телефон райотдела милиции, курирующий дом Шурки. Хорошо?

Танька удивилась, не сказав ни слова, что-то записала в свой непременный блокнот и мы двинулись в контору.

В офисе перед центральным входом монтировали экспозицию фотографий «отца начальника».

Улыбающееся лицо Шуры крупным планом.

В очках.

Без очков.

Играет в теннис.

Играет в футбол.

Играет в шахматы.

Шура и девочка.

Шура и белочка.

Шура и львы (кадр из Шоу «Не ходите в Африку гулять»).

Шура и Кандидаты (Шоу 1, 2, 3… наше последнее десятое).

Шура и Президенты (Шоу 1, 2, 3… наш последний сезон еще не кончился, поэтому оставили пустое место со знаком вопроса по середине).

На огромном экране в холле демонстрировали все тоже самое, но уже в живую. Рядом ставили стол для продажи эксклюзивных маек, кепок, ручек, значков и президентских штандартиков с буквой «Ш» вместо орла.

Шура mast go on!

Шура и мы стремились в нереальное телебудущее.

-Ира! Ира, давай ты.

- Я?

- Да, да, - главный балетмейстер Большого театра широко улыбнулся и закивал лысой головой. *- Это очень просто.*

- Но я…

- Никаких «но». Каждый политик должен уметь правильного и грациозного выходить на подиум, сцену, трибуну.

- Я…

- Работаем! Давай, давай!

- *Может лучше мальчики,* - попросила девушка и слегка подтолкнула вперед одного из своих соседей.

Сосед не отказался быть первым. Мишанька. Наш фаворит. В букмекерских конторах, с которыми работает Шоу, на него больше всего ставок. Он все делал правильно и никогда не пасовал перед трудностями, демонстрируя завидное политическое чутье. Такого сильного Кандидата у нас не было уже несколько сезонов подряд и у меня сформировалось стойкое мнение о том, что Ира и еще несколько участников работают или будут работать на поддержку Мишаньки. Но что верно, то верно – фаворит. Он классно прошел по сцене: энергичный, четкий и в то же время грациозный шаг, твердый взгляд мужественного интеллектуала. Человек знает, что хочет и хочет то, что может. Молодец.

Ира пошла следом. Она приняла слова о простоте слишком буквально и привычно принялась повиливать тощим задом. Во время поворота, она должна была снять плащ и идти обратно, нежно волоча его по полу. Волочить у нее получалось.

- *Ира! Ира! Все хорошо, почти хорошо, но разоблачаться надо начинать еще до того как повернулась. Вот смотри.* - Балетмейстер показал. - *Понятно?*

- *Да, спасибо.*

- *Не получится у этой воблы,* - громким полушепотом заявил один из застекольщиков.

- *Козел!*

- *Заткнись, овца!*

У Иры все же получилось как надо.

- Вы осознали, что произошло?

- А что собственно? - В отличие от присутствующих в кабинете я не смотрел на телеэкран.

- А то, собственно. Центризбирком, как гарант демократического процесса в России, выражает озабоченность ситуацией, сложившейся вокруг Шоу, после трагического случая с Шурой. Завтра мы сделаем официальное заявление о возможной угрозе…

Озабоченный представитель Центризбиркома сбился. Директор PR-агентства «IC» отвернулся к окну и затрясся в припадке беззвучного смеха. Он терпеть не мог зама председателя Центризбиркома и тот платил ему тем же. Я был равнодушен к обоим.

- … о возможной угрозе свободному волеизъявлению граждан свободной России.

- Николаич, ну ты дал.

- Что?

- Николаич, ну че ты в самом деле? - Наш главный оператор славился своей фамильярностью. - Мы без всяких заявлений уже все поняли.

Цетризбиркомовский Николаич считал главного оператора неотесанным болваном и поэтому не обижался.

- Действительно, - проворчал я, разглядывая фреску «Тачанка», украшающую одну из стен моего кабинета. Настенная картина представляла собой известный кадр из фильма «Чапаев», где он вытянутой рукой дает ценные целеуказания Петьке, строчащему из пулемета. В роли Василия Ивановича Чапаева Василий Иванович Петров, то есть я великий:

- Лучше бы придумали, как заставить Кандидатов базар фильтровать.

- Мы не можем допустить, чтобы почти пять процентов электората России не имели возможности выражать свои политические предпочтения. Маргинализованная интеллигенции должна иметь повод для воя об образовательно-культурном уровне наших Кандидатов.

- Ну, по некоторым данным маргиналов много больше, - добавил мыслей директор по маркетингу.

Центризбиркомовец хотел что-то сказать, но промолчал.

- Вот, вот. Давайте-ка вернемся к нашим баранам, - попросил я, переводя взгляд с краснознаменной тачанки на аутсайдера, который безучастно смотрел в экран. По подиуму с различной степенью грациозности дефилировали его будущие противники по предвыборной гонке. - Ваш Кандидат готов?

- Готов, готов, - откликнулся директор «IC». - Юраша, покажись.

Юраша показался. Прошел по кабинету, сделал несколько поворотов и умно посмотрел мне в глаза. Как я понимаю, в те три месяца, какие были потрачены на подготовку аутсайдера ребята из «IC» сделали все что могли. А могут они очень много. Дрессировали по полной программе: постановка голоса, иностранные языки (скорее всего китайский, хотя я не уверен), тренажерный зал, риторика (заставили выучить с десяток речей по разным темам и разным набором мыслей), психологический тренинг для выживания в агрессивно настроенной социальной среде, стилисты поработали над внешнем видом (может быть, вправили мозги относительно того, что к оранжевой рубашке неприлично одевать зеленый галстук), спорт…

- Какой вид спорта?

- Поло, - ответил Юраша, продемонстрировав приятный

баритон.

- Какой? - не понял наш оператор.

- На лошадках с клюшками за мячиком скакать, - объяснил неучу маркетолог. - Смелый ход. Это ново, особенно после тенниса, дзюдо и футбола.

Ядреная смесь. Такую черную лошадку разглядывать к экранам прилипнет будь здоров народу. Накал борьбы и все такое.

Гордый дрессировщик, вложивший в раскрутку свои знания, душу и любовь, хотя этот из «IC» ни в чем таком не замечен, быстро раздал всем по красной папке с полным отчетом о проделанной работе. Тайное становилось явным.

Итак. Родился на Урале в обычной рабочей семье сталевара и сталеварихи. Происхождение не подкачало… Впрочем могли бы от колхозницы найти. Родители думают, что сын нашел работу где-то в Тульской области. Позовем на ток-шоу «Моя семья»… 28 лет. Холост… Нормально. Есть где гормональную интригу закрутить. Было несколько девушек, с которыми поддерживал продолжительную связь… Адреса. Привезем в Москву, снимем любовные фильмы-воспоминания и ток-шоу «Про это». Так. Армия… Служил на флоте. Подводник. Ага, это модно. Сослуживцы. Адреса. Устроим встречу на ток-шоу «Ветераны». Жалко не воевал, а то у нас девчушка есть, так кричит, так рыдает от счастья, когда ее спасают из разбомбленного дома… Потом Университет. Сокурсники. Адреса. Пригласим на ток-шоу «Достоинство». Строитель. Строил дома. Дома людям, для людей. Нет. … Черт!… Железные дороги... Хорошо. Он соединяет людей, их сердца и судьбы. Коллеги на ток-шоу «Друзья». Кастинг прошел негласно, по Интернету, попал в финальную группу. Тренировался на базе «IC», естественно, в Кашире. Оттуда на вертолете в Москву и на служебном лифте ко мне на этаж. Вуаля.

- Группу поддержки сформировали? - задал я риторический вопрос, когда освоил содержание папки.

Ну, конечно же, сформировали. Послезавтра вечером, когда черная лошадка появится на нашем ипподроме, к студии пригонят целую толпу с транспарантами и мегафонами. Опять драки с конкурентами начнутся, стекла полетят, а ОМОН применит слезоточивый газ. Action-show «Разбей витрину» в прямом эфире.

- И вы думаете, такой товар годиться? - спросил маркетолог, также успешно освоивший папочку.

- А че, нормально, - среагировал оператор. - Он очень даже фотогеничный. Голубые глаза, прямой нос, волевой подбородок. «IC» лажу не гонит, а если и гонит, то очень даже фирменную.

- Да, я не об этом, - отмахнулся очкастый маркетолог. - Вы из него хотите лепить противовес Мишаньке. Железнодорожник. Человек, соединяющий страну. Стальные жилы дорог и одновременно любовь к лошадям, доброта животных и людей. Трудовой пот человека и лошади. Ветер свободы во время железнодорожного галопа.

Пиарщик загадочно улыбался и молчал. Юраша важно и старательно изображал задумчивость.

- Это все понятно, - продолжил маркетолог. - Не боитесь того, что идете в разрез с электоральными ожиданиями.

- А что вы от нас хотите? - немного удивился директор «IC». - Нам вообще в последнее время не везет. За последние пять лет второй раз ведем аутсайдера. Работаем на контрастах.

- Не смотрите на меня, - ответил на взгляд пиарщика центризбиркомовец. - Не я вам шарики во время розыгрыша достаю. Сами. Сами виноваты.

- Вот видите.

В общем, мы видели. Подготовкой розыгрыша Кандидатов занимается туча народа под строжайшим международным наблюдением. В прямом эфире крутят прозрачный барабан лототрона, и представители допущенных Image-агентств достают потенциального преемника на следующий президентский срок. А там все на удачу. Кто-то ведь должен и аутсайдера вести, так сказать, интригу неожиданности делать. Хотя пока ни у одного аутсайдера не получилось стать победителем. Слишком высока инерция сформированных предпочтений, долог период привыкания и мало времени до срока окончательного подсчета. С Юрашей будет тоже самое, но на второе место он может претендовать уверенно.

- Боже мой! Что я тут делаю?

- На что гроблю время и талант?

- С кем приходится работать?!

Старческий маразм, никакого драйва, сплошное сакральное словоблудие.

От Юдашкина приходили:

- По договору с агентством «IC» Юрашенька будет представлять стиль нашей торговой марки. Надо договориться о размещении нашего логотипа и рекламы.

Из «Puma» подгребли:

- Мы хотим повторить наш старый и забытый рекламный ход с Puma Турман. По договору с агентством «IC» Юрашенька будет ходить в кроссовках и спортивных костюмах нашей марки. У него

красивые ноги, покажите их крупным планом.

«Philips» предоставила электробритву, с черт его знает каким набором функций, а «Sony» наушники для того, чтобы Юраша продолжил учить китайский по дистанционной программе самообучения от какой-то Илоны Д.

- Наш загородный спорткомплекс готов предоставить время для занятий поло.

- Наша фирма предоставляет в прокат лимузин для доставки Юрашеньки в манеж.

- А какую он будет есть колбаску?

- А шоколад?

- А лимонад?

Бесконечные разговоры, лица, улыбки, рукопожатия и поклоны. Бегающие туда-сюда Танька и наш бесценный маркетолог, бумажки и вид собственной подписи, которую под конец дня начинаешь ненавидеть. Время от времени бросаешь взгляд на картину с Чапаевым и жалеешь, что сейчас не гражданская война. На тачанку, заправить ленту в пулемет и…

- Алло.

- *Здорово Василий Иванович.*

- Кто это? Откуда вы знаете мой личный номер?

- *Вась, не будь идиотом*, - посоветовал тот Козел, который звонил. Он был настолько козел, что был с большой буквы «К» - Козел.

- Че звонишь?

- *Типа соболезнования выражаю.*

- Спасибо. - Мне казалось, что он затыкает рот рукой и давит свое блеянье… или как там козлы кричат?

- *Как дела? Небось переживаешь.*

- Ах ты сволочь!

- *Во-первых, не смешно, и, во-вторых, где твое уважение к конкурентам?*

- Да пошел ты. Думаешь, я не знаю, че ты хочешь?

- *Тоже самое, что и ты.*

- Фу, как примитивно! Случай с Шурой ничего не меняет.

- *Может быть,* - согласился телефон. - *Ну, посуди сам, родной. Ведь только Шурка имел прямые выходы на самый верх. Ведь так? Мы же предлагали вам нормальные отступные. Да и персонально тебе тоже. Помнишь? Зачем лишний геморрой? У вас и так заказов и бабок навалом. Делиться надо.*

- С тобой что ли?

- *А чем я хуже?*

- Да хотя бы тем, что чужие идеи воруешь, - заявил я, поднимая градус кипения. Он там во всем белом, а мы тут…

- *Это еще надо доказать,* - теперь уже открыто хихикнули в трубке. - *Мы всего лишь начали подготовку к шоу под рабочим названием «Верховный суд». Так что, это ты у нас задумку спер.*

Нервы сдали и чтобы совсем не потерять лицо, пришлось потерять связь с собеседником. Бросил трубку и заорал благим матом.

- Кажется, тебе надо увеличить дозу успокоительного, - сказала Танька, когда я наконец проорался.

- Ты записала гада?!!

- Которого? Тебя или…?

- Обоих!

- Записала.

- Боже мой, какое дерьмо!… Тань, слышь, а ведь у Шурки в последнее время начались трудности по части бизнеса. Так? … Ничего не заметила?

- Ну, вообще-то он пить стал много больше, чем обычно, - вспомнила секретарша, отрываясь от ноутбука. - И даже подсел на серотониновую гадость.

- И с чем это могло быть связано?

- Да откуда ж я знаю, - деланно удивилась Татьяна. - Это ты у нас лучший друг.

- Дура.

- Сам дурак.

- Ты телефон ментовский нашла?

- Нашла, - кивнула Таня и подала мне бумажку с номером.

- И вообще, давно пора тебя уволить.

- Ну, еще что-нибудь скажи!

- Вот увидишь!

- Пей давай!

- Уволю, вот увидишь, - заявляю я решительно, и немедленно заглатываю разноцветную пригоршню «жизненно необходимых» лекарств.

Мы в самолете. Мы летим в Санкт-Петербург.

«Lufthansa – Аэрофлот будущего. Летайте самолетами Lufthansa!»

За толстым стеклом иллюминатора столь же толстая темнота. Мы набираем высоту, с которой города кажутся россыпью мелькающих огоньков. И вдруг…

«Говорит командир экипажа. Нам сообщили об угрозе террористической атаки ракетами класса «земля – воздух». Мы совершим экстренную посадку. Пожалуйста, пристегните ремни и соблюдайте спокойствие». Еле сдерживающаяся стюардесса

быстро бледнеет. Она суетливо убирает с подлокотников стаканы с водой и выпивкой, закрывает бар и садиться вместе со мной и Танькой. У нее дрожат руки. Даже Федя просыпается и возмущенно вертит головой. «Я не понимаю…» – моя невозмутимая секретарша теряет стингеронепробиваемую уверенность в себе и пытается что-то сказать напоследок… Хлопок справа. Вспышка. Мы кричим и воем вместе с падающим самолетом. Невесомость в салоне. Невесомость…

Сон.

…и совсем не страшно.

День 2. *Fuck all the petersburgians!*

На свете нет ничего постыднее обладания гостиничными полотенцами и халатами. «Обладание» в сакральном смысле. Непреодолимое, до дрожи в руках и коленках желание спереть.

Несколько раз я увозил с собой весь ванный комплект, завернув в него неиспользованные тюбики с «бесплатной» зубной пастой, шампунем и кремами. Клептоманил в тайной надежде почувствовать нечто похожее на угрызение совести. Не тут-то было! Администрация гостиницы включала эти кражи в счет, который наш финансовый отдел преспокойно оплачивал, не удостаивая мои причуды хоть каким-нибудь вниманием.

Жизнь теряет интерес.

В попытке выяснить глубинные причины моего неадекватного гостиничного поведения я занялся психологией. Она завела меня в дебри подсознания, в котором желание обладать сразу всеми красивыми женщинами переплелось с махровым халатовым фетишизмом. Представляемые мною, то есть моим подсознанием, женщины должны, просто обязаны ходить в халатах днем и ночью, на вечеринках и приемах, в офисах и магазинах. Словом везде.

А еще можно захватить с собой полотенце.

В случае чего им можно связать руки.

Есть у нас в конторе Густав Альбертович Шнитке. Из поколения прошловековых восьмидерастов, акционер, член Совета Директоров, владелец всевозможных активов/пассивов, и вообще, большой оригинал. Живя где-то в лесах Шварцвальда, он ухитрялся держать руку на пульсе деловой жизни своей первой родины, появляясь на ее просторах в нужное время, в нужном месте.

Таких «альбертычей» у нас много, но именно этот суется в мелочи шоупроцесса. Очень он трепетно относился к деньгам и собственности.

- Что вам надо Густав Альбертович?

- Да как вам сказать… Нет у нас в стране политической стабильности.

- Как?

- Стабильности, говорю, нет. Вон в Восточной Украине, - акционер указал сразу двумя своими подбородками на дверь, за которой скрылось живое олицетворение Малороссии в виде

молоденькой горничной. - Верка Сердючка который срок у власти. И «Виа Гра» как оппозиция вечна со своим силиконовым репертуаром. Смотришь и восхищаешься регулярностью ротации лиц.

- Лиц?

- Ну-у-у…

- И что мы их не присоединим. Они ж и так уже под наши стандарты подстроились.

- Потому как бардак, - философски заметил россиянин Шнитке.

- Все в России через жопу.

- К сожалению, не через женскую.

Чтобы хоть как-то отвлечься от навязчивых ассоциаций включил телевизор, оставив на первом же попавшемся канале. Попался канал «Охота». Курсанты из Академии ГБ практиковались в прямом эфире в искусстве вербовки от имени иностранной разведки.

Слышь, лейтенант, как проехать… Дай закурить… Ну, как служба?… Сам-то как?… Разбогатеть хочешь?… Нет ничего проще… И вот мы видим, как бедняга лейтенант бежит в ближайший туалет, где все уже приготовлено и напичкано микрофонами и камерами размером с пуговицу. … «Мать! Мать!! Мать!!!» … Его лицо как экран компьютера во время загрузки отображает все возможности скромного железа. Борьба недоверия с желанием в одночасье заиметь миллион зелени. Сделать-то надо всего ничего - пропустить в город КАМАЗ с грузом подозрительных бочек с надписью «Отравляющее вещество». А потом?… Желания шкурного счастья одолели сомнения, даже, несмотря на то, что вся страна знает о существовании федеральной программы «Охота на оборотня».

- Спекся мент, - заметил Шнитке, доедая омлет.

- Одним оборотнем меньше, - я пил сок.

- Да уж, - согласился Густав Альбертыч и перешел к сути. - Вы знаете, в чем состоит цель работников компании?

- Всеми силами увеличивать доходы наших акционеров, - бодро доложил я, вспомнив заповедь из инструкции для служащих «Coca-Cola».

- Совершенно верно Василий. Поэтому у меня, как акционера вызывает большой интерес, почему вы так не хотите этого делать?

- Я? Не хочу?

- Вы. Вместе с Шурой. Посудите сами. Известная корпорация хочет построить супер-магазин, настоящий торгово-развлекательный рай, а вы ей упорно не помогаете. От этого строительства всем будет хорошо. Фирма обретет прочные связи в

России, мы увеличим поступления от рекламы, а народ получит еще один потребительский рай.

Между тем, в телевизоре милиционеру уже во всю пытались выкручивать руки. С-с-су-у-у-ки-и-и!!! От отчаяния тот пытался (Невиданное дело!) оказать сопротивление, чем безмерно отягчил совершенное преступление. Правда, это могло быть удачным режиссерским изыском.

- Захватывающе, - признался я, вспомнив о собственном пребывании в потребительском рае, где у нормальных людей, то есть таких как я, тут же заболевает голова от обилия всего того, что можно потребить. - Пусть строят. Я же им не мешаю.

- Нет, как раз мешаете.

- В чем?

- Расширять торговую империю.

- А нашим акционерам увеличивать свою прибыль?

- Вы очень быстро все понимаете. - Шнитке, налил себе неожиданно сильно вонючий кофе. - Принципиальной позицией этой правильной корпорации является гармония между жителями района, где строят торговый центр, акционерами и дирекцией фирмы. Вы понимаете, к чему я клоню?

- Господин акционер, а что ж они к другой компании не обратятся? У нас же рынок насыщен по полной и ограничений никаких. - Я указал на экран, где милиционер прикрываясь общественными туалетами отстреливался своими последними патронами. Кажется, он в кого-то попал и даже не в одного, а в нескольких. - Какая-нибудь немецкая RTL или на худой конец провинциальная TV-Polonia с задворок Европы все бы сделали в лучшем виде.

- Вася, честное слово, вы меня удивляете. - Густав Альбертыч может и хотел бы выглядеть удивленным, но более всего походил на танкиста, защищенного от всевозможных удивлений толстой многослойной броней. - Лишней работы, то есть лишних денег не бывает. Тем более наше Шоу участвует в программе развития демократии и поддержании муниципального самоуправления.

- Ну, хорошо, а почему не «Седьмой континент» или не менее популярный «Перекресток»? Они ведь тоже участвуют в этой самой программе по подержанию.

- Это уже не смешно. - Шнитке засмеялся, демонстрируя отменные зубы. - В конечном счете, мы получаем бабки…

- И показываем, что побеждает демократия.

- Exactly, mein Freund! Мы проводим показательное шоу о том, как люди борются за свои права и в очередной раз доказываем всему человечеству, что народовластие живет. Демократия еще больше демократизируется, а позитивный имидж

глобальной конторы становится еще более позитивным и глобальным. Буквально глобальная позитивная демократия.

- *Суки!!!* - У лейтенанта остался один патрон и он выстрелил себе в висок. - Бух…

Спецназовцы полезли из всех щелей, окружая мертвое тело.

- *О, мой Бог! Ужас! Господа! Это… Мы стали свидетелями небывалой трагедии!… Э-э-э… Он мертв! … Э-э-э… Да, да. Доктор из группы захвата подтвердил. Оборотень мертв… Он ушел от справедливого возмездия… Э-э-э… И перед смертью этот нечеловек в форме защитника правопорядка… э-э-э… покусал нескольких ни в чем не повинных людей.* -Крупным планом показали тяжело раненых оперативников, которых уже грузили в скорую. - *Подумайте, господа, что произошло бы, если подобное случилось бы на самом деле… э-э-э… и этот оборотень смог бы пропустить в город машину с отравляющими веществами? … Э-э-э… Им не место…*

На экране – белобрысая голова лейтенанта с аккуратной дырочкой в виске. Струйка крови, открытые глаза и рот. Другую половину головы снесло напрочь. Разбросанные ошметки показывали мельком, не задерживая кадр.

- Короче так, - резюмировал Шнитке. - Вы беретесь за реализацию проекта, а я буду защищать ваши позиции в Совете Директоров, когда будет решаться вопрос о том, кто займет место Шуры. И на собрании акционеров. Собственно для этого я и решил посетить свой родной городок.

Что я мог сказать на столь наглый по содержанию и по форме ультиматум?

Fuck
all the
petersburgians!

Я категорически и непреклонно согласился с предложением уважаемого акционера.

Месяца два назад вышли на нас несколько белозубых уродов из «Wal-Mart» с гениальным предложением устроить мега-reality-шоу «Референдум о…».

Суть проста как валенки, которые можно будет купить в русских магазинах «Wal-Mart». Торговая корпорация приходит в Богом забытое место, прелесть жизни в котором измеряется десятками метров до дорожного ограждения нескольких оживленных транспортных магистралей. Так почему бы людям, мчащимся на собственных авто из пункта А в пункт Б и в множество других пунктов, не совершать покупки в торговом

центре, который будет построен в этой дыре?

Местная администрация счастлива как никогда. Буквально прыгает от восторга. А вот «WM» таким оборотом недовольна. Корпорация нуждается в «гармонии», которая достигается тем, что народное большинство на специально-организованном референдуме голосует за то, чтобы разрешить им строить магазин. Перед этим сотни якобы добровольных агитаторов будут ходить по окрестностям этой дырищи и объяснять прелести глобализации мира, раздавать (Бесплатно!) футболки, значки и валенки, рассылать семидесятистраничные качественно отпечатанные на мелованной бумаге проекты строительства с DVD-дисками, в виде приложения и наглядной агитации. Народ же, по сценарию безмолвствовать не должен. Народ должен шуметь, возмущаться, устраивать демонстрации и писать петиции. А наш новенький канал очень объективно освещать мнения сторон и показывать, как под влиянием разумных доводов меняется народное мнение.

И вот D-day, в смысле «День Д» – референдум. Конец шоу. На нем солидная, большая, победная часть жителей этой дыры соглашается присоединиться к счастливой планете магазинов «Wal-Mart».

Фанфары, занавес и новое шоу в другой не менее забытой Богом местности.

Здание, к которому мы подъехали, было обернуто разноцветными рекламными полотнищами от основания до самого верха. Над крышей многочисленные флаги. Окон не было. Вместо них были колеса, фары, двери «Audi» и улыбка лопающегося от жира человека из «Michelin». Красным по черному светилось и переливалось: «КАСТИНГ ГУБЕРНАТОРА».

Это было новое здание санкт-петербургского избиркома, специально построенное под проект развития инфраструктуры политического рынка. В железобетонно-стеклянной коробке гений архитектора собрал «все необходимое оборудование», самое современное, самое удобное. А по выходным в ночном небе устраиваются лазерные представления.

В огромном зале, в который нас привели, буйствовала толпа. Действо еще не началось, но уже было. Живые мертвецы тянули ко мне скрюченные когтистые пальцы, хрипели и показывали желтые клыки. Полоумные взгляды, звуки, лица. Протяни им руку – укусят, заразишься и придется лечится в концлагерно-амбулаторных условиях.

Мое слегка обалдевшее лицо показывали несколько экранов

развешенных по залу. Я смотрел по сторонам и глупо улыбался. Каждая моя ужимка вызывала прилив любви и обожания.

- Тань, слушай, ведь это в эфир идет?

- Идет.

- А я в том же самом костюме, что и вчера.

- Какая досада, - съехидничала Татьяна. - Может, наконец, соберешься с силами и обновишь гардероб.

И что обидно, она могла спокойно взять на прокат какие-нибудь обноски и не выставлять меня перед людьми нищим болваном. Впрочем, тем болванам, которые собрались в зале, было все равно во что я одет. Я даже думаю, что если бы я появился перед ними в чем мать родила, они продолжили бы радостно орать:

- У-вау-вау!!! Вася! Выбери меня! Вася! Меня!!!

В группе маститых околополитических дядь и теть, с которой мы тусовались особенно выделялся Игорь Убойный. Владелец ведущего российского музыкального канала и огромной продюсерской фирмы. Славился он показной равноудаленностью от всех политкомпаний и команд, которые клубились на телевидении, что, впрочем, не мешало ему стричь купоны с раскрученного проекта, ориентированного на молодежный электорат: этому время эфирное предоставит, тому клипак сварганит, кому-то дельный совет даст, а в качестве хобби и песенку сбацает. Насчет последнего я его и обеспокоил:

- Слушай, Игорек, сделай песню.

- Какую? - удивился Убойный, все еще тряся мою руку.

- Как всегда убойную, забористую и сентиментальную. Так чтобы слезу выбивало. Типа: «Forever вместе».

- У меня все такие.

- Знаю.

- Зачем тебе?

- Для прощания с Шурой.

- Он что уже того?

- Нет.

- На всякий случай, значит.

- Песню надо сделать попроще, чтобы для мобильной сигналки в контент годилась и чтобы узнаваемый мотив на первые три аккорда. Ты же пишешь в год по чайной ложке, а тут надо, чтобы классно вышло и искренне. Так только ты умеешь. В крайнем случае, поможешь харизмой своего медиаресурса. И потом, ты кроме денег, погреешься в лучах заходящей славы Шуры и пристегнется к политическим делам, просто потому что…

- …Мне по человечески Шурку жалко. Хороший был парень. - Игорек ненадолго сделал вид, что думает. - Ты мой счет знаешь?

Перечисляй как обычно. Сделаю все что смогу.

Бывают в жизни такие моменты. Странные. Ничего не можешь объяснить и доказать, а делаешь… Примерно так было, когда я в Италии увидел свою будущую бывшую жену и понял, что хочу развестись только с ней… Провидение? Может быть. Все может быть.

- Итак. Санкт-Петербург, ты нас слышишь?!!! - визжал ведущий.

- Да-а-а!!! - ответил Санкт-Петербург.

- Мы начинаем!

Фанфары.

- Кнопку жми, - прошипела Танька.

- Чего?

- Жми кнопку!

Я нажал. Заиграли гимн: «*ТЫ ПОПАЛ НА TV!*» Почти сразу с потолка полетели разноцветные воздушные шарики и блестки. Прямой эфир неистовствовал. Камеры выхватывали лица, улыбки, повороты, слова, походки, взгляды… Я стал подстать прямому эфиру. Столь же бессмысленный и самовлюбленный.

Вот навстречу судьбе идет девица. Высокий лоб, длинные волосы, полосатые чулки и неправильная походка. В наушниках звучит выученный крик души:

- Основная проблема нашей области в том, что у людей мало личного счастья. Мы мало улыбаемся и радуемся жизни.

У нее получилось очень красиво. Невинный взгляд в жюри, опять же. Но вера в ее искренность меркнет, пока она идет обратно. Грушевидная задница не способствует тому, чтобы ее обладательнице ставили высокие оценки за интеллект:

3.0, 3.5, 2.5,…

Например, у меня большее доверие вызывают маленькие попки, которые с легкостью могут поместиться на мужских коленях и не создают непереносимую тяжесть бытия. Таких в жизни встречается немного, но именно поэтому они заслуживают высших баллов. Как раз такая была у вологодского парня. Почему вологодского? А хрен его знает. Все белобрысые, веснушчатые, ушастые парни с маленькими задницами, накаченным торсом и руками непременно из Вологды.

- Губернатор должен… Ну, типа, порядок навести… Типа, чтобы… э-э-э… воровали поменьше.

2.0, 1.5, 6.0,…

Шестерку поставил я. Теперь за технику. В конце концов, по разнарядке, в шоу должны участвовать два – три представителя аборигенов из деревни. А у этого на узком лбу было написано неполное восьмилетнее образование и работа говновозом в

ближайшем коровнике. Это в лучшем случае. В худшем, так у него вообще куча судимостей в качестве рецидивиста маньяка насильника. Вишь, как наколки на бицепсах играют. Дух захватывает!

Остальные были в таком же духе. Шли друг за другом парами: мальчик - девочка, мальчик – девочка. Кандидаты как на подбор, один другого краше. То говорить не умеют, то ходить, то в улыбке зубов не хватает, то забыла ноги побрить. Настоящие стопроцентные представители электората. Как по сценарию положено.

В первые дни зрители и международные наблюдатели должны увидеть, что быть выбранным на участие в шоу могут любые желающие. То есть какой-нибудь колхозный тракторист Микола может присоединиться к какой-нибудь городской кухарке Фекле в желании поуправлять государством. И, как правило, таких желающих набирается офигительно много. Разве только на инвалидных колясках не приезжают. Пока. Некоторые особенно трезвые умы уже делают неудобные предложения о том, чтобы инвалиды были поставлены в равные условия и, что необходимо организовать их особый прием на предвыборную гонку. Паравыборы, блин.

Если так пойдет, то скоро начнут поднимать вопросы относительно весовой сегрегации. В шоу почему-то проходят только стройные, спортивного телосложения мальчики и девочки, а вот лопающиеся от жира поклонники Биг-Мака в эфир не попадают. Общество любителей «McDonald's» почти два года назад поставило вопрос об ущемлении прав толстых избирателей. Мы по этому поводу провели расширенное совещание дирекции и решили на будущий год взять на шоу одного толстого добряка (толстые ведь считаются добрыми).

Как раз одному такому необъятному мужику в майке, на которой было начертано: «I love SPb!», я поставил очередную шестерку. Никто меня не обвинит в предвзятости и в необъективном судействе. Я добрый, хотя и не злоупотребляю калориями.

В общем, развлекался как мог. Слава Богу, нам, то есть первичной комиссии, не надо читать их биографий, а то процесс отбора кандидатов затянулся бы не на один месяц, а на годы. Родился, вырос, умер. Это все интересно потом, когда кандидат уже заперт в зазеркалье и борется за выживание, пока благодарные зрители ставят на нем эксперименты. А до этого…

- Ну-ка, молодой человек улыбнитесь еще раз.

Парень выполняет.

- Четыре, - считаю я, и ставлю за артистизм «4.0».

- Ты чего это? – удивляется Таня.

- У него как раз четыре золотых зуба в пасти.

Не знаю, как работают другие судьи, но, на мой взгляд, объективность судейства с каждым годом становится все объективней и объективней.

Наверное, я и дальше продолжил бы там чудить, если бы по моему личному номеру не позвонила жена. Бывшая, конечно же, бывшая.

Что-то там относительно того, что я хорошо выгляжу и меня сейчас часто показывают по каналу «Губернатор-шоу», чаще чем кандидатов в Кандидаты… Ха-ха-ха! Ты молодец… Давно не звонил, не заходил, ай-яй-яй… Ха-ха-ха!… Как мама?… И всякое такое… Ха-ха-ха!

Елена Анатольевна была моей бывшей женой вот уже несколько лет. Кажется, пятый год. Говорят, разлука только укрепляет взаимное чувство. Думаю, эта глупость не такая уж глупость. Во всяком случае, мы все это время жили с ней душа в душу. Поздравляли друг друга с праздниками и днями рождениями, дарили подарки и с упоением вели пятиминутные разговоры по телефону, для которых она облачалась в легкие полупрозрачные платья, а я надевал свою любимую майку, купленную в Италии пятнадцать лет назад. Наш личный dress-cod подразумевал теплые ночи под южным небом, легкое вино, ворованные с клумб цветы, мечты и воспоминания, воспоминания…

Когда Шурка предложил валить из Парижа в Италию, я нисколько не раздумывал. Забрал вещи в подвале, где обитал вместе с семейством скромных непритязательных мышек и в аэропорт. Помню, нас не хотели пускать в самолет, потому как мы еще не до конца протрезвели после вчерашнего. Здорово помогли дополнительные сто евро регистраторше.

С этого момента я сделался альфонсом. Жил за счет Шурки, хотя это не значит, что у меня с ним было… Он говорил: «Васечка, при всей любви к прекрасным глазам, ты не в моем вкусе. В твоих глазах слишком много смысла».

Видимо этот самый «смысл» подсказал нам устроить крутой performance в Сан-Ремо. Музыкально-политический форум свободной и разваливающейся Европы. Орава очень среднего класса со всего ЕС, которая умиляется певческими дарованиями удовлетворяющим очень среднеевропейский социально-культурный заказ. Всеобщий праздник жизни. Поют на сценах, экранах и улицах. А в конференц-залах, ресторанах и барах

обсуждают животрепещущие вопросы о стимулировании потребительского спроса и возможности не допущения размывания мировоззренческих основ европейца.

И тут мы на белых конях с шашками наголо и криками: «Даешь технологическую контреволюцию!» Всем уже надоела антиглобалисткая банальщина с тотальным уничтожением витрин. Не вызывает ничего кроме аллергии. Так что наше: «Евросоциализм – это деиндустриализация плюс информатизация всей страны!» прозвучало очень даже недурственно. Показали по телеку.

Так Шура нашел мне имидж Чапаева, а я нашел Ленусика Анатольевну и ее папу. Вернее сначала папа нашел нас, выкупил из полиции и угостил завтраком на веранде своей загородной виллы, где он искал возможные точки роста родного Отечества. Как он нам объяснил, для того чтобы Россия заняла достойное место в окружающем постмодерне ей нужно обрести свое лицо и подарить миру эксклюзивную идею. Но только такую, чтобы и в Африке она была понятна и в Костроме, и в штате Кентукки заинтересовались опытом – русский «культурный код» глобальной локализации. И еще, хорошо бы эта идея вышла на самоокупаемость где-нибудь через два-три года, потому как с учетом инфляции и нестабильности энергетических рынков…

В общем, мы жрали ананасы, жевали рябчиков и рассматривали коленки папиной дочки, которая совмещала учебу в Принстоне с курированием инновационных проектов одного сугубо благотворительного фондика на Канарах.

Наверное, только после всего этого можно всерьез поверить в то, что случайностей не бывает. Кто-то там наверху сидит, следит за нами и отмеряет каждому человечку сколько гадости или, если захочет, добра тот сможет сделать за свою короткую жизнь. А потом, когда мы к нему попадем на суд, он нам воздает… по заслугам. Делает выводы и взвешивает судьбы, наказывает и награждает.

Тогда, в безразмерном особняке эпохи Ренессанса я понял, что пришло мое время. За все предыдущие страдания и несчастья я был вознагражден обществом Ленусика, ее папы, деньгами и временем потраченным на чтение, гуляние и совокупление с вышеназванной Ленусиком и… еще раз с Ленусиком. А потом, на одном из мозговых штурмов мы родили мега-, супер-, сверх- идею Шоу от которой все отмахнулись и положили под сукно, но которую вспомнили, во время очередного «непрогнозируемого падения сырьевых рынков, который не был предусмотрен хедж-программами».

Когда это произошло, папа уже лежал в могиле, а Ленусик

превратилась в строгую, но справедливую Елену Анатольевну. Под ее руководством и с моей скромной помощью наша команда дала человечеству «disruptive innovation», подорвавшую мировой политический рынок, на котором new-Россия обрела неповторимую морду оплота new-демократии, new-либерализма и new-государственности.

Вот и представьте, какой у такой бабы должны быть характер и выдержка.

Правильно. Закаленные.

От папы она заимствовала не только капиталы, но и гармоничную духовную организацию, целеустремленность и смелость, берущую города. От мамы не знаю что, но, видимо, тоже нечто весьма полезное. Так что весь этот детский романтизм с летними платьицами, свидетельствующими о хорошей памяти, штука напускная. Лена всегда умела управлять своими эмоциями и никогда не звонила без повода.

- Где Татьяна?

- У нее дела.

- Обидно. Ей было бы полезно поучаствовать.

- Угу, - согласился я, обживая самый дальний от жены диван.

Мы были в кабинете. Лена сидела за длинным столом, за которым могло поместиться человек двадцать. Во всяком случае, столько вокруг него стояло стульев с резными спинками. Намекала, зараза, на обстоятельства развода, который произошел так же случайно, как и наше знакомство.

Какой-то мудак из службы безопасности (я потом добился его увольнения) записал мой активный отдых вместе с секретаршей на столе для совещаний. Был такой период. Я сильно увлекся Танькой, а она мной. Но все очень быстро и по обоюдному согласию кончилось. Вот как кончалось эта скотина и продемонстрировала Елене Анатольевне. Выслужиться хотел, гад. Жена не сказала ни слова, переехала в Петербург и забрала с собой сына. У нее все так, ибо настоящего арийца определяет выдержанность.

По телеку говорящая голова кабельного «РБК» сообщала о последних котировках Пекинской фондовой биржи. Одни падают, другие растут, ни тебе музыки, ни тебе рекламы. Сплошной поток рационального сознания, разбавленный сгустками аналитики. Она и такие как она принципиально не смотрят каналы всеобщего вещания. Они с удовольствием демонстрировали вопиющее незнание последних культурных тенденций: кто с кем переспал; кого этот «кто» после пересыпа бросил; что та, которую бросили

спела и во что она во время публичного самовыражения была одета. Аристократизм незнания так и прет во все дыры.

Fuck
all the
petersburgians!

Мы-то что. Плебеи. А эти со своим «Российским Бизнес Каналом» и круглосуточным «CNN»…

- Мне показалось, что некоторые вещи надо хранить для истории.

На телестене появился так называемый «Я». Мое бледное плоскоэкранное лицо лупоглазо пялилось на сцену, где появлялись в различной степени одетые и раздетые девушки и юноши. Оказалось, что у меня сильно дрожат руки.

- Ты знал? - спросила Лена.

- Нет… Может быть… Не обращал внимания.

- Вот это интересно больше всего. - Она увеличила изображение так, что на экране остался только я – великий и ужасный. Изо рта выпал розовый в мелких пупырышках язык. Видимо я с азартом жал на кнопки, выставляя очередные «six point zero» потенциальному Санкт-Петербургскому губернатору за его артистизм, техничность и интеллект. Язык слюнявился на половине экрана и здорово выделялся на бледном фоне моего лица. Стало понятно, что впереди будет стандартный семейный скандал, во время которого я буду молчать и кивать головой, а Ленка тихо, не повышая голоса, будет выражать категорическое «Фу» поведению бывшего мужа.

Все так и получилось. Перед бывшей лежал список всех моих прегрешений.

Ей не нравилось решительно все. Например, как я вел себя на новогоднем приеме в Кремле. Во время выступления Президента подавился блинами с семгой и кашлял на весь зал так громко, что глава государства прервал речь. Помню, меня хотели вывести, но я упал на четвереньки и стал похож на большого кота во фраке, у которого случилась отрыжка.

- И как это называется? - спросила она так, словно и правда ожидала моего смиренного ответа.

«Обреченность» – единственное слово, передающее мое тогдашнее состояние. Да, да, я был не прав. Даже более того, это было настоящим свинством по отношению к моим работодателям, которые ждут от своих служащих лояльности и послушания. Правда, еще большим свинством оказалось то, что я не пошел водить хоровод вокруг елки. А ведь его повел Сам вместе с «Miss Russia», которая по традиции становилась главной Snowgirl страны. Вся Дума отплясывала, Шурка, часть наших

директоров и еще масса интересного народу. Только я нос воротил. А ведь у нас гордых не любят. Все за ними записывают и запоминают, чтобы потом при случае припомнить и шепнуть пару слов кому надо (то есть Лене Анатольевне) и кому не надо (то есть всем остальным). Собственно именно эта пара слов и решила исход борьбы за эксклюзивные права на проект шоу «Верховный суд». И как бы там Шурка ни хорохорился не все проблемы можно решить в бане за рюмкой мятного чая.

Хотел предположить, что во всем виноват только я, но Лена заявила о необходимости встретиться с психологом относительно прогрессирующей мании величия.

В этом ее замечании было что-то верное. Вот, скажем, можно ли считать проявлением болезненной эгоцентричности мое самолюбование? Правда, я делал это вынужденно. Ленка поставила на бесконечный повтор запись заседания отборочной комиссии изберкома и со стены на меня пялился все тот же языкастый тип.

Кто это? Такой симпатичный «молодой человек»… Ах, да! Это же я!

Конечно-конечно, я еще, как заявила моя бывшая, «ничего себе» парень, но со здоровьем у меня явно не в порядке. Оказалось, это заметила не только она. А в подобных вопросах наплевательское отношение противопоказано, особенно, после того как на твои (мои) плечи ляжет двойная рабочая нагрузка. Да, трудиться печенью, почками и желудком не самое важное. Впрочем, голова в нашем деле орган не главнее задницы.

После здоровья логично прозвучал упрек относительно моего внешнего вида. На невинный вопрос: «А что в нем не так?» получил уничижительный ответ в том смысле, что в однобортных пиджаках уже давно никто не творит историю. Да и галстук на мне был из тех, что Лена подарила во времена нашего с ней семейного счастья. Упоминание о счастье наконец-то вывело меня из себя. Я начал нервно ерзать по дивану.

Бывшая окинула меня взглядом и заглянула в бумажечку. Следующим пунктом оказалось то, что я почти год не видел сына:

- Дорогой, я понимаю, что ты очень занят, но для того, чтобы ребенок вырос полноценным необходимы усилия обоих родителей.

Вот ведь сука! Сама отказывает мне в возможности его видеть. То Алешенька болеет, понимаешь, ангиной. То, уехал с экскурсией куда-то в Финляндию, то еще что-нибудь вроде: «У меня, а значит, и у Алексея нет времени». Наконец, недавно не выдержав, я решил выяснить его сотовый. Должен же быть у семи-, нет уже восьмилетнего парня мобильник?! Через знакомых,

к своему удивлению, узнал, что мой, то есть уже ее, сын находится в частной и очень-очень закрытой школе в Швейцарии, номер мобильного телефона системы глобального позиционирования такой-то. Словом видеться получалось редко и, если быть честным до конца, не только потому что стерва-Лена вредничала.

- Ты вообще его вспоминаешь?

- Ну, да. Вот сейчас, например, вспомнил, - ответил я и слинял в ванную, где под звук льющейся воды набрал номер Таньки:

Вы отдыхаете? Нет!? Обратитесь к нам! Агентство развлечений и отдыха…

Чтобы пожаловаться на мобильный спам нажмите 1.

Козлы!

- Слушай, ты вот что… Найди какие-нибудь детские вещи Шуры. Распашонки там всякие и чепчики.

- *Где их взять-то?*

- Где-где… Сходи в ближайший бутик «Second-hand». Бери оптом и выстави это все поношенное добро для осмотра публикой. Пусть восхищаются простоте и обычности одного из вершителей судеб мира. Свяжись заодно с какой-нибудь «Proctor & Gamble» для рекламы подгузников, потому что именно ими пользовался Шура во младенчестве.

- *Ты это сейчас придумал?*

- Как только она заговорила о сыне.

- *Видно тяжело тебе приходится.*

Я представил себя клиентом агентства развлечений и отдыха, который так и не пожаловался на спам:

- И не говори.

- *Так тебе и надо!*

Вежливое «Спасибо» пришлось сказать гудку.

Когда я вернулся в кабинет бывшая терпеливо сидела на том же месте. С экрана по-прежнему висел мой язык. Единственное, что изменилось – тема беседы.

- Ты вообще знаешь, как он погиб?

- Так ведь Шурка еще живой.

- Ну, может быть в физическом смысле он и живой, но вот в качестве ценного работника от него мало что осталось. Даже как новость он проживет еще пару месяцев, пока длиться агония. Пожалуй, даже меньше. Это значит, его можно списать.

- Ты его никогда за человека не считала. Теперь, значит, отрываешься. - Ленка и правда иногда теряла самообладание, не выдерживая придурь нашего бесценного Шурочки. В такие моменты прорывался ее выпестованный аристократизм бывших

крепостных.

Ленкин старичок, как и все миллионеры в первом поколении, мечтал обзавестись родословной от Рюрика. Даже изыскания проводил. Следы терялись в середине XIX веке, когда молодой новгородский помещик, вернувшись из Европы, в приступе прогрессивного гуманизма решил дать хорошее образование одному из своих дворовых и отправил беднягу в Санкт-Петербургский университет.

- Очень интересно. Покопался в психологии. Ручки не запачкал?

Я показал ей только что вымытые руки, мимоходом заметив, что давно пора сходить на маникюр. Впрочем, мне не пришлось долго радовался удачному, как мне показалось, и невинному зубоскальству. Лена неумолимо продолжила практиковаться в морально-нравственном прессинге, тонко намекая на толстые обстоятельства:

- Да ты даже не поинтересовался, как все произошло и что вообще происходит… Если бы не твое поведение… Теперь, в связи с назревающими событиями… Ты можешь не верить, но скоро может произойти нечто, что и предположить было бы…

У меня было впечатление, что она в качестве руководителя президентской администрации отрабатывала на мне очередное ежегодное послание. Только вместо Федерального on-line Собрания был скромный Вася Чапаев, который, впрочем, ничего не понимал также как и это самое чертово собрание.

Ее речь истерлась в моей памяти быстрее, чем обида на обвинение в равнодушии к лучшему другу.

Свою душевную озабоченность я проявил на лестничной площадке. Широко улыбнулся в зрачок телефонной видеокамеры и набрал номер районной ментовки, охраняющей покой элитного московского скворечника, где жил… Еще пока живет, Шура.

Пельмешки «Сам Самыч». Их едят даже вампиры! У-ур-р-р!…

У-ур-р-роды!

Чтобы пожаловаться на мобильный спам нажмите 1.

Бледное вампирское лицо подполковника, глянувшее на меня с экрана, выражало ужас перед техническими достижениями современности. Наверное, сейчас его самой сокровенной мечтой было желание засадить в обезьянник отделения всех яйцеголовых участвовавших в разработке мобильной правительственной связи и выбить из них признание о случайности и непреднамеренности научного прогресса. Ну, где это видано, чтобы все последствия телефонизации страны обрушились на предпенсионного служаку,

считавшего, что его место самое теплое из всех самых теплых? И ведь что обидно - не ответить на вызов никак нельзя. «Вертушка» все же.

- Мне надо побывать в квартире Шуры, - начал я без предисловий, испытывая после разговора с бывшей благоверной чрезвычайный подъем «положительной энергии».

- *А кто вы такой?* - неоригинально поинтересовался милиционер.

- Вася Чапаев – лучший друг пострадавшего.

- *А я Коля Гагарин – лучший друг Миши Реброва.* - Это мент так меня подколол. Судя по тому, как за моей спиной засопел телохранитель Федя, шутка удалась. - *Что вы там забыли?*

- Мне нужно покопаться в документах пострадавшего и поискать его деловые бумаги связанные с передачей «[Голово]ломка».

- *А полы вам помыть не нужно? Давайте помогу.*

- Собственно мой звонок, связан с тем, что как исполняющий обязанности продюсера я хочу освежить репертуар каналов нашей компании. Думаю подробно освятить работу обычного городского отдела милиции. А то, понимаете ли, шоу «Участок» про деревенские будни уже есть, а вот настоящего reality с московских улиц нет. Как криминальная столица один сплошной Петербург. Мне кажется, в свете последних событий это не совсем отражает действительность. Надо создавать здоровую конкуренцию северной столице. Вы как, согласны со мной?

«За что?» сказали мне глаза подполковника. Его рот сказал другое:

- *То есть… э-э-э-э… Погодите.* – Теперь он мечтал, чтобы вместе с учеными-телефонизаторами в обезьяннике оказался и Вася Чапаев. – *Я вас слушаю? … Я хотел сказать, что понял.*

- Так как насчет квартиры?

- *Там нечего делать. ГБ все вывезло. Ничего не осталось. Даже мебели. Служба охраны видела, что паркет содрали и подвесные потолки сняли.*

- Очень интересно. И с чем же это связано?

Из дальнейшего словопотока выяснилось, что Шуру нашли вовсе не на полу собственной квартиры. И даже не в собственной постели, ванной, на столе кухни или сидя на биде. Местонахождение тела варьировалось в зависимости от сообщавшего новость средства массовой информации. Реальность была гораздо менее романтична. На самом деле, то есть типа в натуре, тело нашли на лестнице. После слова «лестница» я оглянулся. Федя стоял в паре шагов от меня и сосредоточенно жевал жвачку – делал вид, что не прислушивается.

Так вот, первоначально, сопровождающий из службы охраны территории сказал, что Шура, как всегда слегка нетрезвый (читай пьяный до невменяемости) не удержался и покатился по псевдогранитным ступенькам, с хрустом ломая ребра, руки и ноги. Личный телохранитель Шуры в это время осматривал квартиру, которая не снабжена стационарной домохозяйкой и поэтому ночью (рано утром) пуста. Странность в том, что по утверждению телохранителя он оставил свой объект отдыхать в углу у входной двери, иначе говоря, в пяти метрах от лестницы. А парень из securities, который помогал кантовать тело, сказал, что этот «слегка нетрезвый мужчина» вырвался и побежал к лестнице.

-Вы следите за моей мыслью?

Я следил и еще как. Хотя, впрочем, следить было уже не за чем. История кончилась также неожиданно как и началась. Через двадцать минут после того, как милиция прибыла на место происшествия, раздался звонок из Управления о том, что дело передается для расследования в Генеральную прокуратуру. А еще минут через несколько приехали спецы для обследования места преступления. Они-то и занялись вывозом всех документов, мебели и наборного паркета, который доломали только сегодня утром. Судя по довольному выражению лица докладывающего мне подполковника, он воспринял этот неожиданный поворот весьма благосклонно.

- То есть вы хотите сказать, что это был не несчастный случай. В квартире под видом обыска что-то искали?

- Я такого не говорил. Я лишь обращаю внимание на несовпадения в рассказах двух свидетелей, которые последними видели потерпевшего и с ним общались. Мы даже не успели снять с них показания, как их у нас забрали.

- Наверное, переживаете, что такое перспективное дело накрылось.

Не моргнув глазом, страж правопорядка ответил, что жалеет:

- Очень. Аж, слов нет.

Говорят, человек, если испытывает нехватку слов, то есть информационных носителей, то начинает эти носители, то есть слова, выдумывать. Вот, русский мат. Он красноречиво разбросан по потоку людской мысли и, может быть когда-то, очень давно имел строго определенную смысловую нагрузку. Даже наверняка имел… Правда, со временем весь его смысл выродился в чувства, рожденные отсутствием тех самых нужных, но неизвестных слов. Вместо них, наш народ-богоносец с удовольствием использует всякие непотребные междометья и падежи. Это вовсе не означает,

что человек, а особенно русский, этакий выдумщик и фантазер. Это свидетельствует, что homo sapiens sapiens обладает системным мышлением, которое не терпит терминологической пустоты.

Человек разумный, образованный, да к тому же в меру брезгливый к себе и миру, стараясь избежать системных пробелов, вынужден много учиться и думать. Буквально постоянно. Мозг таких перегрузок не выдерживает и потихоньку начинает съезжать с катушек. Отсюда проистекает пьянство, наркомания, мировая литература и Нобелевские премии. А еще в таких нечеловеческих условиях существует на удивление много народу. Про них пишут в газетах, их показывают по телевизору и берут многочисленные интервью, а потом долго и нудно обсуждают то, что кто-то из них по неосторожности ляпнул. Например, что-то вроде:

«Voluntas populi suprema lex»[1].

Все натурально разевают рот и много лет спустя приводят этот перл в качестве великой и недоступной мудрости. Наверняка, когда Цицерон рожал сию банальность, он не думал, что только благодаря подобным словесам и останется в истории. А вся его высшая воля народа превратиться в патологические метания моих мыслей-скакунов о том, куда эту, блядь, voluntas направить.

На лавры пламенного трибуна и велеречивого адвоката я не претендую, но рожденная давешним милиционером системная пустота настоятельно требовала, чтобы ее наградили названием и придали глубокий смысл.

- Это заговор, - решил я и ужаснулся тому, что подумал.

Терпеть не могу думать!

Сразу, как начинаешь, в голову приходят не только бессмертные словеса про вечность и все человечество скопом, но и фразы про единственного его представителя, который действительно вызывает мой неподдельный интерес - про меня незабвенного. Очень хочется сказать что-то хорошее и не получается. Вспоминаются давно забытые фразы о собственной творческой бездарности и духовной бледности, которыми Бог наделил раба своего с избытком, забыв, однако о таланте и сильном характере. Наполеон в мои годы… Македонский в это время… Пушкин или какая-нибудь Денежкина…

- Алло!

- *Привет.* - Директор кисло улыбнулся и сразу пропал из кадра.

- Это не ты мне, а я тебе должен звонить.

- *Почему?*

- Потому что мне плохо.

- *А ты думаешь, мне хорошо?*

- И что ты делаешь?

- *Общаюсь с прокуратурой.*

- Нет, это я с ней…

- *Я тоже. Сейчас сам увидишь,* - пообещал Директор, и я почти сразу получил картинку маски-шоу в кабинетах нашего офиса. Пятнистые люди с круглыми прорезями для губ и глаз вместо лица тыкали дулами короткоствольных автоматов в затылки лежащей охраны. Из двери с надписью «ШУРА» выносили коробки, а рядом стояли наши юристы и размахивали какими-то бумажками. Их лениво сдерживал один единственный и уже знакомый мне прокурор с инициалами из трех «К». - *У них был ордер подписанный генеральным. Изъяли всю Шуркину документацию. Даже ячейку в банке вскрыли.*

- И мебель будут выносить? - спросил я, небезосновательно ожидая повторения ситуации с паркетом и подвесными потолками в квартире нашего покалеченного продюсера.

- *Ты все шутишь.*

- Да какие тут. - В кадр влезла камера МВДешного канала «Стража». На заднем фоне щелкали вспышки одинаковых японо-китайских туристов. Экскурсовод нервно махал красным флажком, но на него не обращали внимания. - У Шуры из квартиры уже.

- *Серьезно?*

- По-моему, серьезней некуда.

-*Черт, а я в своей квартире недавно обстановку поменял.*

- Ты главное не волнуйся.

- *Кто бы говорил.*

Я представлял себя в эпицентре страшного торнадо, остановить которое было моим истинным предназначением. Я гордо реял буревестником, а окружающие меня гагары занимались собственными делами. По улице туда-сюда шелестели машины, сновали пешеходы, на рекламных экранах по-прежнему что-то рекламировали, по телеку по-прежнему что-то показывали. Торнадо никак не хотело начинаться, а воля народа проявиться. Моя пингвинья тушка глупо пряталась во дворе старого петербургского дома обильно украшенного лепниной.

Настоящий кошмар. Хичкок в России.

Лучше бы я продолжал бы трудиться в сфере общественного

питания. А еще лучше, вернулся бы в родные пенаты и устроился каким-нибудь… Ну, я не знаю. Литературным критиком или учителем русской словесности. Тогда бы уж точно не пришлось заниматься такой дребеденью как выборы, реклама, бесконечная текила, рулетка и бабы. Так и представляю. Прихожу вечером домой уставший и счастливый, падаю на диван и до утра размышляю о своей бессмертной душе. Почему о ней? Так ведь невозможно размышлять ни о чем другом на голодный желудок и без секса.

Никаких приколов. Фарш фрейдизма с марксизмом.

Да. Я не meddle. Я не принадлежу к petit bourgeois. Я просто на них работаю.

Вот только одного понять не могу - почему же мне, черт подери, по-прежнему хреново?!

Некоторые думают, что от подобных мыслей спасает алкоголь. Фигня. Ничего от таких мыслей не спасает. Выпивка только ухудшает состояние, превращая тебя в беспомощную рохлю, которая поминутно готова разрыдаться, лишь бы нашлась подходящая жилетка. Так что, если пить, то непременно в одиночестве.

Не надо никаких друзей детства, юности или коллег. Друзей «по жизни» тем более. Большинство из них только и ждет, чтобы наслушаться твоих эксклюзивных стонов о том, что все вокруг «сволочи» и лишь они «старые, верные» опора в нелегкой жизни нормального человека. На самом деле ты так не думаешь, и твоя неискренность лишь ухудшает и без того паршивое настроение, которое тянет дружную компанию все глубже на дно бутылки.

А еще всем окружающим ясно как Божий день, что очень трудно претендовать на нормальность, если ты дошел до такого состояния, что поминутно бросаешься в объятья хоть кого-нибудь с криком «Спасите!». У тебя либо что-то с психикой, либо ты алкоголик. Часто и то и другое сразу. Рано или поздно окружающие это просекают и начинают от тебя брезгливо отворачиваться. Слабаки никому не нравятся кроме таких же потенциальных слабаков. Их терпят. В свою очередь, безвольные выпивохи жаждут понимания и ради этого сомнительного ощущения терпят всеобщую брезгливость.

Чтобы не напрягаться самому и не напрягать других, лучше всего запереться одному в доме (номере гостиницы, бане, на даче и т.д.) взять бутылку (лучше две) и минимум закуски. Медленно, сидя в кресле, рядом с которым все это хозяйство разложено и расставлено на кофейный столик, тихо и мирно набираться. Для

разнообразия можно включить музыку или телевизор и пить за каждый удачный по твоему мнению куплет или за оригинальный рекламный ролик счастья расфасованного в пачки с прокладками или налитого в баночку йогурта.

Жалко, но такие возможности похожи на уссурийских тигров – их популяция сокращается, а сами они на грани вымирания. На работе за тобой охотятся бдительные коллеги, а дома родственники. Пичкают советами вперемешку с таблетками и дружно советуют вспомнить, что жизнь не кончилась, а следующий день рабочий.

«Я подумаю об этом завтра», - говорила Скарлет О`Хара.

Замените слово «думать» на слово «выпью» или «напьюсь» и через полгода вы превратитесь в образцового белого воротничка, готового управлять плантацией и сотней другой негров. Ой, простите. Сотней другой афро-американцев. Правда, для этого надо иметь настоящий американский характер ирландского происхождения, которого, увы, у меня нет. Впрочем, нет его и у многих других. Вместо него есть, маленькая фляжечка, которую я пользую тайком от своих церберов. Повышаю градус кипения разума, подливая коньяк в кофе, чай, кока-колу… И не надо ждать никакого завтра.

Завтра не существует. Есть только сегодня.

- Ох, и влипнете вы, Василий Иванович, - провидчески качал головой Федя.

- Экий ты пессимист, - улыбался я ему и шел в самое пекло, к людям.

Людей было много и им - людям - было весело. Под окнами избиркома праздновали начало «Губернатор-Шоу».

Сытые, ухоженные, радостные граждане, гражданки и несовершеннолетние гражданята разбредались по бутикам, магазинам и лавкам. Воскресная прогулка по достопримечательностям потребительского рая. Ах, какая блузочка! Ах, какой жакетик! Ах, какой пиджак! Ботинки! Телевизор! Мама, купи мороженое! Камера! Коммуникатор! Авто! Лица упитанных глупоглазастых младенцев, блузопрозрачные груди женщин, полубоксовые затылки мужчин, надувные шарики, свистелки, кричалки, гуделки, телефонные позывные и разговоры, разговоры, разговоры.

Если бы Эйзенштейн решил снять ремейк своей соцклассики на современном материале или ее продолжение «Броненосец «Потемкин» - 2», одна единственная колясочка на лестнице смотрелась бы убого. Десятки. Сотни. Тарантино отдыхает. А

солдаты идут и идут. Блестящие сапоги. По пятнам крови и киселю несформировавшихся мозгов, по брошенным мобилам, шляпкам и перчаткам, по ручонкам и ножкам. Штыками их, штыками. Крик и слезы взбесившихся русских антиглобалистов…

Несмотря на начинающий сереть вечер и имманентно серые фасады домов, улица играла всеми цветами радуги, как во время берлинского Love-parade.

Осторожно! На свободе сумрачный нордический гений.

Кое-где играла музыка, кое-кто пел хором и раскачивался в такт. Тонка, слишком тонка грань между всенародным гулянием и всенародным протестом. Также как между выпившим и пьяным. Всего несколько рюмок.

Чем ближе к избиркому, тем громче и пьянее голоса людей-рыб. Что они говорят? кричат? смеются? Их не слышно за попкакофонией. Какой там «рор»! Настоящая жопа.

Кругом софиты подсветки и фосфорицирующие транспаранты, на которых разными шрифтами блестят лозунги:

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ!

НАШЕ ДЕЛО ЛЕВОЕ!

и просто

НАШЕ ДЕЛО!

Несколько мощных мегафонов на разные голоса орали что-то совершенно невнятное о том, что настоящее Единство всех людей доброй воли возможно только тогда, когда у этих людей будет одинаковый уровень доходов. Это предложение было самое популярное и самое близкое сердцу истинного антиглобалиста, болеющему за человечество. Но предложений было до невозможности много и каждый раз, как один из мегафонов заканчивал длинную полуматную фразу, сотни глоток начинали солидаризироваться друг с другом и с тем невидимым человеком (подозреваю, это был компьютер), который общался с народом. Происходил сей сакральный акт с помощью правой руки вытянутой вперед и веского слова:

- Дело!

Крикнул и сразу солидаризировался.

Судя по обилию раздавленных пивных банок и упаковок из ближайшего фаст-фуда, толпа была близка к тому, чтобы перейти от слов к действиям. Например, они уже болезненно реагировали на то, как Федя их раздвигал, освобождая мне дорогу. Еще окружающим, почему-то, перестал нравиться галстук за пятьсот евро, висящий на моей тонкой шее. Некоторые предлагали меня на нем же и повесить. Подобные инициативы уже не нравились вашему покорному слуге. То и дело возникали короткие потасовки, победить в которых помогали спортивный опыт и

многолетняя практика моего телохранителя. Федя хорошо знал куда, как и с какой силой необходимо воздействовать кулаком, локтем или ногой, чтобы эти действия выглядели почти дружеской, легкой потасовкой, а не началом большой и кровавой драки.

В общем-то, я согласен, галстук был для меня несколько ярковат, он не совсем подходил к костюму и моему настроению. С ростом банковского счета люди обычно начинают предпочитать более мягкие, пастельные тона. И если у тебя такого счета нет совсем, это не повод, чтобы проявлять несдержанность и наряжаться в вульгарные красные майки с белым кругом на спине и груди, в середине которого покоится спелое, сочное, зеленое латиноамериканское яблоко. Пестро, крикливо и совершено бессмысленно. Кто придумал это дурацкое Яблоко? Никакого сакрального смысла и связи с цивилизационными архетипами. Ни тебе креста, ни полумесяца, ни звезды (хотя бы Давида), ни серпа с молотком. Голая PRастия.

Свидетели рассказывают, что где-то глубоко в подполье существуют отмороженные группки политических карликов, которые по-прежнему верят в то, что могут достучаться до сознания отдельных человеческих особей с помощью активной устной агитации и мелких хулиганских акций. Больше ни на что другое у них нет денег. Кто ж им даст таким уродам?! Они ж гоблины ненормальные!

А нет денег, - нет эфира. Нет лицензии на битье витрин и драки с ОМОНом. Нет разрешений для проведения санкционированных гульбищ… Вообще ничего нет. Только уголовные преследования, политзаключенные в психушках, переломы рук, ног и иногда свернутые головы. Словом, несчастные случаи, вызванные антисоциальным образом жизни.

В толпе, к которой я присоединился, с головами и руками все было в полном порядке. Единообразное яблоко на майке, единообразные мысли в голове.

Что вас беспокоит? Не доволен жизнью? Не поняли родители? Жена? Муж? Обидел начальник? Маленькая зарплата? Маленький член? Нет нормального секса? Ненавидишь слово «нет»? Частицу «не»?

Just do it!

Зайди на сайт, прочитай объявление, заметь рекламу по телеку. Режим on-line. Конект с любой трубки любого сотового оператора. Круглосуточно. Телефон горячей псих-полит-помощи. Даже думать не надо. Просто выходи на улицу и присоединяйся к массе тщательно продуманных и приукрашенных маргиналов.

Действуй!

Демонстрируй миру, что ты есть, что тебя много, что ты не один. Выпусти пар недовольства, обиды, нелюбви, ненависти, всего того, что хочется проорать в лицо равнодушной действительности. Это куда удобнее, чем расчленение трупов ближайших родственников. Это гораздо дешевле, чем хождение в тренажерный зал или лечение триппера, подхваченного у проститутки. Это безопасней, чем захват заложников или голодовка. И, наконец, самое привлекательное - никакой политкорректности!

А если вдруг появились несвоевременные мысли, записи и письма, обратись к распорядителю демонстрации и вместо яблока на персональной майке проявится твой дрессированный внутренний мир:

Жизнь – дерьмо!

Демократия или смерть!

Родина в опасности!

Сколько людей, столько и мнений. Главное, стилистику соблюсти.

Лично у меня мыслей было так много, что, уверен, на одну майку они бы не поместились. Собственно я даже не пытался их сформулировать, просто запульнул своей пустой фляжкой в один из экранов, выставленных на улице, и громогласно объявил свое жизненное кредо:

- А-а-а-а-а!!!

Рядом стояла возбужденная группа глубоко нетрезвых бритоголовых буржуа и подозрительно целеустремленно рассматривала мой верхний волосяной покров. Несмотря на то, что они стали законопослушными болванами вжатыми в правовое поле, они не перестали быть хиповатыми радетелями справедливости. В пьяных глазах читалась жажда социального равенства, всеобщего братства и абсолютной свободы. Их заводила, видимо один из mass-манагеров, планировал расквасить мое выбивающееся из общего стиля интеллигентское табло, но, увидев, что душой я с ними, хрипло продублировал мой красноречивый крик. В экран тут же полетели остатки булочек, без которых невозможно представить себе их/наши сандвичи. Сочно шлепались об ударопрочное стекло недожеванная мясная начинка, полностью сохранившая все вкусовые и питательные качества. Салютом падал на головы золотистый, ароматный, уже остывший, но сохранивший все питательные вещества картофель-фри.

Мы, то есть я и Федя, прибыли вовремя. К самому началу событий.

На экранах уже вертели рекламу «Революции & С». На

экранах уже во всю крушили кафе, витрины и лобовые стекла. На экранах бухал визуальный выстрел «Авроры». Зажигательные звуки поп-рока, ставшие музыкой, превысили все допустимые децибелы. Под ее напором рухнула хилая полицейская ограда. Те, кто недавно были людьми, бросились к ярко оранжевым вагончикам управления, куда попряталась TV-обслуга. По бронированным стенкам замолотили кулаки, палки от транспарантов и флагов, бараноподобные лбы. Вреда ровным счетом никакого, зато шума… Шума было много. И его становилось все больше и больше. Телезрители чертыхаются от того, что трансляцию традиционного сериала прерывает экстренный выпуск новостей; детишки плачут от того, что на их любимом мультканале пустили беспокойную дорожку с сообщением-молнией; зажатые в пробке водители матерятся – вместо музыки хриплый вой DJ-я возвещающий о приходе новой, бессчетной, но теперь уж точно настоящей, чисто конкретной революции. И вот уже сплошной «No comments», за которым ты наблюдаешь в многоканальный аквариум обозрения. Разбитые морды, ободранные кулаки, горящие машины.

От удара по голове заложило уши. Звон, переходящий в гудение. Вокруг безголосые рыбы беззвучно открывают рты и беспорядочно машут длинными гибкими конечностями. Он ударил меня резиновым кастетом. Боль я не почувствовал. Потемнело в глазах и на несколько минут пришлось выпасть из реальности, которая нагнала меня ударом по корпусу.

За время моего отсутствия почти ничего не изменилось. Психотронное буйство. Сутолока. Он хотел убежать, но его попытка пробиться сквозь утрамбованную массу тел, не принесла никаких результатов. Слишком много революционеров хотело, чтобы их друзья и знакомые с завистью тыкали пальцами в экран телевизора: «Смотри! Ты узнаешь? Это же…. Круто!»

Куда бить, в отличие от профессионального драчуна Феди, я не знал. Не представлял вовсе. Просто схватил его за складки дешевого черно-серого всепогодного мешка «Made in Китай» с маленькой надписью «Colambia» на загривке и с треском дернул на себя. Треск я не слышал. Догадался по тому, как под руками стали рваться карманы куртки.

Что дальше?

Закричал.

Шарахнул по лейблу пластиковым остатком от кафешного стула, невесть как попавшим в руки. Пинал ногами. Плевался розовой пеной.

Виртуалка «Достань врага».

… Глаза. У него были глаза человека страдающего

бессонницей. Красные. Лопнувшие сосудики. Синие мешки вместо век и усталые морщины вокруг. Как оказалось, mass-manager был сравнительно молодым человеком. Скорее всего, студентом социофака или из будущих «психов». Им обычно дают подработать на разогреве в качестве практики по курсу «Управление группой».

Он что-то пытался сказать, но я не слышал его мыслей. У персонажей виртуальных игр нет мыслей. У них сценарий.

Я бил, бил, бил.

Мне потом показали запись.

Безумное лицо. Очищенные и тщательно отреставрированные зубы. Кровь. Когда-то белая рубашка. Рассеченная бровь. Молотящие невпопад руки. Нечленораздельный крик. Простое, недлинное слово: «Ненавижу!» Выходило нечто вроде протяжно-хриплого полета жука:

- Жу-у-у-у!!!

В эфир это не пошло. Даже из интернета выключили. Еще до начала. Еще до того, как невинные демонстранты превратились в инфантильных хулиганов. Засекли меня вовремя и вырубили микрокамеру, спрятанную у mass-манагера в одежде, а ему посоветовали вырубить меня, что он и попытался сделать штатным резиновым кастетом.

Жалко. В самом деле, жалко его. Ничего личного. Сплошное социально востребованное милосердие. Ассенизация.

Правда, осознание того, что он выполнял приказ, а я был не в себе, пришло позже. Уже после того, как остроту мировосприятия наконец-то затуманил слезоточивый газ. Но до этого неизбежного момента я пребывал в сладком неведении. Мне было на удивление спокойно. Я не ведал и ненавидел. Ненавидел их всех вместе и каждого в отдельности. Ни в чем не виноватого парня, туповатых и невинных демонстрантов, циничных и уж точно «не при делах» операторов из оранжевых TV-вагончиков.

Управляемая микро-революция в отдельно взятом квартале мегаполиса продолжительностью от часа до полутора. Народ нагулялся, самовыразился и успокоился до следующей организованной акции. Остальное дело техники, принятой на вооружение МВД. Де-*монстрация*. Толпе дают понюхать «Черемуху» и *сортир*уют. Кого-то везут в «обезьянник», а кого-то на автобусах по домам. Только мне все равно кажется, что у Эйзенштейна получилось бы лучше.

Оказалось ненависть – это легко.

Ее родина – метро, где вам десять раз на дню наступают на

туфли. Ее школа – супермаркеты, где вам хамит кассир. Ее университеты – дорога, где на только что вымытую машину летят брызги из-под колес самосвала.

Это бытовуха. Это нормально. Это гадко.

Как будто прямо по капоту моей машины проехал самосвал с акционером Шнитке в белом халате за рулем, а из окна высунулась экс-жена Лена в униформе кассира «Wal-Mart» и показала длинный розовый язык.

День 3. «*…горшки обжигают*».

08:24

08:25

08:26

Я на работе. Опять.

08:29

Переживаю эту мысль. Долго.

08:31

Другие часы спешат на две минуты.

Или, наоборот…

08:33 или 08:35

Интересно, какое время правильнее – американское массовое или швейцарское ручной сборки?

08:35

Смотрю в правый нижний угол экрана. Время от Microsoft выглядит дешевкой.

08:37

Дорогие часы. У них и время должно быть дорогое, то есть, по законам рынка, его должно быть меньше.

08:38 или 08:40

Заходит Директор. Судя по его виду, сегодня он настоящий Директор с большущей буквы «Д». Ее величина в подтянутом узле галстука, во взгляде, в осуждающем наклоне головы, в крае скептических губ.

- Звонил наш куратор. Меня пригласили на беседу.

- В прокуратуру?

Он кивает головой и рассматривает мою подбитую скулу, царапины, черные очки и наручники на правой кисти. Под зеркальными стеклами от «Emanuel Ungaro» я прячу опухший глаз, а на другом конце наручников сидит девушка. Ее скрыть не получается.

- Там какой-то детсадовский следователь по фамилии Кривцов.

Директор кивает еще раз и переводит взгляд на девушку. Она отзывается на хорошее имя Зоя. Я привез ее из Петербурга и она воспринимает происходящее как авантюрное приключение: «Вы меня взяли в плен? … Фашисты!» Кажется, ждала, что ее вот-вот начнут насиловать, пытать, вешать. И еще ей, по-моему, глубоко наплевать, что в виде Директора в кабинет вошла моя совесть. Она продолжала с интересом пялиться в экран компьютера и читать.

08:43 или 08:45

Директор больше не говорит ни слова. Уходит.

стр. 5.

…МАКСИМ. (*Появляется в зале последним, садится на ковер недалеко от Светланы, рядом с диваном, на котором другие застекольщики не оставили ему места. Говорит громко, старается привлечь всеобщее внимание*). Привет политиканам!

СВЕТЛАНА. (*Фыркает, строит рожи, криво ухмыляется. Возможна короткая перепалка между Максимом и Светланой*). Наш Ванечка-дурачок проснулся.

стр. 6.

… ИРИНА. (*Пытается выступить в роли миротворца. Ей не хватает голоса и настойчивости, ее никто не слышит*) Ребята, ну не начинайте! Такое прекрасное утро!

МИХАИЛ. (*Выжидает перепалку, реплики других застекольщиков. Начинает говорить после установления относительной тишины*) Если мы сейчас помолчим, нам, наконец, дадут наказ на день. Давайте послушаем глас народа.

АЛЕКСЕЙ. (*Нарушает поведенческую установку на неделю – не конфликтовать с соперниками – противоречит Михаилу*). Захлопнись! Раскомандовался! Никто тебя еще не выбрал Президентом!

МАРГАРИТА. (*Демонстративно не обращает внимания на скандал. Приводит себя в порядок перед зеркальными окнами зала. Наклоняется так, чтобы были видны ее груди. Крупный план. В случае продолжения перепалки с участием Михаила присоединяется и встает на сторону Алексея*). А будешь таким наглым и не станешь им никогда. Народ не дурак, он все видит.

ИРИНА Ребята! Погодите вы со скандалами. Миша прав. Нам наказ надо слушать.

АЛЕКСАНДР. (*Всем видом показывает, что не хочет противоречить Алексею, но все же поддерживает мнение Ирины*) В самом деле. Хватит собачится. Еще успеем, а время уходит.

МАКСИМ. Они по-другому не умеют. Лишь бы поговорить, да характер показать. Развели говорильню бесполезную. Свет, я прав?

СВЕТЛАНА. (*Незлобно, по привычке*). Да заткнись ты, без тебя тошно.

ИРМА. (*Громко хлопает в ладоши. Говорит спокойно, старательно выговаривая слова*). Чем больше времени мы потратим на препирательства, тем меньше времени нам останется на выполнение задания. И потом, есть очень хочется. … Три-четыре…

ЗАСТЕКОЛЬЩИКИ. (*Хором*). Мы готовы!

ГЛАС НАРОДА. (*Фанфары*): Доброе утро, уважаемые Кандидаты. Вы готовы принять наказ дня?

ЗАСТЕКОЛЬЩИКИ. (*Хором*). Да!

РЕКЛАМА. (30 секунд).

ГЛАС НАРОДА. Сначала небольшое объявление. Вчера решением отчетно-выборного съезда партии «Родина (б.)» Александр внесен в партийный список и приглашен участвовать в «Дума-Шоу» вместе с выпускниками «ПолитФабрики VII».

АЛЕКСАНДР. (*Крупный план*). Увау!!!

ЗАСТЕКОЛЬЩИКИ. (*Аплодисменты. Поздравления*).

РЕКЛАМА (30 секунд).

ГЛАС НАРОДА. (*Крупным планом восемь лиц застекольщиков*). Дамы и господа Кандидаты! Сегодня Вам предстоит встретить аутсайдера Президент-Шоу. Он прибудет сегодня вечером, перед ужином.

ОДИН ИЗ ЗАСТЕКОЛЬЩИКОВ. (*Возможно, сразу несколько*). Это «она» или «он»? Кто он? Как ее зовут?

РЕКЛАМА (30 секунд).

ГЛАС НАРОДА. (*Фанфары. Крупным планом восемь лиц застекольщиков*). Ваша задача подготовить встречу аутсайдера.

ИРМА. (*Идет дежурить на кухню. Крупный план талии и бедер*). Вот и славно.

МАКСИМ. А глас народа никогда внятно сказать не может.

МИХАИЛ. Обычно аутсайдера подсаживают, когда «[Голово]ломка» намечается.

МАКСИМ. Тоже мне задание. Мудака какого-то встретить.

СВЕТЛАНА. У нас уже есть один.

МАКСИМ. Или мудачку!

стр. 8.

стр. 12.

стр. 17.

… МАРГАРИТА. (*Инициирует совместную работу по встрече аутсайдера с Алексеем. Возможно, будет пользоваться своими певческими способностями*)…

… АЛЕКСЕЙ. (*Соглашается с предложением Маргариты*)…

стр. 22.

стр. 26.

стр. 31.

Да-а-а. Ритка стала предсказуемой. Окончательно переключилась на Лешку, не скрывает личностные предпочтения и даже собирается переселиться с ним в отдельную комнату. Рано начала. Дождалась бы аутсайдера и только после его появления, когда скорректируются электоральные предпочтения, можно было

бы окончательно определиться с партнером по выживанию. Учили ее, идиотку, учили, что работа политика состоит в постоянном поиске компромиссов между своими желаниями и возможностями общества эти желания удовлетворить. Петра I и Александра II в пример приводили. Все бестолку. Неужели так нестерпимо захотелось потрахаться?

«Изменить поведенческую установку. - Стучу одним пальцем. - *Сделать Маргариту конфликтной. Пусть орет на всех, начиная с Алексея. Отделу психологов – доработать формулировку. Юристам – объяснить курирующему PR-агентству и Центризбиркому».*

Аккуратный прямоугольник виртуальной кнопки.

ПРИОБЩИТЬ?

Тянусь пальцем. Звякают наручники. Тянусь. Неловко ворочаю нерабочей левой.

ДА.

Расписываюсь.

ВАША ПОДПИСЬ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ОРИГИНАЛУ. ПОПРОБУЙТЕ ЕЩЕ РАЗ.

Не могу. Я правша, а писать приходится левой.

Мешают смертельно надоевшие наручники. Натер кисть.

Мать их!

Свертываю сценарий. Открываю аналитику.

… Отмечено падение совокупного рейтинга пары «Алексей – Маргарита» до 35,7%, что ниже результатов прошлой недели на 4,3 %. В то же время, электоральные предпочтения Алексея выросли на 2,1 % и составили 27 %. Падение парного рейтинга связано: во-первых, с активизацией отношений в гомосексуальной паре «Светлана – Ирина» и возможности формирования треугольника «Светлана – Ирина – Александр» (такое развитие событий одобряют 32,5 % респондентов); во-вторых, зрители увидели возможность рождения пары «Михаил – Ирма» и ждут начала романа (одобрение 43,4 % респондентов). Политическое сотрудничество Михаила и Ирмы формирующих гетеросексуальную, интернациональную и мультикультурную пару характеризируется как «красивое, чувственное, романтичное». Приостановка падения и рост рейтинга Алексея можно считать явлением временным, основанным на его противодействии харизме Михаила, который набирает голоса избирателей своим осторожным, но не оставляющим никаких сомнений поведением по отношению к Ирме. Внедрение аутсайдера…

Перечитываю еще раз.

И еще.

Как-то не сразу до меня доходило.

Непослушная голова, отвлекая от текста, вспоминала груди Маргариты и ее стройные ноги. Хорошая девушка, с воображением и проколотым пупком. Обидно за нее, конечно, но не быть ей Президентом Всея Руси, как и вообще любой другой бабе. Во-первых, потому что я шовинист. Во-вторых, потому что большинство голосующих телехозяев - женщины и девчонки-подростки-переростки. Им, естественно, нравятся смазливые мальчики, которым не грех свою полуобнаженку послать с признаниями любви: «Я хочу от тебя ребенка!».

Чувствую, ей и girl-friendom Президента не числиться. Ведь знала же, что до финишной тройки мы официально имеем право влиять на предвыборное поведение Кандидатов. А нам в данный конкретный момент любовные слюни не нужны. Нам бы страсть с ревностью и страданиями.

Звоню к сценаристам. Спокоен.

Я большое, теплое солнце. Я солнце и мне хорошо:

- Скажите, пожалуйста, вам деньги нужны?

- *Нужны, Василь Иванович,* - бодро отвечает главный голос худотдела. Он пьет кофе из большой желтой кружки.

- А мне уже нет. - Я по-прежнему спокоен. Демонстративно не замечаю его удивление моим черными очкам в пол лица и девичьему хихиканью, не попавшей в кадр Зоеньки. - Тем более твои.

- *Проблемы? Вопросы? Предложения?*

- Писатель, ты материалы из соседнего отдела получаешь?

- *Да,* - кружка выставляет мне надпись: «Пусть всегда будет Шура!»

- Тогда, перечитай аналитическую сводку и перепрограммируй поведение Марго и Иры заодно. Юраша должен прийти на удобренную почву. Интрига, интрига и еще раз интрига. Напрягитесь. Первый раз что ли?

- *Хорошо,* - кивает голова с кружкой.

- Нет, нехорошо. Придумай, наконец, что-нибудь, чтобы Сашка перестал ковырять в носу, а то его невозможно брать крупным планом. Мне уже кажется, он это специально. К доктору как-нибудь его выведи. Или наоборот, доктора к нему приведи. И потом, Писатель, где сцена выдачи задания на «[Голово]ломку»?

- *Обычно мы делали эту сцену вместе с Шурой за час до эфира. Мы же не можем делать что-то из ничего, то есть без ведущего и текста задания.*

Эх, и огребет он у меня, когда-нибудь!

Опять развертываю сценарий.

Уел, уел меня. Бездельник!

стр. 34.

…МАКСИМ. Говно!…

стр. 35.

…Рисуют плакат…

стр. 36.

…ИРМА. (*Готовит обед. Как лицо прибалтийской национальности угощает застекольщиков*). …РЕКЛАМА (60 секунд)…АЛЕКСАНДР. Ира, а ты готовишь что-нибудь особенное? СВЕТЛАНА: Ир, что ты не можешь отшить этого козла?… МАКСИМ. Да она сама козлиха…

стр. 37.

…ИРИНА. Свет, ну не надо. СВЕТЛАНА. (*Обнимает и целует Ирину*). …АЛЕКСАНДР*Быстроуходитизкомнаты*МАСТЕР-КЛАССГЛАВНОГОБАЛЕТМЕЙСТЕРАБОЛЬШОГОТЕАТРА… МИХАИЛ*Добровольновызвалсяпомочь**Ирме**Чиститкартошку*…

Мысли дробились в предложения. Предложения разлетались в слова. Слова осыпались буквами. Экран растворялся в сплошное светло-серое пятно. Вместе с ним растворялось время, спрятанное в углу экрана. Ненадежное, электронное. А ручная сборка, вот она, тикает на запястье.

09:54

…Черт… Где же взять ведущего? … Гураму позвонить… съездить…

В самом деле, проблема с ведущем на стратегическую игру была, есть и будет одной из самых трудноразрешимых. И все потому, что игра эта, будь она неладна, - самая глупая и несмотрибельная частью Шоу.

По идее именно в ней должны раскрываться интеллектуальные способности наших Кандидатов. Но это только «по идее». Из-за того, что у них нет особых талантов относительно стратегии и тем более тактики, не говоря уж об интеллектуальных способностях, основную работу по выдумыванию «чего-нибудь эдакого» берут на себя закулисные небожители - организаторы/продюсеры/криэйтеры. И вовсе не факт, что у невидимых зрителям богов Media-Олимпа есть дарования искомые для страны и необходимые для подобной работы. Врожденная наглость, да, есть. Остальное? Под вопросом.

С той стороны экрана, где стоит мягкий диван, на котором расположился телезритель, все выглядит легко и иногда весело. А попробуй-ка к Четвергу или лучше к Среде придумать концепцию государственной политики в рыболовецкой отрасли. Ну,

ориентировочно к трем часам. Хорошо?

Придумывают. И еще как придумывают! Жрать захочешь и не такое придумаешь.

Понятное дело, подобной галиматьей у нас на Шоу никто не занимается. Мы люди мира, то есть мировые люди, и потому берем темы глобальные по масштабу и актуальности. Если уж решать проблемы, то такие над которыми ломает голову все прогрессивное человечество.

Как сформировать национальный характер россиян?

Что сделать для окончательной победы над мировым терроризмом?

Кому на Руси жить хорошо?

«[Голово]ломка».

Каждый понимает в меру. Одни хотят играть в одноименные компьютерные игрушки и параллельно думают над chat-мнениями. Другие хотят найти молоток для отбивки мяса, чтобы размолотить морду знакомого/урода/соседа/козла/коллеги/гопника. Время выделяется и для тех и других. Надо же как-то завлекать зрителей на передачу, где почти не поют и не пляшут. Поэтому вполне закономерен вопрос, а зачем, собственно, мы ее делаем, если все так трудно?

И это будет правильный вопрос! В жизни столько правильных вопросов! А сколько правильных ответов. Не сосчитать. А попробуешь, точно всю голову сломаешь, да так, что тебя сумасшедшим объявят. Помню только, что вроде бы по договору с государством (как-никак «public private partnerships») мы должны предоставлять избирателям возможность узнать программы Кандидатов, а Кандидатам возможность донести свои программы до избирателей. Кто этот договор держал в руках? Какой избиратель хоть раз читал/слушал/видел программу Кандидата? А какой Кандидат писал свою программу? А выполнил?

Исходя из всего вышеизложенного понятно, что человек, входящий в загон к застекольщикам для ведения интеллектуальной передачи должен быть личностью во всех отношениях неординарной. В том смысле, что ему нужно уметь не только патетически восклицать «Как?» или «Доколе?», но и уметь грамотно, по-умому прокомментировать ответы отскакивающие от зубов политиков. То есть, кроме подражательного таланта актера, шоумену требуется образование и хоть какая-то начитанность. Прибавим к этому критерии эстетического свойства и получим идеал человеческого организма, который может получиться только в непредсказуемо-пробирочных условиях. А у нас все должно быть естественно, правдиво и жизненно. …is real!

Имей хоть семь пядей во лбу и заливай так, что лесные соловьи дохнут от зависти, тебе не светит стать звездой, если у тебя откормленные розовые щечки и напористая честность во взоре. Кто на это купится? Ты либо худей и носи дымчатые очки, либо смени амплуа и веди передачи о вкусной и здоровой пище. Впрочем, подобный вариант еще туда-сюда, хуже, если все это у женщины. Она, как существо весьма предметное, чуждое излишней теории сведет все к вздохам, начинающимся с восклицания «Неужели?!». При этом реноме они набирают гораздо позднее мужчин, когда уже безнадежно испорчена фигура и лицо не первой свежести.

В принципе, можно обойтись и без ведущего. Была в прошлом такая Игра. «Что? Где? Когда?» называлась. Ничего интересного. Надо было выигрывать банальные деньги. Делалась она «для шибко умных», которые сообразили, что выигрыш удобнее делить между родственниками и приятелями. По просьбам телезрителей ее перенесли за полночь, а затем и вовсе убрали из эфира. Скурвилась. Но опыт, сын ошибок, остался. Особенно по части управления игроками.

Подбери видеоряд, саундтрек, текст грамотный сваргань, озвучь его небесным голосом и уподобляйся повелителю реальностей, наблюдая как людишки раздумывают над твоими загадками. Так появился наш ГЛАС НАРОДА - анонимный и всеведущий. Он все заметит, всех оценит и выскажет свое категорическое и непреклонное мнение о человеке, фильме, книге, поступке, событии. На нем удобно выезжать, если надо заткнуть идейно-организационные дыры. Пусть Кандидаты побегают и поругаются из-за трудно выполнимых заданий, вредины режиссера, всяких других баранов и собственной художественной неполноценности. Все равно никому не обидно. На «народ» не обижаются. Пикантность, правда, пропадает. Нет живого общения, которое облагораживает и делает из обезьяны человека. Ведь мысль она тот же труд с результатом в виде беседы и всеобщего обезьяньего прогресса. А тут весь прогресс остается за кадром.

В таких делах нужен человек из плоти и крови. Нужен компромисс. С собой, с эстетикой, с бюджетом, с юристами и с теми людьми, которые спят и видят чему бы этакому научить несчастных, необразованных и неопытных застекольщиков. И раз ты пошел на соглашение, то какая к черту тебе разница, красные или белые щечки у ведущего стратегической игры? делала или не делала она перед началом проекта подтяжку? Им напишут, они вызубрят, а лишняя изюминка булку не испортит.

- Это все? - спросил Гурам, молча выслушав мою небольшую, но страстную эскападу.

- Да! … то есть, нет!

- Ну, тогда сядь.

И я сел.

- Так рассуждая, можно самому в кадр вывалится.

Вываливаться в кадр мне не хотелось. Особенно в моем сегодняшнем состоянии. Впрочем, и в завтрашнем и в послезавтрашнем тоже.

- Ты как думаешь, Зоенька?

- А? - спросила Зоенька отрывая взгляд от телестены. - Дядя Гурам, я не слышала.

Он погладил ее по щечке и принюхался. Я не мылся со вчерашнего утра. Сколько времени не мылась Зоя, я не знаю, но при каждом ее движении становилось ясно, что достаточно долго. Наше бездействие в вопросе гигиены сделалось совершенно невыносимым, когда она попыталась приспустить свою черную куртку (в ней удобно драться) с большущим знаком «Peace» и призывом «Убей нациста!» на спине.

- Девочка, а ты знаешь что такое Бухенвальд? - спросил Дядя Гурам, обращая внимание на красную повязку с зеленым яблоком в белом круге. Зоенька так и не сняла ее с правой руки, заявив, что носит эту деталь наряда: «В знак протеста!»

- Нет.

- А Заксенхаузен? Треблинка? или может быть Освенцим? В школе вам ничего про это не рассказывали?

Зоенька фыркнула и замотала своими сальными кудряшками.

- Там были газовые камеры и печки. А после всего образовалась большая барахолка, - пояснил Гурам. - Всем распродажам распродажа. Все из Европы! Дешевле только на свалке!

- И что?

- Так вот, у них там была коррупция, ведомственные злоупотребления и никакой рекламы, а когда мы думали над этой проблемой, то решили провести такую тотальную уцененку, чтобы она превзошла все аналоги прошлого. Понимаешь, переселенцам на Восток нельзя было брать много, поэтому многое осталось и все брошенные вещи нашли новых благодарных хозяев через Интернет-аукцион.

- А-а-а… - выдохнула девушка и вновь обратилась к экрану. - Прикольно.

Что и говорить, классика может заворожить. Она притягивает. Зоенька тому подтверждение. Так и норовила

подпереть свой остренький подбородок левой рукой. Приходилось одергивать и звенеть наручниками - ее левая была одним целым с моей правой.

- Какое милое создание, - восхитился Дядя Гурам.

Я согласился, отделавшись неопределенным «Угу».

- Ты нас не слушай. Мы сейчас о скучном говорить будем.

Милое создание не ответило. Оно уже не слушало. На экране были улыбающиеся обладатель почти нового черного мужского костюма в тонкую белую полосочку, оранжевый служащий доставки, аукционный программист-системщик и, естественно, Гурам.

- Ты, вообще, зачем пришел?

- За помощью и советом.

- Насчет стратега. Правильно?

- Правильно, - согласился я, отдав свое бренное тело течению разговора.

- Позвать хочешь?

- Нет, не хочу.

- И это правильно, - не удивился Дядя Гурам. - Ты молодец, что ко мне обратился, тем более Шурка мне звонил недавно. Еще до несчастного случая. - Последнее предложение Гурам произнес с весьма двусмысленным ударением на слово «случай».

- Не веришь?

- Нет, не верю. Ты сам-то…?

Я не ответил. Хотя, конечно же, какая, к черту это…

- Видимо вам здорово хвост прищемили, - без всякого выражения констатировал Гурам.

- Не знаю. - Я, в самом деле, не замечал ничего такого.

- Все вы так. Суетитесь только когда жареный петух в темечко… - Мой старший товарищ помолчал, отвлекаясь от телестены и наблюдая за монтажом сцены. За окном модуля управления суетливо бегали рабочие, а над ними ворочалась неторопливая, похожая на оглоблю стрела крана. Площадка была почти готова, осталось установить видеосистему. Где-то на заднем фоне терялся Казанский собор. - Тебе когда ведущий нужен?

- Через два, может три дня. И я не знаю, с кем Шурка вел предварительные переговоры. Он всегда напускает такого тумана. Хоть ешь его, а не скажет. Секретность, понимаешь.

- Ну, да. Ну да, - покивал Гурам и без перехода предложил: - Возьми Коленьку.

- Коленьку? - переспросил я, разглядывая изображение появившееся на одном из мониторов. Золотистая блондинка без всего, но в брильянтовом колье. За гривой волос угадывалось

слово «Playboy». Руки стыдливо прикрывали груди, а название фотосессии «Nicole - Hot Russian's Hit» все остальное.

- Хочу сунуть ее на какой-нибудь новостийный канал для студийной работы. Мы уже попробовали. Она так обалденно раздевается, когда зачитывает сводки с очередной посевной. Ни разу дыхание не сбила.

- Возьму.

- Только с условием. - Появился новый не менее занимательный вид «Коленьки». Теперь она держала сумочку, закрывая то самое заветное место, увидеть и воспользоваться которым якобы стремятся все мужики планеты. Сумочка дизайном и размером напоминала большой, очень большой кошелек. По виду sexy-woman было понятно, что кошелек для нее, несомненно, вторичный половой признак, а вот мужские деньги в нем – первичный.

- ?

- Она выйдет к ним завтра вечером. Дошло? Не на днях, а завтра.

- У меня встреча аутсайдера.

- Вот с ним или сразу после него она и появится. А застекольщики как-нибудь должны будут порассуждать относительно героических символов прошлого. Мне нужна ассоциативная связь с моим проектом. Понятно?

- Чего ж тут непонятного. - Женщина на экране вызывала у меня двойственные чувства. - Рейтинг падает.

- Да. Люди устали от нашей с тобой солидности. Скука. Пашка слишком возомнил себя Президентом и политиком. Он хоть и главный news-maker страны, но уж больно однообразный. Делает кашеобразную и какую-то серую news-палитру. Паша там, Паша сям, Паша сказал, подумал, пукнул. Уже не проканывает. «[Голово]ломка» прозвучит если вытащите что-то подобное. - Гурам вывел третью фотку, где Коленька демонстрировала свои идеальные 90/60/90 со спины. Повернутая голова, зеленоглазый, прямоносый профиль, приоткрытые губы. Море, солнце, песчинки песка на теле. «For me, the only thing more important than sex is my health». Интересно, что она имела ввиду, если учесть, что буквально год назад ее знали как мужчину? Неудачливый провинциальный политик. Был. Теперь она в ладах со своим телом и имиджем. Теперь она известна всей стране. Транссексуал, мать ее.

- Классная тетка, - вынесла вердикт Зоенька.

- Я подумаю, - вынес вердикт я.

- Ага. Подумай, - согласился Гурам. - Только не затягивай и предварительно позвони в Администрацию. Макс вам давно все

написал.

Уходя, я еще раз посмотрел на экран, где, на сей раз черночулочная, Nicole-Коленька провозглашала: «SEX. MONEY. DEMOCRACY».

Гурам был бы лучшим ведущим на «[Голово]ломку». С таким опытом Гурам Артемович мог бы работать на любой передаче, но… Ему не хватало главного, что требуется хит-ведущему. Новизны. Никто не удивится, увидев хоть и культовую, но до дыр затасканную рожу. А нам нужны загадка и сюрприз, удивление и внезапность.

Например, в прошлом сезоне на Шоу пришел сам Его Святейшество Патриарх. У застекольщиков аж рты пооткрывались. А как было таинственно и торжественно! Патриарх озвучил церковно-государственный заказ на идею и несколько недель являлся в эфир, направляя и наставляя Кандидатов в поиске ответа на поставленные вопросы. Рассказывал стране о своей непростой судьбе, делился опытом самовоспитания и смирения, играл на гитаре, исповедовал и даже повенчал одну сладкую парочку. Плодитесь, мол, и размножайтесь.

Так что Дядя Гурам – дохлый номер. Окостенел наградами, почетными званиями и доходами. Мысль ожирела и остановилась. Талант загнил. Ему не хватало вдохновения и он начал ностальгировать, просматривая записи своей прошлой славы в разных ракурсах, позах и ситуациях:

…Всенародный плебисцит. Электронное волеизъявление. Плакаты, реклама, реклама, реклама: «Голосуй или проиграешь!» Да! Улыбающиеся избиратель, член контрольной комиссии, международный наблюдатель и Гурам.

Сооружение охранного вала в девять метров высотой и сто метров шириной. Колючая проволока. «Осторожно мины!» Улыбающиеся пограничники, строители, мирные жители приграничных селений и Гурам.

Космодром. Спутник выходит на орбиту. Стрела локатора, объективы и антенны нового искусственного спутника Земли смотрят на горные, заснеженные вершины. Улыбающиеся генералы, техники, конструкторы и Гурам.

Белый шлем пилота. Штурмовик заходит на цель. Пш-ш-ш-ш… Ракета со спутниковым наведением. Взрыв в горном ауле. Нет аула. Улыбающиеся летчик, аэродромные техники, жены, служащих на базе и Гурам.

Погрузка/Выгрузка переселенцев/репатриантов. Вагоны,

машины, самолеты. Инфраструктурный проект века. Освоение богатств Восточной Сибири. «Добро пожаловать в Якутию!» Аборигены братаются с прибывающими на постоянное место жительство представителями некоренных народностей. Улыбающиеся старики, женщины, дети и Гурам

И вот, наконец, Гурам Артемович на открытии национального парка-полигона-заповедника «Чечня». (Один из немногих случаев, когда победивший Кандидат выполнил свое обещание). Окончательное решение кавказского вопроса. Перерезают ленточку. Первая группа туристов на аттракцион «Грозный». Гимн. Салют. Улыбающиеся Президент, остальные и Гурам.

Это был пик его карьеры. Многомиллиардная и многомесячная эпопея небывалой в истории человечества гуманитарной программы – спасение от самоуничтожения маленького, гордого, но глупого народа. Спасли. Не только людей. Их культуру, язык, традиции и обычаи. Круглосуточный прямой эфир, тысячи закадровых рабочих, сотни точек съемки, десятки камер и один Гурам на всех. Совершенно не понятно, откуда у него взялось столько жизненных сил. И ведь до чего талантливо старик сработал! Скрестил сразу несколько казалось бы несовместимых жанров. В одном телеформате поместились живописные виды равнин, гор, рек и неба, рассказы о неповторимой флоре и еще более неповторимой фауне, выпуклые характеры людей-тружеников, людей-героев, людей-страдальцев, людей-жертв и, наконец, глубокие историко-политические экскурсы. Подал он этот «коктейль Гурама» с помощью быстрых наездов картинки, крупных планов, фантастических ракурсов, сочных красок, бешеного вращения камеры и небывалых спецэффектов. В качестве особой приправы его голос. Проникновенный, тихий, но одновременно четкий и твердый.

В это время я был во Франции и когда в своем задрипанном подвале в компании с парижскими мышами смотрел это мега-шоу, готов был разрыдаться от зависти к таланту Гурама и заодно от сострадания к многодетной семьей переселенцев, над которой тот взял шефство. С камерой на плече наш шоумен-подвижник проследил путь этой ячейки общества от полуразрушенного дома в Гудермесе до благоустроенного вагончика в городе Бестях, что на могучей русской реке Лена. Он приходил к ним в гости, на нем висли маленькие детишки, а он жестом Деда Мороза доставал из карманов плитки шоколада. С тех пор Гурам Артемович стал зваться «Дядя Гурам». Даже получил несколько премий, в том числе международных, с общей формулировкой «за выразительность художественных форм и документальную правдивость передачи материала».

Дошло до того, что Дядя Гурам стал начальствовать на канале «Столица» и занялся проектами в стиле art-chaos. Воздвигает памятники под общим названием «Кумир прошлого». Каждый год - новый персонаж, новый памятник. Отстоял пенопластовый герой на алюминиевой основе и, пожалуйста, – в положенный срок уже все готово. Конкурс на замещение начинается чуть ли не на следующий день после установки. Словом, докатился. Живой классик.

Вы хотите платить за трафик меньше?…Да?…

Нет!

Чтобы пожаловаться на мобиспам нажмите 1.

Макс не удивился моему звонку, но было бы преувеличением сказать, что он выказал радость по поводу моего появления. Нечто вроде неизбежного зла, присущего посещению стоматологического кабинета, где вместо бормашины и врача единый во всех функциях Вася Чапаев. Я никак не мог облегчить его страдания. Из всего многообразия Шуркиных кремлевских друзей, приятелей и собутыльников мне был известен только Макс.

- Что ж вы все от меня так шарахайтесь? - поинтересовался я у Человека-из-Администрации.

- *Все?*

- Ну да. Ты бы видел лицо нашего гэбешника, когда он со мной разговаривал в больнице. Даже отпустил меня быстро, а ведь ты знаешь, он любит поговорить.

-*Болтаешь,* - не поверил Макс, наблюдая за тем как Зоенька тыкала кнопки на подлокотнике своего кресла. Она уже в который раз пыталась разобраться с автомобильной электроникой и опустить стекло.

- Как дела?

- *Сливочно.*

- И у меня также.

- *Почему?*

- Ты же понимаешь, что ситуация с Шурой весьма необычна.

- *И?*

- Дурака-то из себя не строй.

- *Грубишь.*

- Называю вещи своими именами.

- *Шутишь.*

- Я вообще думаю, что весь этот сыр-бор начался с подачи наших доблестных чекистов.

- *Нас пишут.*

- Удивил! - отмахнулся я, переключив внимание на Зоеньку. Девушка, бросив упражнения с кнопками, заблокированными водителем, беззвучно вертела пальцем у виска. Пришлось ей объяснить:

- Он нормальный. Просто у Макса редкий дар. Он говорит, точно также как пишет инструкции и речи. Если Гурам маг визуальный, то наш дорогой Человека-из-Администрации пример мага вербального.

- *Льстишь,* - отреагировал Макс, хотя было заметно, что ему понравилось. Он даже откинул свои неформально длинные пряди волос, продемонстрировав нам серебренное колечко в левом ухе. Оно должно было олицетворять духовную связь Макса-чиновника и Макса-писателя.

- Чистая правда, - подтвердил я и в этот момент почти поверил в исключительность своего собеседника. - Макс наш новый русский словесник. С будущего года его произведения войдут в школьный курс вместо… Вместо кого?

- *Бунина.*

- И сколько ты за это заплатил?

- …

- Старичье прошлого века все равно никто уже не читает, а у Макса популярности в творчестве столько же, сколько таланта брата краткости. Дядя Гурам сравнивает его с Бертольдом Брехтом.

- *Правда?* - спросил русский Брехт.

- Правда, - подтвердил я, считая в душе, что термин «словесность» подходил к его работам лишь в сокращении «слово». - Насчет похожести я готов с ним поспорить, но то, что ты вписался в глобальный технологический дискурс, нет никаких сомнений.

Зоенька вряд ли знала кто такой Б. Брехт и вряд ли помнила И.А. Бунина, но наверняка читала по своему телефону SMS-романы Макса: «Поле. Лес. Туман. Мы встали. Пошли. Вперед! Вперед! Пули. Трудно. Взрывы. Страшно. Выдержали. Справились. Победили». Их еще обычно сопровождают картинки и музычка. Когда нечего делать в метро, очень даже способствует.

- Кстати, познакомься, - это Зоя. Я встретился с ней в Петербурге.

- *Уже,* - познакомился Макс.

- Как это?

- *Твои выкрутасы в Интернете.*

- Уроды!

- Ну, вот я и стала знаменитой, - замечает Зоя.

- И я тоже, - поддакиваю я и смотрю на секретаршу.

- Обещали не выставлять, - сообщила Татьяна, слушавшая наш разговор вне кадра. - Привет, Макс!

- *Таня. Привет. Что звонишь?*

- Ты там по кремлевским курилкам не слышал, кто нас мог заказать? - спросил я и тут же уточнил: - В смысле, кому это выгодно?

- *Не знаю.* - «Честно» ответил Макс, враз бледнея и покрываясь испариной. *-Другим бы интересовался.*

- Например?

- *«[Голово]ломкой».*

- Я к тебе заеду за заданием на игру ближе к вечеру.

- *Нет. Выслали фельдсвязью.*

Я не поверил своим ушам:

- Повтори, пожалуйста.

- *Не приезжай.*

- То есть меня даже в Кремль теперь не пускают?

- *Мы заняты.*

- Мы? Это кто «мы»?

- …

- Слушай, а не Администрация ли тут химичит с Шурой и Президент-Шоу?

- *Слухи.*

- Какие слухи?! - не выдержал я. - Это я только что догадался. Колись, сука!

- *Проспись.*

- Да я… !

«No connect» - сообщил мне телефон и больше с Максом не соединялся. Кремль вырубился. Не отвечал ни один телефон Администрации. Мое лицо поставили на односторонний блокиратор. Даже сайт висел, выдавая белостраничный «error».

- Моб, вашу ять, - резюмировал я. - Вот тебе и «электронное правительство». Связь, бдядь, между государством и его гражданами. Ох, и держит же гражданин Гурамчик нос по ветру. Не зря про Макса напомнил. Носяра. Ох, и нюх у него.

Я попытался дозвониться до нашего гбешного куратора.

Телефон недоступен или находится вне зоны устойчивой связи. Попробуйте позвонить позднее.

- Ну ваще, заебись. Это когда же позднее?!

- Не надо нервничать, - распорядилась Таня. - Еще пока ничего страшного не произошло.

- Да!?

- Будем работать.

- Да?!

- Снимем наручники и…

О том, как я приобрел эти сомнительные украшения, у меня остались весьма смутные воспоминания. Зато я хорошо осознавал необходимость от них избавиться. Но так как наручники были сделаны из титана и снабжены магнитным кодовым замком, то, как вы понимаете, просто так они не снимались. Зоя же молчала, как настоящая партизанка, и не раскрывала страшной тайны комбинации из четырех цифр. Космодемьянская, блин!

Татьяна объясняла подобное поведение склонностью молодежи к инфантильному максимализму. Возрастное, значит. А раз так, то Федя предлагал радикальные отцовские меры в виде хорошей порки. Зоя бледнела, краснела, еще больше потела и все равно молчала. Даже когда Федя снял ремень и демонстративно пощелкал им у ее чуть курносого носика. Она жмурила глаза, готовилась разрыдаться, но ничего не говорила.

Как старший по должности я не допустил насилия, выбрав в качестве наказания пытку голодом. Решил, не предлагать ей бочку варенья, корзину печенья и просто деньги, посчитав, что до обеда (без ужина и завтрака) ее хрупкий организм признает невозможность существования без пищи.

Не могли же мы, в самом деле, ходить с ней в туалет вдвоем. Пришьют еще развращение малолетних.

- Тебе лет-то сколько?

Не ответила. Насупилась.

- А давай ей руку сломаем или отпилим, - предлагала настойчивая Татьяна.

- Нет. Она, дура упрямая, меня всего кровью забрызгает, - отнекивался я, считая, что если пилить, то поднимется крик, от которого у меня еще и перепонки полопаются. - И так нам все расскажет.

Оказалось я плохо знаю современную молодежь. Девушка демонстрировала приспособляемость к запредельным условиям существования и готовность к всевозможным обстоятельствам. Во всяком случае, это было ясно из ее поведения в милиции, куда нас доставили после разгона «несанкционированной демонстрации» у здания Петербургского избиркома.

Начала она с домашней заготовки: «он меня завлек». Когда менты припугнули, она изменила показания на: «он меня заставил». Когда припугнул я, версия событий приобрела вид: «это была моя неудачная шутка». Нам оставалось только посмеяться и отправиться в «Four Seasons» забирать мои вещи и «воровать» очередной гостиничный халат. Там Зоя, наконец-то, представилась и назвала нас «буржуями погаными», что стало

началом серии нелицеприятных комментариев к вещам и людям «другой реальности». Из ее дальнейшего выступления следовало, что конкретно я, конкретно Татьяна и конкретно Федя, а также наши родственники и предки, испортили ей всю жизнь. После этой страстной полит-ругани мне пришлось успокаивать Татьяну, намеревавшуюся надавать этой «террористке малолетней» тумаков и мимоходом выцарапать глаза. Тогда-то я и решил оставить Зоеньку без сладкого, на что, к моему удивлению, она не слишком обиделась.

- И откуда вы такие беретесь? - вопрошал обычно молчаливый Федя и из жалости предлагал, что бы девица не почувствовала боли, перед тем как пилить руку, дать наркоз. Ему простительно, он не ознакомился с ее биографией.

Из досье, любезно предоставленном Управлением безопасности, следовало, что девушка обиделась на мир из-за своего непоступления на филфак Университета. Сами понимаете, после приватизации высшей школы заработать деньги на образование – большая проблема. Искала гранты по профилю и не нашла. В век высоких технологий никому не нужны бедные любители филологии, даже с хорошо сданным Единым экзаменом. Нужны только богатые, способные оплатить счета за место в кампусе, учебники, дополнительные семинары и стажировки с глубоким погружением в информационную среду. Вот если бы она увлекалась высшей математикой, программированием или физикой… Но абитуриентка Зоя отдавала предпочтение романскими языками: «La visite d'amitié. Le roi d'Angleterre à Paris». Ничего непонятно, зато как звучит, как звучит! И еще ей нравилось творчество французских писателей середины XIX века. В особенности Дюма «Королева Марго».

Словом, достаточных средств она не имела и, недолго думая, попыталась попасть в МГУ на reality «Alma mater».

Только у нас! Явная и тайная жизнь лучшего учебного заведения страны!

Естественно, не прошла по конкурсу и с отчаянья чуть не покончила самоубийством, наглотавшись ecstasy. Умереть получилось примерно так же, как поступить в Университет, поэтому после реанимации ее тут же подхватило молодежное отделение партии «Социальный Союз». Так она оказалась в СС.

Все это я читал в надежде найти заветную комбинацию для кодового замка. Но дата рождения эссесовки, даты рождений ее родителей и младшего брата, и даже дата вступления в «Союз» не подходили. Наручники продолжали крепко сжимать мое запястье, демонстрируя качество отечественного титана и неприступность российских замков. Девушка подстать этому несложному

приспособлению демонстрировала, что для нее борьба с классовым врагом важнее физиологических потребностей. Я уже давно отказался от столь непримиримой жизненной позиции и проявлял абсолютную неготовность идти на конфликт с человеческой природой. Мне хотелось есть, спать и еще больше принять ванну. Во мне копилось раздражение, которое сдерживалось лишь бессонной заторможенностью.

Между тем, Зоенька перешла в контрнаступление, подавая признаки разумной жизни в виде реплик и «случайных» толчков ногой. Уже утром, по приезде в Москву, в пути из аэропорта на работу, заметив, что я готов заснуть, Зоя начала вещать про свою нелегкую партийную жизнь. Трындела про то, что «демократия – это болезнь» и ее надо лечить. При этом она не скрывала, что основные политические идеи были почерпнуты от участников шоу «Рокподвал», где в прямом эфире под патронажем пива «ПИТ» рождались звезды альтернативной культуры. Этот underground вдохновлял ее на участие в массовке шоу «СоцПротест». Там она била витрины и жгла машины не просто так, а потому что. Деньги же на жизнь и E-learning Зоенька зарабатывала на передаче «Тимур и его команда», в которой молодые эссесовцы помогали престарелым и немощным пенсионерам ходить в магазин, выносить мусор, таскать воду, переходить дорогу и колоть дрова.

Вот уж поистине, вся жизнь – борьба. Зоя жила и боролась. Боролась и жила. С кем она жила не говорила. Подозреваю, что одна. Женщины с такой бурной биографией большие поклонницы free love, как суррогата free life. Мы, в некотором роде, были коллегами. Оба любили свободу и зарабатывали на шоу-бизнесе. С последним утверждением Зоя не соглашалась, ибо ее участие в шоу считалось протестом, а мое коллаборационизмом. Однако наш почти профессиональный интерес к самому процессу создания действа привел к мирному сосуществованию двух противоборствующих систем за столом моего кабинета. Она даже начала улыбаться, что добавило подозрительности во взгляд Татьяны.

На заводе, где должно было происходить техническое вмешательство, нас встречал докторообразный инженер. Его глаженный, без единой складки, накрахмаленный до хруста белый халат и блестящий бейдж с цветной фотографией приятно гармонировали с серебряными стенами зданий и темно-синими комбинезонами рабочих. Производственная территория была похожа на загородный санаторий, где лечат тишиной, чистотой, зеленью газонов и ароматерапией. В цехах ожидаемый

механический гул, блестящий светло-серый пол и желтые линии дорожек для роботов-тележек с заготовками, деталями, конечной продукцией. Идиллия высоких технологий, экологических стандартов, хорошего маркетинга и грамотной работы корпоративного психолога.

Предстояло общение с пролетариатом.

- Это ты ради них все затеяла? - спросил я Зоеньку, когда нас, наконец-то, приставили к какому-то сверлильно-строгально-фрезерно-лазерно-пилильному станку и принялись ломать наручники.

Кажется, девица даже не поняла, что я имел ввиду. Пришлось пояснять:

- Ну, ты все эти демонстрации и наручники устраиваешь для того, чтобы «вся власть рабочим»?

- Ты совсем дурак, - безапелляционно заявила Зоя. - Да кому они нужны? Это ж быдло туповатое.

Только после этого заявления молчаливый пролетарий, колдовавший над программным управлением станка, счел возможным на нас посмотреть. Вернее, окинуть взглядом. Ничего кроме удивления в его пролетарском взгляде не читалось.

- Где же вы эти наручники взяли? - спросил неотходивший от нас инженер, вероятно, посчитав, что своим вопросом сменит тему разговора.

- В Петербурге. - Ответить точнее у меня, увы, не получалось.

Инженер еще некоторое время ждал более подробного рассказа и не дождался. Талантами светского болтуна он не обладал, поэтому погрузился в смущенное молчание. Мне оставалось слушать урчание механизмов, скрытых за оранжевыми, желтыми и коричневыми панелями, да рассматривать собственную руку, которую я, быть может, вижу в последний раз. Вдруг ее отхватит остро заточенный резец и, заметьте, без всякого наркоза.

Ни вездесущая Танька, ни непримиримая Зоенька не подавали признаков озабоченности моим нерациональным времяпрепровождением. Да что там говорить! В цеху оказалось полно компьютерных экранов и видеомониторов на станках и ни одного телевизора. Ни одного! Даже самого маленького. Я заметил это вслух, чем вызвал недоуменный взгляд инженера:

- Вы, наверное, гуманитарий? - Мне показалось, он посчитал меня слегка ненормальным. - Мы вынуждены ограничивать персоналу доступ к информации в связи с технологическими нуждами. Падают показатели качества.

- А телефоны?

- Ни в коем случае. Строжайше запрещено. Они оставляют их

в шкафчиках.

- Я же говорю, - вновь подала голос Зоя. - Меньше знаешь – лучше работаешь.

Рабочий у станка, отнюдь не глухой, крякнул и сделал вид, что закашлялся. (Вот уж не думал, что наши рабочие отличаются чувством такта). Я так и не понял, согласился он или возмутился. Синий комбинезон демонстрировал нарочитое спокойствие и старательно тыкал пальцами в кнопки пульта. Проскользнула мысль, что это какой-то порченый пролетарий, с душком от незаконченного высшего, а может даже от законченного. Впрочем, когда диплом о высшем образовании гарантировал наличие хороших манер? Читать научили и ладно. А сейчас и читать необязательно, кругом сплошные картинки и телевпечатления.

Столь философско-метафизическая мысль занимала меня ровно столько времени, сколько понадобилось для распилки наручников. Лишний раз подтвердилась мысль древних, – работа руками успокаивает. Пусть даже они – руки – чужие. Правда, эти же «чужие руки», если на них смотреть, служили для меня страшным раздражителем. Белые кисти с тонкими пальцами, мягкие ладони. Маникюр? Совсем не похожи они были на руки труженика. А где же черные, обкусанные ногти, пальцы с заусенцами и задубелые трудовые мозоли? Нет их. Новые времена, новые веяния. На заводе были отменные душевые (там я и Зоя вымылись после освобождения от наручников), а перед столовой (куда нас после долгожданного душа отвели пообедать) имелись умывальники. Любую черноту можно отмыть. Было бы желание. И судя по тому, что на стенах висели многочисленные комиксы о личной гигиене на производстве, это желание активно стимулировали.

Оказывается, очень неприятно расставаться с привычным стереотипом грязноватого обитателя производственных площадей. Привыкнув считать себя настоящим натуралистом современности, как выяснилось, я не представляю, что же это за зверушки такие – рабочие.

С подопотным материалом проблем не было. В демократичной, общей для всех столовой за длинными столами сидели люди в синих комбинезонах, белых халатах и деловых костюмах. Костюмов меньше, комбинезонов больше. Они ели. В углу зала иконой висел громадный телевизор и вываливал на жующую публику шок-попсятину от мальчикового дуэта «Tot.Tu.»:

- Я начал жрать как мерин. Жрал все. … О-о-о! Я тут же понял. Началось что-то странное. Никогда не думал, что я не смогу переспать с кем-нибудь в кадре. Видимо я не человек шоу-бизнеса. -Рыжий целует черного.-*Поцелуи еще можно. Остальное…*

Синий комбинезон сидящий напротив меня, не глядя, взял своими выскобленными пальцами кусок ржаного хлеба. Как и я, он ел салат. Из свежих овощей. Помидоры, огурцы, колечки лука, сметана. Он ел со смаком, тщательно пережевывая, добавляя сметану из отдельного стаканчика. Я ковырялся в крабах и наблюдал за шевелящейся челюстью человека сидящего напротив.

- Понимаете, в 14 – 15 лет дружба между мальчиками перерастает в пограничное чувство. На грани любви… -Черный целует рыжего. *-А еще надо работать. Иногда бывает так тяжело, что прихожу к маме и говорю, что жить больше не могу и не хочу… Наверное, это усталость.*

За соседним столом другой синий комбинезон уплетал солянку похожую на борщ. Меня ждал быстро остывающий суп с фрикадельками, а у него в тарелке в нетерпении дымились огромные куски мяса, крупные разноцветные, большей частью красные, ломти перца. Его борщ назывался «солянка по-кавказки».

- У меня есть батюшка. Он хороший человек. Он понимает. Я к нему хожу и рассказываю, все что происходит. -Рыжий глубокомысленно посмотрел куда-то вверх. *-Он дал мне книгу. Я ее прочитал. Мне так понтравилось. Столько всего понимаешь… То чем я занимаюсь – это большой грех. Придет тот момент… За все надо расплачиваться.*

Напротив меня уже перешли к гуляшу с жареной картошкой. Запах жира и поджарки перебил аромат моих фрикаделек и отварных молочных сосисок. Первого блюда у него не было, ему хватало тарелки, заваленной мясом и залитой густо-коричневой подливой. Оперируя четырехзубым орудием, он сноровисто отправлял пищу себе в рот. Кусал хлеб, наклонялся к тарелке. Кусал хлеб, двигал рукой. Кусал хлеб, поддевал мясо.

- Я не мог представить, что мне понравится мужчина. Потом. Уже потом появилось чувство. - Черный задумался и посмотрел в другую от камеры сторону, в окно. *-Да, я гей. Я даже не скрываю этого от своей девушки. …Что будет дальше, я не загадываю. Живу сегодняшним днем.*

Зоенька выбрала то же самое, что я, что работяга рядом с нами и еще два раза по столько. Перед ней на столе не осталось свободного места и она сдвинула в сторону салфетницу, приборы для специй. Кажется, она глотала нежуя. Просто глотала, впрок забивая желудок и не думая о возможном ожирении, холестерине, целлюлите и несварении.

- Артист умирает на сцене. Это не я сказал. Но мне кажется, что моя работа – подвиг. «Tot.Ti.» – это моя жизнь. Я ничего больше не умею. Только петь. - Рыжий пытается взять ноту «До». *-К славе привыкаешь. А мы еще молоды. Молодость – это прекрасно.*

Мы просто развиваем свои таланты.

Инженер пил кофе. Просто кофе. Он смотрел на сумрачную Татьяну. Ее выбор пал на кофе со сливками и песочное пирожное. Инженер пытался сказать ей нечто вроде комплимента относительно его здорового румянца. Татьяна не обращала внимания, стараясь прислушаться к разговорам рабочих. Был слышен только стук столовых приборов и телеголоса.

- *Я хочу построить дом в Подмосковье и купить новую квартиру в City. Я это все могу сделать и сделаю.* - Черный возбужденно машет руками, показывая насколько сильно его желание воплотить свои мечты в жизнь. - *Но мне очень страшно. Больше всего в жизни я боюсь одиночества.*

Комбинезоны предпочитали чай. С лимоном, с сахаром, с пирогами. Пироги с яйцом и луком, мясом, картошкой, капустой. Тот, что напротив, ел тонко нарезанные лимоны. Щедро посыпал дольки песком и запивал их горячим чаем. Очень черный чай.

- *Не знаю, почему нам запретили концерт в Лондоне. Они испугались. … Мы ощущаем, что мы новый образ нашей тысячелетней культуры.* - Рыжий гордо задирает нос, выправляет спину и крепче сжимает подушку, которую обнимает ногами. - *Теперь Россия олицетворяет любовь. Не зря же нам дали Нобелевскую Премию мира за «раздвижение границ сознания».*

Я пил виноградный сок и наблюдал за тем как рабочие входят и выходят из столовой. Большинство выходило и направлялось по коридору прямо. Возвращались в цеха, на работу, на производство, на трудовую вахту. Сверлить, строгать, фрезеровать, пилить, резать. Воплощать в жизнь инженерно-технические достижения. Делать ценный конечный продукт.

- *Проект не был рассчитан на такие деньги и такой успех. Много. Очень много.* – Черный кусает маленькую пицу и говорит, еле успевая прожевать. -*Да мы нужны России. Вектор движения Европы к России очевиден. Группа «Tot.Ti.» нужна Европе и миру. Мы мировые Kulturträgerы.*

Синий комбинезон напротив вытер салфеткой губы, белые аккуратные пальцы, достал из кармана ключи с брелком автосигнализации. Он довольно оглядел пустые тарелки, меня, мои пустые тарелки, Зоеньку и ее тарелки, подмигнул нам и громко икнул. Улыбнувшись своей случайной шутке, встал и пошел в сторону выхода. За время трапезы он так и не притронулся к столовому ножу.

- Да. У каждого свои недостатки…. Зой, слушай, а если ты не за них, то за кого?

- За себя, - отвечает Зоя, хрустя сушкой. - Против всех. Против таких как ты.

- А чем ты лучше?

- Ничем. Я иная.

- Круто, - честно восхитился уставший, но сытый Вася Чапаев.

Я смотрел в ее нелишенные разума глаза и умилялся. Обыкновенная show-шушера с признаками нищего радикализма, но столь естественна, столь непосредственна в своем videотизме.

Иногда думаешь, вот случится Конец Света. Объявят о нем по телевизору, по всем каналам, а потом, во исполнение договорных обязательств, врубят рекламу… ну, не знаю чего… например, отпущения грехов. Поймут они, что это шутка или начнут искать контору где грехи отпускают? А если и в самом деле Конец? Полная аннигиляция. Атомный взрыв и растворение в абсолютное ничто.

- *Он исчез.*

- Кто?

- *Директор.*

- Как?

- *Очень просто.* - Судя по лицу, помощник директора по внешним связям даже не догадывался, что дерзил начальству.

- Конкретней можно?

- *Его вызвали на беседу в прокуратуру.*

- Знаю. Дальше.

- *Он вышел от Кривцова. Сделал краткое заявление для прессы в том смысле, что все в полном порядке, и он надеется на скорое расследование происшествия с Шурой.*

- Ну!

- *Сел в машину и поехал в контору.*

- И?

- *И не приехал.*

- То есть как?

- *А так.* - Помощник директора продолжал дерзить, невинно изображая волнение (а может, и не изображая). - *Ни его, ни машины, ни секретарши, ни охранника. Он позвонил, что скоро будет, но это его «скоро» было уже три часа назад. Телефоны молчат у всех четверых.*

- Где был ты?

- *В офисе. Вместе с пресс-секретарем заявление от имени канала готовил.*

- И что?

- *Приготовил. Хотел сбросить секретарше, чтобы она показала шефу, а телефон не конектит. Позвонил шефу. Тоже самое. Потом узнал номер телефона шофера, и опять нет связи.*

- Совсем?

- *Совсем.*

- Со службой безопасности связывался?

- *Да. Сразу после того как водила не ответил. Обещали искать.*

- И все?

- *Сказали, сделают все что смогут, но просили не поднимать шума.*

- Как они это себе представляют?

- *Просили вам не говорить.*

- Они там…

- *Не знаю.*

- И я не знаю. … У него были какие-нибудь особые планы?

- *Да. Он хотел подъехать к вам на завод и посмотреть на начало съемки пилотной серии фильма…* - помощник заглянул в блокнот, -*«Кулисы «Президент-Шоу» или как делают демократию. ФИЛЬМ I».*

- А меня что, будут снимать?

Будут.

- Будут, будут, - подтвердила Татьяна, представляя мне режиссера: - Михаило Андронович Никитин.

- А…

- А кто тебе сказал, что будет легко?

- Мы же только что поели, - жаловался я, считая, что отлившая от мозга к желудку кровь не будет способствовать активной умственной деятельности.

- Надо, Вася. Надо.

- Не волнуйтесь, - успокаивал режиссер. - Все будет хорошо. Отснимем вас за один съемочный день, а дальше займемся монтажом. Совместим, так сказать, приятное с полезным.

Я так и не понял, что в данном случае было «приятным», а что «полезным». Загадкой для меня осталось и то, кто написал текст и утвердил сценарий.

- Текст сейчас не главное, - утверждал бесконечно деловой режиссер, спрятав руки в карманы пиджака коричневой кожи. - Это только наметки. Как и название фильма, текст рабочий, временный. Примерно как ваши прогнозные сценарии поведения застекольщиков. Изменим в зависимости от ситуации.

Таня ясно дала понять, что на пустые разговоры-уговоры нет времени:

- Раньше начнем, раньше кончим. В смысле вообще.

- Да, да, - кивал режиссер, гладил усы и смотрел на часы. -

Отснимем вид сзади, вид спереди, сверху, сбоку.

- Только с того боку, где ссадин меньше, - просил я, понимая, что все равно компьютерный рихтовщик замажет не хуже гримера. Скорее же всего, наснимают эпизодов, а потом создадут обычную вербально-визуальную модель Васи и он – виртуальный Вася – будет играть в мелких эпизодах как живой актер.

- Если тебе не понравится, мы переснимем и перемонтируем, - лгала Танька. - Ты же знал, что это надо будет сделать.

- Знал. - Передо мной монтировали суфлер.

- Ваше лицо, ваш внешний вид сейчас тоже не главное, - вещал режиссер, высматривая вместе с оператором ракурсы. - Если честно, и вы сами-то… К сожалению, у вас в архиве только старые записи. А жизненный тонус как почерк, ему свойственно меняться. Никто не поверит, что каким вы были полгода назад, таким вы и остались. Махом вычислят и время, и место и даже того, кто снимал. То есть, можно обойтись и без вас, но у нас получится обыкновенная халтура. А халтура не мой стиль, даже если переквалифицируешься в кинодокументалиста. За халтуру ни «Оскара», ни «Сезара», ни ветку в Каннах не дают и даже не выдвигают.

Только после этой фразы я узнал, вспомнил, осознал, что наш non-fiction снимает ни кто иной, как сам Михаило Никитин. Наш российский Спилберг-Феллини. Новый гуру мирового кинематографа. Любитель цыган, лошадей, Сибири и чеховских дач.

- На счет ноль, - объявила помощница кинолюбимца власти и народа. - Пять, четыре, три, два, один и…

СЦЕНА 1.

Цех. Панорама работающих станков, роботов, людей. Механический гул.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*На фоне цеха. Медленно проходит по балкону обозрения*). Наша жизнь отлаженный, четкий и точный механизм. Мы знаем, что солнце встает на Востоке, садится на Западе, а Россия величайшая страна Земли. Мы верим, что наше настоящее великолепно, а будущее выше всяких похвал. Мы убеждены, что образ и уровень нашей жизни пример для подражания всего человечества. Мы понимаем, что диктатура благополучия основывается на компетентности и профессионализме людей, делающих нашу жизнь отлаженным, четким и точным механизмом.

Крупный план робот-тележка. Клешня берет заготовку, тележка едет к станку первичной обработки.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Идет рядом с роботом-тележкой*). Россиянин, прежде чем ответить на вопрос как ему жить, хочет знать для чего ему жить. Россиянин хочет иметь идею, ибо каждое дело, каждая организация, каждый механизм начинается с основополагающей мысли.

Клешня робота-тележки подает заготовку в захват станка первичной обработки.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. Мы живем простой человеческой мечтой иметь благополучие и передать его нашим детям. Если представить это бесхитростное желание в виде металлической чушки, то можно понять с какой грубой и, казалось бы, совершенно бесполезной вещи начинается создание ценнейшего, почти ювелирного изделия.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Встает рядом со станком, незагораживая рабочего*). Эта заготовка, этот кусок пока еще бесполезного металла превратится в выверенный поколениями наших предков и отшлифованный историей нашего государства смысл жизни простого, обыкновенного, рядового жителя России.

Крупный план рук рабочего, набирающего программу обработки.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Переходит к другому станку*)…

- Чего? - Я пытаюсь выяснить, что хочет сделать режиссер. - Куда идти-то?

- Вперед! - кричит шепотом Михайло Андронович. - Не останавливайтесь!

…ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Едет на подножке робота-тележки*). Человеческая мысль хрупка и пуглива. Она так…

На этих словах в суфлере кончился текст.

Режиссер поощрительно замахал руками:

- Говорите! Говорите!… Я еще не доработал образ.

- Э…

- Импровизируйте! Главное естественность!

- Ну… Она так… зависит от того, кто ее придумывает… то есть, кто ее обрабатывает и доводит до конечного потребителя. Одно неверное, неосторожное слово какого-нибудь му… постороннего человека и прекрасная идея превращается в гов… в уродливую гадость. - Режиссер показал одобряющий большой палец. Я поймал музу и обрел себя:

- Лишнее нажатие кнопки и даже самая маленькая ошибка делает сложнейшую деталь бесполезной железкой. Важно помнить, благополучие строят не бездушные машины, его строят люди. Роботами управляют рабочие, программисты пишут

программы, инженеры придумывают технические новинки, а мы – пиар…. э-э-э люди средств массовой информации – обеспечиваем россиян идеями. Мы ищем, находим и обрабатываем человеческую мысль так же как заводские станки делают из металла… Э-э-а-А что они делают?

- Давайте, давайте!

- «Президент-Шоу» не исключение. Мы люди. Мы строим ваше благополучие и нашу демократию с человеческим лицом.

- Снято!

Оказалось, что завод делает для «Boeing» что-то самолето-космическое и очень наукоемкое. Почти то же самое, что делаем мы за кулисами Шоу.

СЦЕНА 2.

Документальный product placement компании специализирующейся на мобильности.

Микроавтобус Mercedes – «Русский Медведь». Общий вид.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*На фоне автобуса. Крупным планом товарный знак «Mercedes». Садится в автобус. Автобус трогается и едет. Большие тонированные стекла. За окнами Московская область, Москва, улицы, архитектурные достопримечательности, рекламные телестенды, витрины, автомашины, люди*.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Молча смотрит на Москву. Профиль. За головой белый фон подголовника кресла. На подголовнике товарный знак «Mercedes»*).

- Думайте о чем-нибудь хорошем, - просит режиссер и ожидающе смотрит в экран ручной камеры.

«Это о чем же?» - спросил я сам себя и вспомнил то впечатление, какое произвели на меня Альпы. Я ездил туда на курорт, чтобы успеть увидеть снег европейских вершин до того как они окончательно оттаяли и, как выяснилось, еле успел. На лыжах стоять я не выучился, но ощущение собственной хрупкости рядом с серокаменными мастодонтами, которое потрясло меня в горах, не оставляет до сих пор. Что наши хотелки, грешки, мгновенные жизнюшки рядом с тысячелетними исполинами? Пыль, пустота, спокойствие. Как же приятно ощущать себя песчинкой!

- Замечательно, - кивал режиссер. - Теперь о плохом.

- О работе, например, - предложила Татьяна.

И я вспомнил о том, что дома у ванны сбилась программа вибрации. Вместо легкой тряски, деревянноколесая телега на

щебеночном проселке. Никакого удовольствия. Либо я по пьяни не те кнопки нажимал и все спутал, либо кто-то из гостей лазил, но я вот уже неделю забываю сказать горничной, чтобы она вызвала мастера. Терпеть не могу, когда слишком много непонятных кнопок. Особенно на жизненно необходимых вещах. Смотришь на цифровое и буквенное разнообразие и ощущаешь себя беспомощным.

- О смешном.

Подумал о Шуре.

- Вот-вот! Зафиксируйте губы. Не улыбка, только намек на нее.

Этот придурок действительно считал себя отцом-основателем нового государства. Чуть ли не философской школы. Особенно любил порассуждать о своем предназначении и своих деяниях после парилки перед девочками-массажистками (они и правда делали ему массаж). Находило на него что-то. Стремился вывести аксиому существования «нового человека», который сможет воспринимать мир как художник чистое полотно для будущих творений. Много лет подряд подумывал завести картинную галерею, где выставлялись бы эти самые новые художники. Не завел. Говорил, мир не дорос до таких изменений. Слишком этот мир труслив.

- О серьезном.

Решил устроить себе обследование и сменить врача, чтобы получить независимый взгляд на свое состояние. Страшно надоели таблетки. После того как моя жизнь освободилась от диктата друга-продюсера надо относится к себе поспокойней. Разделаться с делами и свалить куда-нибудь… на Арубу, что ли?

- Брови сдвинь, - посоветовала Таня. - Сделай вид, что умный.

Таньку с собой решил не брать. И вообще никого. Инкогнито. Решил углубиться в мировую литературу, в себя, в свой богатый внутренний мир (давно я им не занимался). А там, глядишь, идеи придут новые. Или давно забытые, не слишком затасканные. Ведь мир и люди в нем такие старые.

- Нормально, - решил Михайло Никитин. - Добавим интеллекта и пойдет.

- Снято!

СЦЕНА 3.

Гараж. Панорама подземного пространства. Автомобили.Крупным планом товарный знак «Mercedes».

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*На фоне гаража*). Мы эксплуатируем машины только российских производителей. Использовать на таком Шоу машины импортные, на наш взгляд, непатриотично. Поэтому у нас только отечественные Мерседесы.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Заходит в кабинет к начальнику транспортного цеха «Президент-Шоу». За столом, заваленным бумажками, сидит женщина необъятных размеров в темно-синей блузочке*). Это самый главный человек на Шоу. Это наша «Мама».

МАМА (*Улыбается. Смеется*).

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Дружелюбен, подходит к креслу начальника и пытается мягко приобнять ее за плечи*). Это прозвище придумали самые информированные работники Шоу – водилы. Прижилось. И все потому, что Мама единственный человек способный распоряжаться табуном машин и оравой водителей, а значит и нашими операторами подсъема и корреспондентами. В этом деле надо иметь талант менеджера.

Крупный план стола. Графики, бланки, компьютер.

- Нажимайте кнопки, - требует режиссер.

Я послушно потянулся к клавиатуре.

- Да не вы!

МАМА. (*Длинной очередью жмет на сенсор, закрывая окна таблиц и документов*).

Esc. Esc. Esc. Esc. Esc.…

- Мамка, скажи, ты Директора искала?

- Искала, - быстро посерьезнела начальник транспортного цеха. - Спутниковый маячок не работает. Спутник не видит машину.

Esc. Esc. Esc. Esc. Esc.…

- Не видит?

- Первый раз такое на моей памяти.

- Снято!

СЦЕНА 4.

Склад. Хозяйственная служба. Панорама сантехники, стройматериалов и мебели. Крупным планом товарный знак «Шатура».

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Среди запасных зеркальных стен*). Отдел обеспечения занимается снабжением «Президент-Шоу» всем необходимым оборудованием и продуктами. Особое внимание уделяется дизайну помещений застеколья. Он заново разрабатывается на каждый сезон, и фирма-разработчик

отслеживает каждый интерьерный нюанс.

В кадре появляется дизайнер интерьеров. Стройная длинноволосая брюнетка в белом брючном костюме.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Целует дизайнеру руку*). Эти самые нюансы могут стать предметами споров с начальником хозяйственной службы.

В кадр входит пожилой хозначальник в нелепо сидящем на нем мятом пиджаке.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Здоровается с начальником за руку*). Например, наша последняя и действительно очень важная проблема заключается в том, что в застеколье не хватает одного дивана.

ДИЗАЙНЕР. (*Говорит спокойно и мягко*). Это противоречит первоначальному замыслу. В нашем проекте было на один диван больше. Его нет и, в результате, Кандидат Максим постоянно сидит на ковре, рядом с диванами, на которых ему не хватает места.

НАЧХОЗ. (*Бурчит*). Так выставлять его или нет?

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Целует дизайнеру руку*). Нет. Будущий Президент должен уметь бороться за место на диване.

Крупным планом товарный знак «Шатура».

Снято!

СЦЕНА 5.

Офис. Отдел социологии. Панорама столов, загончиков для клерков и стеклянных стенок. Кругом дисплеи и деловые разговоры.

КЛЕРК 1. Здравствуйте, Вас беспокоит…

КЛЕРК 2. Вас волнует, что Кандидат в Президенты Александр ковыряет в носу?

КЛЕРК 3. Вы смотрите «Президент-Шоу»?

КЛЕРК 4. Вы довольны свободой самовыражения?… Нет?… Почему?

КЛЕРК 5. Вы считаете, что ковырять в носу – это мужественно? женственно? по-детски? или…

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*В центре офисного пространства, где на мягком, ковровом полу выложен логотип «Президент-Шоу»*). Кроме телефонно-интернетных опросов мы активно используем возможности почты, устраиваем уличные интервью, социологические опросы и, естественно, активно используем открытые источники – центральную периодику, корпоративно-заводские и профсоюзные комикс-листки, школьные стенгазеты. Главная цель – как можно точнее передать настроения народа, то

есть телезрителей, покупателей и избирателей. Запертые в застеколье политики должны получать как можно более полные знания о проблемах страны. Забота об информационном обеспечении Кандидатов лежит на нашем «Докторе».

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Подходит к начальнику отдела социологии*).

ДОКТОР. (*Читает бумаги. Как только к нему подходит Вася снимает очки, улыбается*). Я доктор психологических наук слежу за состоянием социологического здоровья российского общества и по мере возможности помогаю застекольщикам в решении их подчас глубоких проблем. Собственно, в этом моя основная и самая тяжелая функция, ибо собрать информацию легко, а вот осознать ее значение и адаптировать для Шоу достаточно трудно. Например, в последнее время мы фиксируем значительное повышение общественного интереса к государственным делам. Связано это с трагической ситуацией вокруг Шуры и с личностью Васи Чапаева.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Удивленно улыбается*). Первый раз об этом слышу.

ДОКТОР. (*Доброжелательно*). Но если события вокруг Шуры воспринимаются однозначно положительно, в духе «Он отдал всего себя народу и стране», то личность Василия по мнению людей не столь однозначна. Его участие в протестных демонстрациях…

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Удивленно и без улыбки*). Что?

- Нормально, нормально, - одобряет режиссер. - Фильм о людях, а людям свойственны заблуждения и маленькие житейские ничего незначащие ошибки-шалости.

ДОКТОР. Люди считают, что если Василия не устраивает демократический процесс, то он должен просто уйти или более четко формировать свой имидж.

- Что!? - повторил я и социологический начальник протянул мне газету.

На развороте «Комерсанта» я обнаружил фотографии, разбросанные под шапкой «**События в Петрограде**». Экспозицию открывало групповое фото, на котором толпа прорывалась к телеэкранам. Застывшая динамика. От толпы бегут городовые в красноверхих фуражках. Бегут быстро и разрозненно. Рядом расположилось фото-трагедия. Зрелый, ближе к пожилому мужчина несет обнаженного окровавленного юношу, почти мальчишку. Мужчина плачет. Следом фото-контраст. Несколько спецназовцев работают дубинками. С какими объектами они работают не видно, видны их маски и спины противников. Контраст приобретает еще большую резкость на фотографии в стиле Nu. Крупным планом маленькие груди Зои, которая виснет

на моей шее. Она запрыгнула на меня сзади. Дальше настоящий калейдоскоп. Зоя пытается приковать себя наручниками к дверям избиркома (Космодемьянская, блин). Проколотый пупок Зоеньки, она дерется со мной, я отнимаю у нее наручники. И в качестве завершения, в правом нижнем углу газетного разворота был я уже прикованный к верещащей девушке. Подпись-вывод гласил: «*В России революция, а у Васи новая подружка*».

- Ты дальше смотри, дальше, - рекомендует Татьяна.

На другой странице оказался раздел Business-тусня, в котором не пожалели места на черно-белое лицо очередной моей знакомой Мона-Лизы, то есть Елизаветы, представленной в образе «киса домашняя, мягкая», и подробный репортаж о ее встрече с Васей Чапаевым:

«…Она как обычно сидела за своим столиком, а Вася за своим. Кто первый к кому подошел, никто не заметил. В это время Чапаев был уже поддат. У меня не было никаких оснований думать, что всем известная Лиза попытается снять именно его. Даже подозрения такого не шевельнулось. С Василием за столиком был строгий к женскому полу продюсер «Президент-Шоу». Правда Шура быстро ушел, а Лиза стала до боли походить на обычную девушку по вызову…»

Она даже интервью им дала:

«…- Он взял меня за заднищу. Я раздвинула ноги, но у него не получилось. Представляете?!

Пришлось ей посочувствовать. Видимо для нее это действительно большое потрясение. Чтобы кто-то из мужчин, если он, конечно, не гей, ее не смог?

…- Пришлось самой брать…»

- Не замечала раньше, что у тебя с этим проблемы, - комментирует Таня, глядя на меня из-за газетного листа.

- Не больше, чем у других, - оправдываюсь я и чувствую, что краснею.

Таня обидно усмехнулась.

- Ну и что это, блядь, за наезды?! - Я начинал заводиться. - У них там что, главный редактор совсем нюх потерял?! На кого он, гандон, пасть разинул?!

- Ладно, ладно. Ты только не волнуйся, - просила секретарша, но поздно.

- Не волнуйся?! Ты что, совсем не въезжаешь?! Да это же наезд по полной программе! На такое, блядь, без санкции пойдут только самоубийцы! Процесс бля демократический! Да, без меня весь этот процесс…

- Разберемся.

- Его, козла, убить мало! - кричу я и в нетерпении свертываю

газету в мухобойку.

- Я позвоню куда надо.

- Во-во! Закажи его! Слышь, что говорю? Что б завтра же!

- Слышу, слышу, - Танька уже что-то строчила в блокнот.

- Что б завтра же этого клопа забили!

Михайло Никитин, Доктор, съемочная бригада и часть персонала отдела социологии в полном обалдении наблюдали за моей истерикой-выпуском-пара-и-нервного-напряжения.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Быстро выдыхается и счастливо замолкает*). А вы чего!?

- Снято!

СЦЕНА 6.

Отдел сценария и драматургии. На двери фото-плакат – черной икрой выложено на икре красной: «Жизнь удалась!»

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Походит через офисное пространство*). Здесь обитают наши творцы и наш самый главный сценарист – «Писатель». Это люди, которые обрабатывают социологическую волю народа, синтезируя рекомендации аналитиков, идеологов и собственные творческие задумки. После их талантливого пера не остается ничего иного, как воплощать их сценарии в жизнь. Вот уже десять лет мы стараемся, чтобы воплощение ничем не уступало первоисточнику.

ПИСАТЕЛЬ. (*Стоит рядом со стеной полок заставленных офисными кружками для кофе. Среди разноцветных, разноукрашенных и разнораскрашенных кружек выделяется наиболее объемная, неправильной формы с надписью: «Неудобно? У каждого свои недостатки»*).

NICOLE. (*Стоит рядом с главным сценаристом, восхищенно рассматривает стенку с кружками. Окружена сотрудниками отдела*). Когда я была мужчиной и депутатом в Областном Законодательном Собрании очень любила кофе. Выпивала по пять – шесть чашек в день. Но от него так портятся зубы.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Юмористически-таинственно*). Это наш сюрприз завтрашнего дня. Наш секрет. Наш главный стратег на интеллектуальную «[Голово]ломку».

NICOLE. (*Поглощена кружками, тянется к верхним полкам, говорит волнующим грудным голосом*). Потрясающая коллекция.

Общий план. Медленное движение кадра от каблуков до пальчиков вытянутой руки. Общий план.

ПИСАТЕЛЬ. (*Довольно*). Мы собираем ее всем отделом вот

уже несколько лет.

NICOLE. (*Дотягиваясь до кружки «Классики не поддаются выравниванию»*). Вот такую надо подарить Гурамчику.

- Василий Чапаев? - в кадр влезает человек, сквозь штатский костюм которого просвечивает военная выправка. - Я фельдъегерь из Администрации.

- Я же сказала, с вами потом! - набросилась на кремлевского почтальона помощница Михайло Никитина. - Потом с вами отдельная сцена!

- Да пошла ты! - нервно рявкнул посланец и показал мне запечатанный сургучом конверт.

- Снимаем! Снимаем! - вмешивается киномэтр, и я под пристальным взглядом нескольких камер расписываюсь, мажу указательным пальцем по сенсору опознавания и, наконец, получаю посылку.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Держа под руку будущую ведущую стратегической игры*). Вот так осуществляется наше взаимодействие с государством. Мы не будем сейчас раскрывать тайну содержимого конверта (крупный план конверта), потому что в этом конверте не конечный вариант текста задания. Наши знатоки-застекольщики получат задание, литературно оформленное вашим покорным слугой и украшенное фактом присутствия такой обворожительной женщины как Nicole.

NICOLE. (*Говорит, пока Вася целует ей руку*). Я польщена возможностью принять даже самое маленькое участие в «Президент-Шоу». Буду стараться соответствовать. Спасибо.

Целует Васю в щеку.

- Снято!

СЦЕНА 7.

Главный операторский пульт.

Большой зал. Экраны, экраны, экраны. От пола до потолка. За пультами сидит с десяток техников-наблюдателей в наушниках. В зале тишина. Над всем и всеми возвышается кресло-башенка Главного оператора.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Благоговейно, шепотом*). Наш Храм Свободы. В нем правит «Жрец».

ЖРЕЦ. (*Сидит в сооружении (кресло-башенка-пульт), на котором висит табличка «Главный оператор». Говорит громко, машет рукой*). Ё-о-у! Чуваки! Здорово!

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Машет в ответ и подходит к одной из многих*

экранных полусфер (крупный план логотипа фирмы производителя оборудования – «ВВК»). Сюда, на эти экраны и пульты сходятся все картинки и весь звук со всех камер и микрофонов нашего Шоу. От индивидуальных микрокамер каждого из Кандидатов в Президенты, от панорамных камер в подсобках и жилых помещениях, от телеглаз следящих за фэнами, которые приходят поболеть за своего застекольщика и понаблюдать за ним через зеркальные стены павильонов.

ЖРЕЦ. (*Спускаясь со своего кресла управления. Он в красной майке с изображением Эйнштейна показывающего язык, небрит, волосы творчески взлохмачены. Подходит к Василию*). Чуваки! На самом деле все проще, чем кажется. Каждый человек, то есть телезритель может выбрать и оплатить любой канал, который входит в пакет услуг телекомпании «Первый». Эти пакеты варганят маркетологи. На нас, то есть, типа реально на мне, техническая сторона процесса. Вот сейчас мы в полусфере экранов Светки. Если кто болеет за эту лесбийскую сучку, тот подписывается на компрессию «Первый + Света» и круглосуточно получает оцифрованный вид своей забойной Кандидатки не меньше чем с пятнадцати камер. Переключай каналы, записывай, монтируй и играй в наше Шоу «Сам себе режиссер».

ВАСЯ ЧАПАЕВ. А для всех граждан, независимо от достатка и возможностей, есть бесплатная волна из нескольких…

ЖРЕЦ. Семи.

ВАСЯ ЧАПАЕВ. Из семи каналов «Президент-Шоу». Кстати, «[Голово]ломка», как вы знаете, идет на каждом из бесплатных потоков.

ЖРЕЦ. (*Возвращаясь в свое кресло-башенку, кадр уходит вместе с ним*). Моя работа, конкретно моя, в том, чтобы согласно прогнозному сценарию, который дают эти малохольные со своими кофейными кружками, выстроить картинку…

Рядом со мной материализовался начальник управления безопасности. Как ни странно, на его неприметном лице совершенно отсутствовала фирменная скользкая полуулыбка. От этого оно казалось еще более незапоминающимся и даже безвозрастным.

- Директор пропал, - сообщим мне безопасник.

- Знаю. Искали?

- Нашли. Место, где их взяли. Работали профессионалы с классной подготовкой. Сделали все минуты за полторы или даже меньше. Ни одного выстрела, никто ничего не слышал и не видел. Дальше искать бесполезно. Расстояние между прокуратурой и нами минут 30 – 40 пути. По всей трассе, как и по всей Москве, МВДэшные камеры слежения, прослушка и скрытое

биометрическое сканирование. Убежать невозможно, даже если ты самый незаметный из всех незаметных. При желании и связях можно получить доступ…

- Не дают?

- Никак. - Лицо собеседника практически исчезло в окружающем пространстве. - Все трясутся. Ходят слухи о переводе на казарменное положение.

- Васька! - закричал наш главный cameraman и призывно замахал руками. - Подь сюды!

- Снимаем без перерывов, - заклинал Михайло Никитин и отдавал всего себя документальному творчеству. - «Президент-Шоу» – рабочий момент.

ЖРЕЦ. (*Возбужденно кричит сверху своего высокого кресла-пульта людям стоящим внизу*). Шура мне оставил на хранение пару дисков. Сказал не смотреть и никому не давать. Как я понимаю, ему они уже могут не понадобиться, а нам в работе…

ВАСЯ ЧАПАЕВ. (*Снизу вверх повелительно-разрешительно машет в направлении ближайшей телестены. Крупный план товарного знака «ВВК»*).

На одном из пустых экранов появляются часы. Правый нижний угол:

21:32

Мои швейцарцы отставали на минуту.

21:31

В левом углу побежали электронные секунды, их доли и доли долей записи:

00.00.01.24

00.00.01.25

00.00.01.26

00.00.01.27

00.00.01.28

На экране была постель. На ней спиной к нам сидел молодой человек с красивой, четко очерченной спиной и развитыми плечами. Перед постелью, лицом к нам стоял Шура. Молодой человек делал ему минет. Ритмично. С чувством. Шура получал удовольствие.

00.00.03.05

00.00.03.06

00.00.03.07

00.00.03.08

- СТОП!!! - кричал Михайло Никитин.

- Стоп! - кричала помощница режиссера.

- Не снимать! - кричала Таня.

- Ой, - ойкнул я и промолчал. Мне вспомнилось, что я так и

не обзавелся новой фляжкой и почти сутки не притрагивался к алкоголю.

21:34 или 21:33

Все произошло очень быстро. Большинство операторов, уткнувшихся в свои экраны и кнопки, даже не заметили произошедшего. Была только дюжина свидетелей из команды мэтра Никитина и все.

Жрец с испугом смотрел на нас со своего высокого кресла.

- Ты вот что…. Дай-ка их мне, - как можно спокойнее попросил я его. Не уверен, услышал ли он меня в поднявшемся гаме, но диски он отдал немедленно. Буквально выкинул.

21:35 или 21:34

День 4. *Götterdämmerung.*

- По-моему, тебе надо расслабиться.

- Смешно. Ха. Ха. Ха.

- Как хочешь.

Если бы она знала, как я хочу!

- Кофе будешь? - вопрошала с кухни Франка.

- Буду!

- С кофеином?

- Да!

«*Господи! Помоги мне, Господи! Сделай так, чтобы они от меня отстали! Ну, что тебе стоит? Ты же такой могучий, такой умный. Ты все знаешь…*»

- Тебе с сахаром?

- Две ложки. И сливок!

- Сливок нет. Только молоко.

«*…Ты все знаешь. Ты знаешь, грешен, страшно грешен я. Прости, Господи! Страшно грешен я в гордыне и в лаже. Не со зла. По неведению. Только хорошего желал. И не для себя. Для всех этих уродов…*»

- Кофе кипяток, - сообщила Франка.

- Пусть немного остынет.

- А я ожигающий люблю и несладкий.

«*…Для всех этих уродов недоделанных. Прости, Господи. Не хочу умирать. Подскажи, что делать, Господи! Прости и помоги мне, рабу Твоему Василию, Господи!*»

Франка поставила на тумбочку кружку и улеглась рядом:

- Ты точно ничего кроме кофе не хочешь?

- Точно, - подтвердил я. Как-то, действительно не тянуло.

- А год назад, когда познакомились, очень даже хотел.

- Не видишь, я в Интернете, я молюсь.

- Не «в лаже», а «во лжи».

- Черт!

- И что ты натворил?

- Да, в общем, ничего… Натворил не я, а один тут… Я творить только собираюсь. Не знаю что и как, но уже знаю с помощью чего.

Экран высветил древо логически связанных кнопочек с надписями псевдославянской каллиграфии. Якобы кириллица.

Кнопка «УПОКОЙНАЯ» вызывала могильные ассоциации. Об этом пока рано.

Что такое «НА КАНОН», «АКАФЕСТ» и «СОРОКОУСТ» я не понял.

Больше всего заинтересовала кнопка «НА ПСАЛТЫРЬ», где в качестве функционального расширения наличествовала возможность выбрать монастырь, где прочтут твою молитву (Соловецкий, Макарьевский, Троицко-Сергиевский, Ново-Афонский и др.) и время, сколько ее будут читать (месяц, квартал, три месяца, пол года, год).

Выбирал я из относительно понятных кнопочек «ПРОСИТЕЛЬНАЯ», «ПОКАЯННАЯ», «ХВАЛЕБНАЯ» и «О ЗДРАВИИ».

- Слушай, а хвалебнить…

- Не знаю. Я католичка.

- Это как?

Франка взяла клаву и вышла на сайт Ватикана.

- Если честно, я в этом тоже не сильно разбираюсь. Слышала, у них молитвенные просьбы по нематериальному аутсорсингу идут в Индию. Пишешь, отсылаешь. А они сами прочтут, сами поймут к чему она относится и что с ней делать. Недорого 5 – 10 баков на поддержку приходов в некатолических странах. ОК?

- Ok, - согласился я, и моя молитва ушла индусам. - А это не будет плохой приметой, молиться чужим богам?

- Самая плохая примета – это, когда черная кошка разбивает зеркало пустым ведром. Все остальное глупости. Например, я хожу в молитвенные круги разных всяких протестантов. У них весело. Базарим на разные темы. Я как-то раз в «круге благодарности» с таким мужиком познакомилась. - Франка мечтательно-призывно вытянула ножки. Подняла, покрасовалась, опустила.

Между тем свободное информационное пространство шумело о политике двойных стандартов. Госсекретарь США Бритни Спирс опять спела песню о том, что формально Украина все еще единая страна. На одной из двух вывешенных фотографий она была в розовом костюме с брильянтовой брошкой в виде американского флага, на другой в синем с брошью в виде парящего орла. Везде ее чуть повзрослевшая, хирургически заглаженная физия была крайне торжественна. Чуть ниже ехидничал комментатор:

«*…Америка вновь протестует против процесса воссоединения братских народов Восточной Украины и России, забывая, что недавнее воссоединение Китая и Тайваня прошло без всяких споров о легитимности…*».

Кофе остыл, но Франка забыла капнуть молока. Пришлось вставать и брести на кухню, к холодильнику, который настойчиво напоминал теплым мужским голосом:

- Франческа, купи яиц. Франческа у тебя кончается масло. Франческа…

- Да заткнись ты!

- Простите, голос не идентифицирован… Франческа, купи яиц…

Молоко стояло рядом с открытой упаковкой морских гребешков. Упаковка была в форме фаллоса: «Наши гребешки – Ваша потенция», группа компаний «Ледово».

- У тебя кругом члены!

- Для таких как ты у меня еще и рапаны есть! Третий раз за год мы с тобой встречаемся, но только в этот раз ты меня здорово удивил!

- Да? - изумился я, пытаясь представить, чем же можно ее удивить в постели.

- Ты заснул! Даже не разделся! Просто упал. Я и сделать ничего не успела.

Оставалось только догадываться, что бы со мной произошло, не будь ее дома. Повезло.

А вот жителям Ярославля повезло гораздо меньше. Интернет информировал о том, что для взрыва школы и обрушения нескольких панельных домов вокруг нее (кадры взрыва с патрульного вертолета), потребовалось очень, очень, ну просто очень много тротила. Дети-террористы, которые таким образом отомстили своим одноклассникам и нелюбимым учителям (кадры с общешкольного праздника: директор с трибунки поздравляет детишек с 1 сентября), не могли самостоятельно достать столько взрывчатки. Сообщалось, что производятся аресты родителей, которых сразу везут в тюремную больницу, где им оказывается психпомощь и ведутся допросы.

«…*Мировая практика показывает, что посттравматический синдром после глобальных террористических актов может охватить до 7 % населения страны и продлиться от нескольких месяцев до десятков лет*…».

Франка по-прежнему лежала в окружении цепей, зажимов и кожно-латексных приспособлений на безразмерной кровати в виде сердца. Резиновых членов было действительно много. Несколько полок и целая тумбочка. И что самое удивительное она не была girl from the FUCKtory, она была любительницей. Хобби у нее такое.

- И как тебя налоговая еще не замела? Обычно подобные услуги хороших бабок стоят.

- Они так и думают. Приходили как-то гаврики. Типа у вас незарегистрированный секс-станок, который облагается не помню сколько там МРОТ. Я им и говорю, что имитаторы для меня, а все остальное не для людей, а для собаки. Для дога английского, который сейчас на даче и представлен быть не может.

- Поверили?

- Дала на лапу, поверили. А про собаку в отчет о посещении написали. Видел бы ты их рожи. Ур-р-роды!

Я посмотрел вокруг. Кроме многочисленных цепей, красные стены украшали фотографии Франки без собаки, но с мужчинами. Судя по всему, дать налоговикам пришлось много. Даже несмотря на справку из свинг-клуба, где я с ней и познакомился.

- В Генерал-губернаторстве с тобой бы не церемонились.

- Брось. Все фотографии оттуда. Еще из Минска. На последних курсах университета сподобилась. Лучший профи-фотограф Белоруссии делал. А лучший у нас тот, кто на самого пожизненного Батьку генерал-губернатора работает.

- Ничего в мире не меняется. Присоединили мы вас, а все то же, - посетовал я и решил, что надо попытаться сменить места для знакомств. Сходить в театр, на балет или еще лучше во Всероссийскую библиотеку имени царя-печатника И.В. Грозного. Там, говорят, в залах сидят студентки еще не порченные фотографами.

- Правильно, - согласилась Франка, - И раз все так старо и нудно, то давай выметайся. Я на работу опаздываю.

Когда хочется сбежать, лучше бежать сразу и далеко. Туда, где можно успокоиться и собраться с мыслями. Первое особенно важно, потому что если сначала начать думать о последствиях и медлить, можно не сомневаться, неизбежность тебя все-таки настигнет. Это, конечно, не откровение и не всечеловеческая мудрость, но все же очень даже истина выстраданная и неоднократно проверенная.

Именно поэтому я сбежал из студии. Совсем. Телефон выбросил и Федю потерял.

Помню, когда петлял по коридорам, по улицам, а потом ехал на такси, постоянно молился. Очень хотелось жить и, заметьте, жить хорошо. А еще одолевало желание избавиться от злополучных дисков с записями досуга Шуры и… и еще одного знакомого.

Это ж надо так вляпаться!

Никогда не думал о себе, что трус. Оказалось, правда. И еще какой!

Зато устроиться могу с удобствами. Не всякий такое умеет.

Франка подбросила меня до остановки, чмокнула в щечку и уехала. А я остался стоять под огромным экраном, на котором

крутилась свеженькая реклама. В ярких красках и с динамичным саунд-треком народ извещался о том, что вот-вот в эфире шоу ВЕРХОВНЫЙ СУД:

«*Самый Справедливый Суд Страны. СТАНЬ СУДЬЕЙ на СТС! Скоро*».

Спешащие на работу граждане судьями становиться не хотели и, в отличие от меня, на рекламу не реагировали. Налички осталось только на автобус, я об этом знал и был жутко раздражен неприкрытой звуковой агрессией. Вокруг стояли зевающие люди, работали биометрические сканеры, камеры наблюдения и сплошные идентификаторы отпечатков пальцев. Открытое общество, мать его!

Надо было как-то выбираться.

Водитель маршрутки, что удивительно, оказался русскими. Слушал он неизменную блатату, что удивления как раз не вызывало. Хриплый голос напоминал пассажирам о существовании очень ветреного Владимирского централа. Большинство путешествующих из точки А в точку В старательно делали вид, что уголовная тоска льется мимо их законопослушных ушей. Карманные компьютеры, телефоны, мини-журналы, утренние газеты и даже книжки (!) скрашивали музыкально оформленное передвижение.

- Это у тебя диск? - спросил я водилу, проигнорировав его многочисленные наколки на волосатых руках и табличку «Водителя не отвлекать!»

- Да, - отвлекся он, тоже не обратив внимания на строгую табличную надпись.

- Продай, а?

- Что?

- Продай, говорю!

- Да ты че? - удивился автобусовожатый и даже глянул на меня в зеркало обзора, когда мы встали на светофоре. - Да в любом ларьке…

- Мне твой нужен, - просил я, рассматривая бесхитростную рожу водилы в то же самое зеркало.

- Не продается.

- Ну, сколько он стоит? 50? 100?

- Отвали! - Он уже начал злиться.

- Давай дам 150, - настаивал я, хотя прекрасно знал, что в кармане у меня ни копья. - 200!

- Нет!

- 250! … 300!

К нашей торговле уже начали прислушиваться пассажиры. Чтобы понимать друг друга, мы вынуждены были орать так, что

перебивали завывания классического народного хита. По одобрительным флюидам я понял, что моя позиция разделяется разношерстным коллективом потребителей автотранспортных услуг.

- Тебе че, больше всех надо?! - водила наконец-то догадался, что его диск мне нужен так же как корове седло. - Че ты возникаешь, а?!

- Выруби эту мерзость! Тебе в салон видиосистему для чего поставили?! Что б ты рекламу крутил! А ты, мудак, че делаешь?!

- И, правда! Сколько ж можно?! - Я получил поддержку от сердобольной пенсионерки, которая сняла наушники и оторвалась от экрана своего сотового. - Невозможно ездить. Выйти хочется.

- Ну и ездуй отсюдава! - вполне логично предложил водила, чуть не пропустив очередную остановку.

- Это ты ездовать больше не будишь! - Я перешел к угрозам. - Накатаю телегу в рекламную контору, которая вам телеки поставила, завтра же замену из Азербайджана пригонят.

- Да пошел ты!

Но я никуда не пошел. Слабость ответной реакции свидетельствовала, что подействовал мой намек о размерах квоты временных рабочих из республик Закавказья. Водила отмолчался некоторое время, а затем выключил музыку. По салону прошелестел гул приветствия политкоректной тишине, в которой стали явственно слышны позывные мобильников, карманных компьютеров и разговоры пассажиров не выказавших заинтересованность в нашей баталии. Настало время для выполнения главного пункта моей программы:

- ГОСПОДА! Прошу минуту внимания! Господа, от вашей помощи зависит судьба человека! … Кто-нибудь смотрит сейчас «Президент-Шоу»?

- Эх, и народец, пошел, - ворчал успокаивающийся водила. Он еще раз оглядел меня в зеркало и пустил рекламу, гораздо более тихую нежели музыка:

Шоколад «Россия - Nestle». Натуральный отечественный продукт. Старинные русские рецепты. Россия – щедрая душа…

- Господа! Прошу вас! Это очень важно!

Я пытался кричать как можно более выразительно. Не умолял, не плакался, но спрашивал, стараясь чтобы люди осознали серьезность момента и важность происходящего в той самой мере, в какой это было важно для меня и для судьбы нашей страны. Полцарства за телевизор, полцарства за свободу слова, полцарства за утоление информационного голода.

Сжалилась надо мной та самая сердобольная старушка,

которая, так же как и я, не переваривала блатной репертуар. «Президент-Шоу» она не смотрела, но легко настроилась на искомый канал и даже поделилась наушниками:

- *…Были звезды. Стали орлы. Уйдут орлы. Найдется что-то иное… Останется только Народ!* - Nicole висела вниз головой зацепившись ногами за шест и декламировала застекольщикам задание на стратегическую игру. Лифчик держался на одном честном слове. - *Только он. Только народ есть живительный источник власти. Только народ, которому вы хотите служить*.

Nicole спустилась на пол, перевернулась и медленно обнажила волнующую грудь.

- *Нет границ, нет долга, нет приказов, нет господ, нет суда. … Люди! Их воля!* - Она подползла к Юраше, продемонстрировала ему идеальную округлость ягодиц и прошептала: - *Воля народа. Ваша свободная воля как высший закон. Ваша воля как высшая справедливость. Вы олицетворение народных чаяний*.

Обалдевший, раскрасневшийся и загипнотизированный Юра подался вперед, почти уткнулся ей в промежность, а потом одними губами повторил за ведущей:

- *Воля*.

- *Стране нужны символы. Дайте людям то, что они хотят. Дайте им. Дайте!*

Я не заметил как, но Nicole быстро и грациозно скинула то, что в чьем-то воображении могло представляться трусиками.

- *Дайте стране новый конкурентоспособный символ.* - Удивительно, но слово «конкурентоспособный» она произнесла без единой запинки и на одном дыхании (какой болван написал этот многокорневой кошмар?). - *Дайте России символ. Дайте образ. Дайте креатив. … Ясно?!*

- *А-а-а!!!* - громко выдохнули Кандидаты, подразумевая этим выдохом свое согласие.

Да, Гурам несомненно очень точно угадал в Nicole талант новостийной ведущей.

- *Вопросы?* - через некоторое время осведомился ГЛАС НАРОДА.

Вопросов не воспоследовало. Застекольщики приходили в себя от услышанного, увиденного и пережитого. Nicole, видимо, показалось мало произведенного впечатления, она по-кошачьи мягко переместилась к Ирме и поцеловала ее в засос. Страстно, до гланд.

Я почувствовал успех. В этом сезоне «[Голово]ломка» удалась на славу. Если и не вся программа, то, во всяком случае, начало прошло весомо и вечерний news-отчет будет на уровне.

- Вам как? Понравилось? - осведомился я у хозяйки телефона.

- Очень даже, - одобрила бабулька, забирая у меня наушники. - Слов я не слышала, но выглядело интересно. Красиво.

- Спасибо. - Моя благодарность больше касалась мнения о Шоу, чем услуги с телефоном. - Вы меня очень выручили.

Первым, кого я увидел в конторе, оказался мой тезка, сын юриста и бывший студент юрфака, который, поучаствовав в вузовском КВНе, понял, что его удел шутовство. Актером, как и правоведом, он оказался никудышным, зато увлекся социально-политическим юмором XX века и в этом качестве оказался полезен для ШОУ. Мы всегда стремились быть непохожими на других, пусть даже эти другие сгинули в прошлом.

- И что? - спросил он меня, когда я вошел в его персональный отстойник.

- Ничего.

- Вот и я так думаю.

- И как ты видишь наше будущее?

- Никак, - ответил бывший юрист со свойственным ему оптимизмом.

- Ты уже переписал свое резюме?

- Нет. - Он помотал головой и вернулся пасьянсу. Непослушные карты не желали сходиться, и компьютер предложил сдать заново. - Лично я никуда не собираюсь.

Техноструктура пребывала в унынии. Кабинетные просторы заволокло смогом предчувствий сокращения кадров, реструктуризации и финансовых затруднений. Персонал ожидал перемен.

- Почему? - поинтересовался я у собственного зама по редактуре журнала «Шоу-Эксперт». Тот невозмутимо сидел на диване и с невообразимой скоростью щелкал телеканалы:

…nie spełnia czterech zpięciu…

…нашиковры…

Die Anfänge der europäichen…

Протектор Демократической Грузии считает, что…

…Сука! Ненавижу!…

Мо-о-я-я-я лю-у-бо-о-о-овь…

Miss Universe sad…

Он работал по-македонски, держа в каждой руке по пульту, и при этом еще мог говорить на отвлеченные темы:

- Потому, что нам сегодня повысили зарплату, предложили осуществлять новый амбициозный проект и мы пришли к выводу, что особенно глубоких перетрясок не будет. Им нужна великая Россия, а не великие потрясения.

- Это тебе Директор сказал?

- Столыпин.

- А-а… - До Шоу шеф-редактор семь лет проработал в кочегарке, чтением восполняя пробелы в образовании. Большой интеллектуал. Говорят, тайком пишет стихи и поет.

- *…Классная идея есть. Представляешь?* - На одном из экранов появились застекольщик Михаил и застекольщица Ирма. Они чистили картошку и обсуждали задание на «[Голово]ломку».

- *Пока не очень.*

- *Короче прикинь.* - Теперь они чистили картошку на обоих экранах. *-Закат или нет… Рассвет!*

- *Тихо ты, услышат.*

Ее лицо приблизилось к его лицу и он зашептал ей на ухо:

- *Рассвет. Съемка с вертолета. Лесочки, речки, поля с этой… с хлебом, моря, степи и другая всякая лабуда. Лица всех возрастов, поколений, цветов и народов.*

Ирма оглянулась вокруг:

- *Давай быстрее, а то войдут и идею сопрут.*

- *Это все символы. Российские символы,* - чуть слышно криативил Миша. *-Идея еще круче…*

- *Ну?*

- *Россия – охуительная страна! Время жить в России!*

Светлые глаза Ирмы заняли оба экрана. Чистый девственный взгляд. Как пустота на рабочих столах после генеральной уборки.

- У нас был обыск?

- Они отключили нас от сервера компании, отрубили от интернета и назвали это изъятием, - сообщил несостоявшийся юрист, у которого опять не сошелся пасьянс.

Удивительно, но в отсутствии разбросанных по столу, полкам и подоконникам бумаг, папок и схем офис производил впечатление античного храма, уставленного обнаженными статуями. Не помогали ни включенные компьютеры, ни щедро расставленные по углам кадушечные пальмы, ни горящие телеэкраны. Биологически активные люди оживляли офис с таким же успехом как и пальмы. Статуями они все же не были, но, на мой взгляд, это было бы лучше, чем потерянно смотреть по телеку на плоды собственного труда.

- *Вообще, прикольно.* - Русская идея пошла в развитие. - *Это годится для женщин.*

- *Это как?* - не допер Кандидат мужчина.

Ирма опять наклонилась к Михаилу и зашептала:

- *Охуительная страна – это первый вариант. Второй вариант надо сделать для мужиков. Ну, типа те же самые лесочки, поля, комбайны и рыбаки, только не мускулистые мены, а девки всех*

наций и видов. Блондинки, брюнетки, рыжие.

- Понял!

- Да тише ты! - испугалась Ирма и попыталась выглянуть с кухни. Михаил почти насильно удержал ее на табуретке.

- Идеология еще лучше получится… Россия – пиздатая страна. Время жить в России.

- Дурак! Не «в», а «с».

- Время жить с Россией, - повторил Михаил и наконец-то поцеловал Ирму.

У окна мелко захихикала скептическая шеф-редактор молодежного проекта «НАШ президент». Она необорачиваясь смотрела на улицу и без перерыва курила. У нее был гнусавый голос, микроскопически маленький подбородок и, несмотря на это, крепкий характер.

- Василий Иванович, давно хотела сказать… Мне всегда нравилось с вами работать… с Шурой, с Директором… с командой, то есть в команде.

- Ребята! Да не переживайте вы так! Все будет хорошо! Мы еще повоюем! Мы еще поборемся!

- Не обольщайтесь. Лучше расслабьтесь и получайте удовольствие. Столько лет впиаривали не пойми что, не пойми кому, не пойми зачем. Пора и честь знать. В крайнем случае, но только в самом крайнем, уйдем в отпуск, а из него выйдем в люди и разбежимся, пока не посадили.

- Неверно. Ой, как неверно мыслите. Мы никогда не останемся в стороне. Мы представители самой востребованной специальности. Мы занимаемся человеческим инжинирингом. Мы умеем думать ни о чем и обо всем сразу!

- Это нужно, когда все остальные думать не умеют.

- Поэтому, такие как мы, будут нужны всегда. На том стояла и стоять будет Великая Русь!

Шеф-редактор захихикала еще более гнусаво.

Говорят, рыба гниет с головы. Не знаю, не видел. Но вот офисное «уныние», знаю, поражает, в первую очередь, самых вменяемых, квалифицированных и продвинутых.

А что говорить об остальных, рядовых бойцах нашего непобедимого легиона? О всевозможных «других»? О секретаршах и клерках отделов, управлений, департаментов, цехов?

Приступы сентиментальной усталости снижают эффективность даже больше, чем панический страх за свое рабочее место. Особенно у тех, кто работает головой. В Древнем Риме за производительность боролись децимацией, на глазах

всего войска отрубая трусливую башку каждого десятого легионера. Прошли времена, переменились нравы.

В современных условиях разбрасывание мозгов непозволительная роскошь. В компаниях торгующих интеллектом мозги главный капитал. Поэтому на смену талантам палача пришли таланты по устраиванию корпоративных вечеринок, совместных выездов на пикники, успокаивающий кабинетный дизайн и демократичное панибратство начальства. С последней технологией надо быть особенно осторожным. Ее умелое использование отличает хорошего руководителя от просто руководителя. Главное в этом деле – умение создать настроение. К сожалению, а может и к счастью, в больших коллективах умение создать не играет особой роли, ибо техноструктура живет по своим нечеловеческим законам. Часто бывает, что критическая масса угрюмых и унылых слишком велика для нескольких оптимистичных и веселых. Но иногда, когда хочется, когда чувствуешь, что необходимо проявить внимание, участие или даже милосердие…

Выпишите премию, отправьте в отпуск или, в конце концов, посоветуйте обратится к службе психологической помощи. На весь мир никаких сил душевных не хватит!

И, правда, чего они?!

Смешные люди. Вот если бы каждый день они ездили в автобусах, где кто-то поэтически рассказывает про «ветер северный» или каждую ночь засыпали в постели с любовницей до, а не после. Вот тогда, можно расстраиваться. А так, это все дуракаваляние и рефлексия.

Стоять. Стоять. Стоять. Стоять. Стоять…

Самогипноз не помогал. Ни хрена у меня в последнее время не стояло. К тому же, меня не покидало противоестественное благодушие. Твердая решимость легко игралась перед подчиненными, но до жути трудно давалась самому. Если честно, она совсем мне не давалась. Особенно после того, как я оказался в зале совета директоров.

Будет. Будет. Будет. Будет. Будет…

В голове тамтамы, а вокруг ожидающая тишина. Совет старейшин. Псевдошаманы. Пластиковые колдуны аттракциона «Дикий Запад». Овальный бублик из якобы мореного дуба в центре и коллекция политического антиквариата на стенах. «*Кто в лесу хозяин?*» - по-прежнему вопрошал косолапый, неловкий медведь над пустующим директорским столом. И галстук на шее Директора по-прежнему переливался всеми оттенками черного,

но вот сам Директор…

Русь. Русь. Русь. Русь. Русь…

Мои незначительные царапины и фингал под глазом, которые еще вчера выделяли меня среди дружного начальствующего состава компании, теперь смотрелись устаревшими и потерявшими актуальность. Несуразная голова отца-командира была забинтована и он, кажется, с большим трудом мог поддерживать ее в вертикальном положении. Со стороны это выглядело так, будто бы человек надел шлем от космического скафандра и напрочь забыл обо всем остальном, потому что ни на что другое у него не хватало сил. Как человек неподготовленный, я пережил легкое замешательство в стиле «Ты ли это, друг Горацио?!»

Он даже не поздоровался. Со мной вообще никто не поздоровался. Все, кто присутствовал в зале Совета, просто проигнорировали мое появление. Я оказался окружен безгласными тенями некогда благородных героев. Театр масок, однобоких образов, ожидаемых сюжетов, убогих мизансцен, примитивных финалов и бурных аплодисментов.

У некоторых «благородных» был крайне смущенный вид. Они отворачивались к окну, утыкались в пустые экраны компьютеров или глубокомысленно смотрели на потолок. Даже Елена Анатольевна удостоила своего «бывшего» лишь мимолетным взглядом. Из всех присутствующих только Директор казался эмоционально нейтрализованным, потому что смотрел и не смотрел одновременно. У него был неживой взгляд, отсутствующего человека, которого заставляют быть «здесь», хотя он уже давно «там».

Он сидел на неширокой стороне овала стола, изображая председателя собрания. Перед ним стоял запотевший стакан с водой, одновременно служивший пресс-папье. На деловых бумагах уже была пара мокрых пятен, а кувшин с водой был наполовину пуст или наполовину полон. Статисты вошли в свои микроскопические роли, концентрируя внимание зрителей на звезде. «Кушать подано!» Камлание началось.

- Предлагаю увеличить средства предназначенные для распределения среди акционеров, - пробулькал непохожий на Директора Директор. - Финансовые показатели позволяют удовлетворить желание акционеров видеть результаты столь масштабного проекта по прошествии десяти лет терпения и риска.

Попытка решить, как отреагировать лучше всего, вылилась в громкий и шумный вздох, оборванный директором Шнитке:

- У нас были хорошие дивиденды. - Он сделал

подчеркивающее ударение на слове «были». - Теперь они другие.

Вид у Густава Альбертыча был такой, словно он уже добился всего, чего хотел добиться во время очередного посещения незабываемой родины. Стало понятно, что от наших Петербургских договоренностей остались лишь воспоминания о совместном завтраке. А разве мы встречались? Завтрак? Какой завтрак? Ах, да! Припоминаю.

Статисты дружно подняли руки.

- Кто против?

Моя рука оказалась единственной:

- Ну, вы дае…

- В связи с невозможностью исполнять обязанности Продюсера телекомпании «Первый», предлагаю рекомендовать собранию акционеров освободить Шуру от должности.

- Э-э-это уже не лезет ни в какие ворота. - Для более определенного высказывания не хватало настроения. При всей эмоциональности слов, фраза звучала скорее удивленно, чем возмущенно. Я никак не мог настроиться на деловой лад.

- Кто за?

В этот раз Директор даже не спросил «Кто против?»

- Единогласно.

Коматозный Директор, который не двигался и, говоря заученные фразы, почти не открывал рот, непослушно-медленной рукой взял стакан с водой и допил ее до конца. Я проследил за тем как нервно дергалась кувалда его кадыка. Вверх – вниз, вверх – вниз. А его забинтованная голова мелко покачивалась. Вперед – назад, вперед – назад. Она резко выделялась на фоне кумачевого кошмара за его спиной: «*Голосуй за нерушимый блок коммунистов и беспартийных!*»

- Слушайте, ведь, это фарс какой-то.

- Ну, что вы, - возмутился Шнитке. - Только комедия.

- В связи с принципиальными расхождениями в вопросах определения стратегии развития телекомпании «Первый» и ее главного телепродукта – «Президент-Шоу», предлагаю рекомендовать собранию акционеров освободить Васю Чапаева от должности Главного редактора.

Со мной не церемонились. Потенциально я опять оказался в меньшинстве. Потенциально, потому что Директор не спросил «Кто за?», а сразу определил:

- Единогласно.

Статисты подписались в электронном протоколе и оставили идентификационные отпечатки, визируя принятое решение.

Напротив меня сидел Маркетолог.

- И ты, друг?

Директор по маркетингу покрутил головой в надежде найти поддержку. Ему что, мизансцену плохо разъяснили? Или он так расширил сознание (говорят, покуривает втихомолку), что уже не может роль запомнить? Поддержки он не нашел, спрятал взгляд за линзами очков и вернулся к роли близорукой мебели.

- Собрание закрыто, - сообщил Директор, сделав попытку встать из-за стола. К нему тут же подскочили двое крепышей, подхватили под руки и повели к выходу. Походка у него была тоже далеко небодрая. Во всяком случае, он шел до двери дольше, чем вел только что закончившееся эпохальное собрание. Его буквально несли.

Тени исчезали в полдень. Они уходили не прощаясь. Зал стремительно пустел. Я же, несмотря на солнце близкое к зениту, упорно отказывался признавать себя тенью. В конце концов, перестав быть редактором, я остался акционером.

Бороться. Бороться. Бороться. Бороться…

Бубны, барабаны, трубы, все, что может звучать…

- Вы что-то сказали?

- Послышалось.

- А-а-а… - Финдиректор изобразил нечто вроде понимания и поерзал на стуле. Он, как и я, остался на своем месте.

По всему выходило, что место звезды перешло к нашему гению счетов и балансов, который в отличие от всех прочих давно уже не скрывал своего мнения о Шуре и обо мне. Правда, он свое отношение замалчивал, отдавая предпочтение гримасничанью. Его морщинистое, безвозрастное лицо человека «за пятьдесят» очень подходило для того, чтобы лепить маску брезгливости. За сухость характера, голоса и кожи Шура наградил его кликухой «Сухарь». Помню еще, Шурка говорил, что «…наш финансист сухарь редкий, не ржаной, а пшеничный, из твердых сортов». И еще очень важное портретное замечание. Он был женщиной. Но назвать его – «женщина» – равносильно надругательству над всей женской частью населения Земли. Пожалуй, только то, что она носила юбки «чуть ниже колен» позволяло идентифицировать ее как представительницу «слабого пола». Всегда хотел ее спросить, почему она так и не воспользовалась достижениями пластической хирургии? и где она прячет свою метлу? Ведьма.

- Итак, продолжим, - заскрипела Сухарь, как только насладилась моим непониманием происходящего. - Государство выставляет «Президент-Шоу» налоговые претензии.

- Они сума сошли, - констатировал я, не повышая голоса. Даже если бы я захотел его повысить, у меня не получилось бы.

Здорово мешали улыбка и предчувствия. - А как же договоренность, что нас трясти не будут. Мы еще в самом начале о льготах…

- Они были, - взяв пример со Шнитке, разъяснил ситуацию молодой человек обозначенный гостевым бэйджем как «Иванов». - Теперь льгот нет.

Глубокомысленного ударения или еще более глубокомысленной паузы он не сделал. Уж какая тут глубина! Сплошное мелководье. Теперь нам вместо «договоренностей» насчитают пени, накопившиеся за десятилетие беспорочного сотрудничества с обществом. Государство поставило нас на счетчик. Время пошло.

- А что говорит юридическая служба? И как это связано с бывшем Главным редактором, то есть со мной?

- Дело в том, что проблема лежит не в правовой плоскости. Затруднения компании носят исключительно хозяйственно-экономический характер. - Всеми своими морщинами Сухарь демонстрировала удовольствие, получаемое от процедуры. Ее это совсем не украшало. Скорее даже портило. Впрочем, в любом случае, я предпочитал рассматривать призывно обнаженную красотку, развалившуюся на стене: «*Голо…* – округлые формы грудей и ягодиц – *…суй!*»

- В казне денег девать некуда, а мы им и дивиденды, и налоги, и штрафы, и хрен на блюде. Я бы сказал, что проблема носит характер экономической вменяемости.

- Давайте оставим вопрос о правительственной вменяемости. Правительство имеет такой народ, какой имеет. И другого народ иметь не будет. - Когда Сухарь пытается говорить на отвлеченные, некасающиеся профессиональных знаний темы, ее фразы трудны для понимания. - И вообще, мы тратим время не для обсуждения проблем российской кредитно-денежной политики.

- Это я уже заметил.

- Мы собрались здесь для того, чтобы рассмотреть вопрос о праве собственности на ваши акции.

- Что?

- Мы их выкупим, - утверждающе произнесла Сухарь.

Только после того как она посмотрела на Елену Анатольевну, составлявшую нам молчаливую компанию, стало понятно, что Сухарь не страдает раздвоением личности. Их оказалось действительно много. По крайней мере, две.

- Их выкупит ваша бывшая супруга.

Моя «бывшая» утвердительно повела подбородком.

Я тут же убежал взглядом в окно, потом в стены, на которых, к своему счастью, наткнулся на плакат коричневых тонов с

рабочим в кепке и солдатом в каске. Конструктивистко-безличные лица с рубленными чертами. Они и на людей-то не походили. «*Ein Kampf, ein Sieg!*»

Бороться. Бороться. Бороться. Бороться…

Духи племени! Мы с вами одной крови!

Очень удобно уметь притворяться слегка дебилом.

- Вы продаете акции, Елена Анатольевна увеличивает свою долю в медиахолдинге «Первый», государство снимает претензии, режим демократии торжествует и доказывает свою рыночную стабильность.

- А я? Что получу я?

- Повторюсь. Вы их продаете. За деньги. И у вас будет время, чтобы их потратить.

- Ну, вы и суки, - почти прошептал я, обдумывая аргументацию отказа.

Обдумывание давалось с трудом. Это нервировало. Снаружи я продолжал оставаться умильно спокойным и совершенно адекватным, но вот внутри… Форма не поспевала за содержанием, да и содержание было весьма сомнительного качества. Например, своими словами я ни в коей мере не хотел обидеть присутствующих дам. При всей условности их женских начал, такая мысль и в голову не могла прийти. Это было высказывание о жизни и о себе.

Еще я подумал, что если откажусь, меня могут провернуть в мясорубку офисной столовки и спустить в унитаз. Или понаделают из меня котлеток для бодрого коллектива компании, чтобы у них начальник встал комом в горле. Прессе же скажут так, мол, и так, Вася в здании был, но скоропостижно вышел в неизвестном направлении.

Бороться. Бороться. Бороться. Бороться…

На помощь, предки! Великие прародители!

- Вы же убиваете компанию. Убьете Шоу, погубите проект инновационной России. - В моем исполнении это звучало откровенно слабо. Перед глазами стояло видение Шуры на больничной койке и роботоподобного Директора. Они же не отнять хотят, а купить.

- Вот и продайте, если она вам так дорога, - подал голос «гость» Иванов. - Наша компания за ценой не постоит.

Елена Анатольевна еще раз пошевелила челюстью. А Сухарь состроила необычайно кислую рожу, вероятно, показывая насколько трудно далось ей решение о цене, за которой не будут стоять. Впрочем, более всего меня заинтересовало поведение Иванова. Своей словесной активностью и демонстративным поглядыванием на часы он развеял образ незаметной

посредственности, которого старательно придерживался на собрании. И еще мне понравилось, как этот ранее совершенно неизвестный обладатель хорошего делового костюма просто и без затей причислил себя к руководящему составу крупнейшей российской компании. Да что там причислил. Он ясно дал понять, кто здесь главный. Он сказал: «наша компания».

- А дети? Я не могу оставить своих без куска хлеба. - Господи, кого «своих»? У меня только один!

- Без тебя как-нибудь, - очень спокойно произнесла моя «бывшая». - Обойдемся.

Она сидела под сине-голубой агиткой, на которой бровастый мужик, похожий на улыбающегося Деда Мороза рекламировал курятину под маркой «*Наш Дом – Россия*». При чем здесь Дом? Дом 2, 3, 4, 5…?

Женщина, жена, бывшая жена, мать одиночка, хранительница очага, блюстительница дома. Синий костюм Лены гармонировал с небесно-куриным плакатом. Сама она, правда, предпочитала рыбную кухню Японии.

- Так вы продаете? - уточнил Иванов, во время беседы не сводивший с меня изучающих глаз.

Первый раз в жизни я ощутил себя экспонатом, место которого на полке или на музейной стене. Вася Чапаев – реликтовая секвойя в дендрарии, коллекционная букашка из мезозоя в янтарном камушке, уродец заспиртованный в пятилитровой банке. Кунсткамера.

Бороться. Бороться. Бороться. Бороться…

Тамтамы звучали исчезающе тихо. Неслышно. Для своих.

- Конечно, продам.

Предки отвернулись от меня.

«Гость» понимающе моргнул и пододвинул ко мне бумаги.

Мне нечего терять.

Я раб.

Я большое теплое солнце.

Я червь.

Я солнце и мне хорошо.

Я Бог…

После того как в Индии мне показали позолоченное изваяние Будды с лицом умственно неполноценного и полузакрытыми глазами человека под кайфом, я подумал, что на такое количество золота он мог бы купить ширялова на всю недолгую жизнь наркомана. Легко ему уходить в нирвану после того как у него были сотни наложниц, несчетное количество комнат во

дворце и сознание того, что он владеет половиной вселенной. Он же был настолько ограничен, что думал об Индии, как о центре всего цивилизованного мира. Как, наверное, это приятно. Центр вселенной…

Я Будда. На хуй всех предков.

- Удешевление Шоу!

Я достиг просветления. Один обойдусь.

- Российская экономика растет больше чем на 12% в год.

Я познал мир и себя. Кругом предатели и завистники.

- Но не всякий рост полезен!

Я знаю, что нужно мне и миру. Мы с ними разной крови.

- Удешевление Шоу! Оно нам очень пригодиться, особенно, после того как пузырь перегретой экономики, лопнет и начнется стагнация.

Ступеньки неспешно спускались все ниже и ниже. Таня шептала монотонные мантры про спокойствие, выдержанность, будущее, а сама больно вцепилась мне в руку. Ее по-французски белые краешки ногтей впивались в мою ладонь, царапая кожу. Боли не было. Боль осталась в прошлой жизни.

- Наш рост будет еще лучше, когда ему будет соответствовать падение расходов. Важно создать предпосылки роста не количественного, а качественного, то есть роста производительности, основанной на переходе к новым технологиям.

В этой жизни были гармония света, модерновый дизайн, медный блеск, ступени эскалатора и голос нашего, но уже не моего, директора по развитию. Этот урод буквально несколько недель назад профукал конкурентам реформу судебной системы и шоу «Верховный суд». Истина не открылась ему. Он остался наверху и давал краткий брифинг для других таких же непросвещенных. Но меня это уже не касалось.

Я солнце.

- Мы признаем, что продвижение проекта «Все у нас получится!» было непродуктивным. Многие до сих пор задаются вопросом, что это вообще может значить? У нас и так уже давно все получилось. У нас все хорошо. Вот уже десять лет как у нашей компании, а значит и у нашей страны все замечательно.

Внешне директор по развитию был гораздо ближе к позолоченному индийскому Будде, чем я. Лопающийся от жира мужик с по-восточному тупым выражением лица. Подобные физиономии нравятся важным чиновникам из всевозможных администраций и менеджерам заинтересованных компаний. При встрече, разрез глаз, форма носа и строение надбровных дуг затмевают любую одежку. Люди думают, что обладатель всего

этого физиологического богатства дурак, и легко попадаются на пренебрежительном отношении к недалекому собеседнику. Но меня это уже не касалось.

Я солнце.

- Тоже самое относится к серии передач «Так делалась Победа». По многочисленным просьбам зрителей мы снимаем этот проект с эфира. Будет особенно показательно зачитать типичное письмо возмущенного зрителя-пенсионера: «*Какая к чертям собачьим победа?! Мы уже который год как 9 мая не отмечаем! У нас уже все ветераны передохли! Над кем победа?! Нечего Европу пугать! Это наш самый главный торгово-идеологический партнер!*»

Наш директор по *недо*развитию так и не понял, что напоминая о славном прошлом и о том, что у нас «получится» мы повышали капитализацию национальной идентичности. Хотя, правда, какая к чертям собачьим «победа»?! До проекта я и не вспоминал о ней. Что-то там… Германия, Франция, поляки какие-то… Давали мне аналитическую записку, но, если честно, я ее не дочитал. Победили и ладно. Что-что, а это меня точно не касалось.

Я солнце.

- Мы ПОБЕДИЛИ! Мы! Главное ни кого, ни когда, а кто. МЫ. Понимаете? Надо продвигать наши победы. НАШИ. Наши, а не чужие! Нашего времени, нашего поколения, нашей эпохи. И если их нет, то мы будем их – победы – создавать! Это есть основная задача и цель, цель и задача «Президент-Шоу».

Пол холла был выложен наборным псевдомрамором. Каблуки гулко стучали по светлому, натертому до блеска камню. Рабочие снимали со стен фотографии, где был я и Шура. Выше человеческого роста постеры падали на пол, хлопая своей картонно-пластиковой основой. Их тотчас подхватывали и трупами волокли за ноги, за руки к дверям служебного лифта. Там внизу, наверное, печи крематория. Или сначала для верности безотказные газовые камеры?

Я солнце.

Я мудрое солнце Востока.

Я понял, что значит просветление.

Оно сродни чувству собственности. Ты владеешь миром и не владеешь в этом мире ничем. Ты ничто и одновременно все. Человек снимает с себя вериги, мешающие свершиться акту творения, и начинает самовыражаться. Начинает искать учеников и последователей, кому можно открыть глаза и поделиться истиной. А всякая другая шняга его вовсе не интересует.

Я большое теплое солнце. Я солнце и мне хорошо. Я нахожусь

высоко над миром и мир не может без меня жить. Я большое теплое солнце. Я солнце и мне хорошо.

В общем, к народу я вышел полный духовного благолепия.

Народ, заметив мое потусторонне состояние, тут же поддержал меня реанимирующим свистом и улюлюканьем. Они хотели меня спасти. Они не догадывались, что Чапаев уже утонул.

- Не-тро-гай-Ва-сю! Не-тро-гай-Ва-сю! Не-тро-гай-Ва-сю!

Спасателей было много. Больше половины автостоянки занимали люди, переживающие за судьбу Васи. Народную озабоченность уже транслировал непонятно какой канал, а DJ пытался крутить митинговую музыку.

- Не-тро-гай-Ва-сю! Не-тро-гай-Ва-сю! Не-тро-гай-Ва-сю!

Скандировали они недружно и как-то вяло. Тренировались. Кое-где мелькали плакаты с аналогичным текстом, флаги и даже мои портреты. Не хватало размаха. Не до конца смонтировали звук, – установка шла прямо во время действа. Мессия в образе Васи Чапаева появился раньше, чем его ожидали. Почему-то опоздали с подвозом пива. Зато, как только я вышел из здания, заработали экраны-подсказчики. На центральном сценическом, по мере моего приближения к микрофону, все дальше в бесконечность убегало «…*в-в-в-в-в-а-а-а-а-у-у-у-у*…». Меня сразу же признали за своего.

- Не-тро-гай-Ва-сю! Не-тро-гай-Ва-сю! Не-тро-гай-Ва-сю!

Крик стал слаженнее. Казалось, что перед офисом собрались самые голосистые жители России. Однако численность митингующих и уровень их громкости явно не соответствовали физическим возможностям человека. В дело включились бригадиры с мегафонами-кричалками.

Я поднял руки в приветствии и показал большие пальцы, все мол «П-р-е-к-р-а-с-н-о!», а потом произнес очередное нетленное слово, многократно усиленное динамиками:

- ЛЮДИ!

Именно так.

- ЛЮДИ!

Ни «товарищи», ни «господа», ни «граждане», ни даже стандартно-нейтральное «друзья». Для них нужно было подобрать что-то сверхобобщающее. Им почему-то с давних пор нравится ощущать себя единым биологическим видом с общим самоназванием.

- ЛЮДИ!… Спасибо, что вы решили поддержать нас в трудную минуту!

- У-у-у-в-в-в-а-а-а-у-у-у!

- Спасибо! - Искренне чувство благодарности шевельнулось во мне и я испытал прилив жалостного сострадания. Сколько эти «люди» могут заработать, за день горлопанства? Максимум десять баксов. Таким людям можно сказать спасибо. - Вы первые пришли сюда выполнить свой первейший гражданский долг – защитить Шоу и канал «Первый». Я горд за вас!

- У-у-у-в-в-в-а-а-а-у-у-у!

- Люди! Знайте! Ничто не забыто, никто не забыт! Я погиб, чтобы возродиться из пепла и спасти вас! Мы спасемся вместе! Объединимся!

Главное в таком деле не бояться толпы. Если не боишься, то для тебя в митинг-party нет ничего сложного. Выбери из множества разработанных вариантов общения с народом один и действуй. Лично я знал целых два. Первый, которого придерживается большинство, примитивен, но действенен. Исполнитель самозамыкается, воспринимая аудиторию как объект для изливания себя – речь как экзальтация. Так вещает Вождь, своей волей перестраивающий сознание людей. В результате ломки получается взаимодействие на примитивном уровне «Я и Они». Оратору повезет, если он угадает желания и чаянья стоящих перед ним «они». А если нет, если оратор скушен, неталантлив и главное неинтересен, то его ждет полный провал. Аудитория заснет и получится тихий час. Для Мессии это неприемлемо.

Для Мессии существует вариант гораздо более трудный и сложный в исполнении. Его цель формирование взаимной любви в системе «МЫ». Для этого надо чувствовать этих «мы». Надо выбрать среди тысяч качанообразных голов сотню самых близко к тебе растущих. Из этой сотни выхватить взглядом десяток наиболее созвучных твоему настроению и определить одно единственное лицо, в которое ты будешь ораторствовать. Так как твой взгляд хаотически мечется по радостно-возбужденным рожам, прицел на лицо постоянно сбивается и приходится искать следующее. Это важно, ибо твой безответный собеседник – репрезентативный индикатор доходчивости речи. Все просто. Индикатор должен показывать, что они доведены до состояния, когда им уже все равно, что ты им говоришь.

- Люди! Возлюбите друг дружку! Как себя любите, так и других любите! Так сказал один неглупый чувак! С тех пор прошло много лет, а мы до сих пор… Спасем демократию! Не дадим обанкротить телекомпанию!

Бодрая старушка, которую я выбрал в качестве индикатора, при упоминании о банкротстве вспыхнула праведным гневом. Везет мне на старушек. Ее брови выгнулись домиком,

превратившись в остроконечные крыши над линзами очков. Толпа качнулась, уплотнилась и ее седая голова скрылась за моим большим портретом.

Идиот оператор, сидящий на бегущей строке, пустил «банкрот» по экрану. Слово тут же подхватили:

- Ба-а-а-нкрот! Ба-а-а-а-а-крот! …крот! …крот! …рот! …рот!

- Смиряйтесь и терпите! Смирение страстей возможно только среди образованных, воспитанных людей! Учитесь в смирении! Смиряйтесь в учении! Только свободное телевидение гарантирует развитие современного информационно-воспитанного общества!

Какой-то мужик, услышав про развитие и общество, принялся неистово бить кулаками по металлическому заборчику. Он стоял с самого края огороженной территории. Его чисто выбритое лицо, белая рубашка и галстук светлых тонов свидетельствовали об обязательных обеденных перерывах в распорядке разнообразных столичных контор и о неизбежном страхе перед гиподинамией в условиях сидячей работы.

- Изгоним торговцев из Храма! Нет торговли святыми местами! Если мы позволим им, мы навсегда потеряем возможность жить так, как хотим! Этого нельзя допустить! Придя сюда мы хотим сказать, что не допустим отношения к себе как к быдлу! Мы свободные люди свободной страны! Мы хотим быть услышанными и понятыми! Мы выражаем мнения многих сотен тысяч, миллионов наших сограждан! Только возможность плюрализма мнений может объединить людей!

Слово «плюрализм» окончательно добило девушку с флагом. Вместо покачивания полотнищем с большой буквой «Ш» на бело-сине-красном фоне она попыталась обнажить грудь. Так как девушка сидела на плечах своего… того, кто был настолько силен, что держал ее на плечах, она естественно не смогла удержать равновесие и ее завалило назад.

Когда подвезли пиво, толпа была в экстазе, переходящим в дискотеку. Для его поддержания не нужны ораторы. Нужны бестелесные митингDJ. Даже пиво в этом процессе выполняет роль второстепенную. Примерно такую, какую играют энергетические коктейли на рынке прохладительных напитков и соков – image-необходимость иметь в ассортименте. Вот и пиво как запивка к оратору – повод потусоваться.

Но уйти со сцены просто так, без заключительного номера невозможно. Публика не отпустит, а если и отпустит, то с чувством глубокого разочарования. Уходить надо королем. Так, чтобы ЛЮДИ, а потом и журналюги устроили овацию Васиным талантам и достоинствам. Памятуя о петергбургском опыте, возникло желание послать их на штурм моего… уже не моего

офиса. Это было логично, но попахивало несанкционированным хулиганством, которое вытолкнет его автора на культурно-политическую периферию. Следовательно, энергию толпы надо пускать в нематериальную область, оформленную хлестко-рифмованными заготовками или в меру талантливыми экспромтами. У меня заготовок не было, и я принялся креативить что-то такое, что можно оставить в веках, высечь в граните, написать на скрижалях и выковать в железе. Нечто непонятное и в своей непонятности красиво-привлекательное.

На языке вертелась французская белиберда про равенство и братство, от которой я оставил только свободу. К ней я хотел присовокупить демократию, но она плохо кричалась, поэтому пришлось вспомнить народного любимца Шуру. Получилось двузначие:

- Свобода! Шура! Свобода! Шура!

Не проканало. Не хватало контрапунктивности и я добавил уже привычное:

- Не трогай Васю! Свобода! Шура! Не-тро-гай-Ва-сю! Сво-бо-да! Шу-ра! Не-тро-гай-Ва-сю!

Не понравился мне и этот вариант. Для молитвы это звучало как-то аляповато и лишние *смысло*слоги появились. Воняло примитивным популизмом, начисто лишенным таинства и сказочности.

- Не трогай Васю! НтВ! НтВ! Не-тро-гай-Ва-сю! НтВ! НтВ! НтВ!

Страна еще не знала такой популяризации «HTV». На следующий день, экспромтом родившаяся аббревиатура, украсила стены домов и двери подъездов. О ней, о нас говорили новостийные каналы, а какая-то попсовая группа анонсировала одноименную песню. Так родился орден «НтВ» и начался многолетний суд с «Независимым TV».

До сих пор помню, как заразительно кричатся эти магические буквы. До сих пор ощущаю приятное возбуждение, когда их слышу. Привкус свободы. Приправа. Она хорошо идет к демократичным запахам дневного кофе.

«Starbucks». Звездные доллары. Конкретное бабло со звезд.

Американцы долго взвешивали все «за» и «против» перед тем как открыть первую кофейню в обитаемой вселенной, обозначенной на картах словом «Москва». Естественно, подобная осторожность сама по себе не удивительна. Любой здравомыслящий человек думает, прежде чем рисковать репутацией/деньгами/здоровьем. Это скучно, но такова жизнь. Здравомыслия в ней больше, чем бесшабашной оригинальности

звездного первооткрывателя. Зато оригинальность требуются для завоевания внимания пресыщенных российских потребителей. Уйти от традиционности, придумать нечто особенное, свое, запоминающееся и одновременно насытить бизнес знакомыми российскими смыслами. Так они пришли к идее православного кафе.

Что может быть нетрадиционней православной кофейни «Starbucks»?

Только ее мусульманская версия, открывшаяся в Казани.

Объявлений о том, что собакам и иноверцам вход запрещен, решили не вывешивать, как-никак XXI век за витриной, зато в обслугу позвали послушниц из ближайшего женского монастыря, а распорядителем поставили дьячка с редкой бородкой – зримое возвращение к корням. Революции сознания, технологические, социальные, экономические и всевозможные другие приходят и уходят, а духовные традиции остаются. Вера в Мессию – вера в миссию корпорации. Черные рясы – черный кофе. Борьба и единство противоположностей. Духовное страстотерпие и плотское удовольствие под негромкую музыку спокойной кантри-группы «Отец». К тому же кофе вполне постный напиток.

Не то что бы я любил забегаловки, в этом как-то не принято сознаваться, но именно эта кофейня была в двадцати минутах ходьбы от конторы. City. Размеренный бизнес-перерыв меж трудов праведных. Полно узнаваемых лиц, почти приятель дьячок и милашки послушницы с белыми бейджиками: Евдокия, Евлампия, Стафанида и просто Мария. После деловой беготни и уж тем более после внезапного митинга умиротворяющий монастырский дизайн без излишеств служит великолепной средой для релаксации. Обжигающий кофе стынет в одноразовом стакане, а ты с нетерпением ждешь, когда же, когда же сможешь припасть к живительному источнику. Скромный такой расслабон, которому не могли помешать даже люди в касках и в противогазах мелькавшие по телеку. Там разгребали завалы, тушили пожары, несли мешки с трупами и носилки с немногими выжившими, а здесь: «Мы всегда рады Вас видеть». Там огромная воронка на месте школы и порушенные панельные многоэтажки вокруг (их все равно хотели сносить), а здесь люцитовая коробка для денег на помощь пострадавшим. Я сунул туда визитку.

Искренне хотелось верить в лучшее. Болезненный оптимизм мешал признавать факт наличия террористической угрозы. Внутренне я был убежден, что это все подстроено. Спецслужбы сработали, чтобы народ не заметил перемен на «Президент-Шоу». Забить информационные каналы вселенским плачем и не дать ходу мысли о ползущем перевороте. Хотя, на самом деле, я знал,

что субстанция под названием «народ» никогда ничего сама не замечает, потому что ей присущи короткая память, близорукость и дальтонизм. Если не у всех, то у подавляющего большинства.

- Да переключите же, наконец! - потребовали из зала. - Надоело уже!

Дружное ворчание посетителей подтвердило частное мнение.

Служка-послушница живо подсуетилась и по экрану полетели белые листы бумаги, их клочки и целые книги. Более эстетически-приемлемый канал транслировал шоу «Auto-da-fé». На столбе, возвышающимся в центре большущего костра было закреплено плохосгораемое чучело ненавистного писателя/режисера/сценариста/художника/и др., чей поток мысли не устраивал психологов-литературоведов из движения «Мы идем!». На этот раз их не устраивал Бертольд Брехт по-русски. Их не устраивал Макс. Молодые, старые, зрелые активисты и активистки выкрикивали беззвучные проклятия. Вместо них скандировал телетекст:

«*Бу-ма-го-ма-ра-ка! …ма-ра-ка! …ма-ра-ка!*»

В чучельную рожу моего кремлевского конфидента летели идееносители. Дискеты, диски, связки карманного чтива. В огонь! В огонь!…

Макс наверняка за это выложил кругленькую сумму.

Огонь был светло-голубых тонов. Такой особенно красив во время исполнения вечерней части программы.

«*Спонсор шоу «Auto-da-fé» Нефтегазовая корпорация «ГАЗПРОМ». Национальное достояние*».

Ночное факельное шествие с газовыми горелками просто неподражаемо.

Правда, всем, кроме меня, на это было наплевать. «Все» пили кофе и спешили обратно в конторы – обеденный перерыв такой короткий, а дизайн православной кофейни «Starbucks» такой успокаивающий.

В общем, мир был забит никому не нужными новостями.

«*Генеральная прокуратура уполномочена заявить, что обыски состоявшиеся в квартире Николая Владимировича Величко всем известного под именем Шуры Шурина и в офисах телекомпании «Первый» и связанных с ней структур, не были санкционированы и не проводились ни одной из силовых служб России.*

Особую озабоченность и возмущение вызывает та наглость, с которой действовали неизвестные злоумышленники, выдававшие себя за сотрудников правоохранительных органов. Так называемые «обыски» проводились в присутствии многочисленных свидетелей,

фиксировались и транслировались телеканалами, всякий раз предъявлялись якобы официальные документы, делались разъясняющие звонки в якобы Администрацию и якобы Генеральному прокурору.

Наиболее вопиющий случай произошел во время обыска и изъятия документов из рабочего кабинета Шуры Шурина. Один из злоумышленников выдавал себя за следователя Генеральной прокуратуры по особо важным делам Кривцова Кирилла Константиновича, который в это время находился при исполнении своих служебных обязанностей в здании прокуратуры. Подобная ситуация повторилась и на заседании Совета директоров телекомпании «Первый», в котором принял участие человек похожий на Василия Чапаева, использовавший для проникновения в здание компании идентичные идентификационные отпечатки пальцев, сетчатку глаза и сходство голоса. Имеющаяся видеозапись свидетельствует, что двойник Главного редактора Василия Чапаева своим вызывающим поведением пытался сорвать рабочее заседание Совета директоров и вызвать массовые беспорядки. Для этой цели перед зданием телекомпании, в котором проходит «Президент-Шоу» была собрана разгоряченная толпа. …»

- А я думал, это ты митинг организовала.

Татьяна пожала плечами:

- В таком бардаке, нужно пользоваться чем угодно.

«*… К толпе вышел человек похожий на Василия Чапаева и выступил с подстрекательской речью, после чего скрылся.*

Масштаб происшествий, общегосударственное значение похищенных документов и рабочих материалов «Президент-Шоу» свидетельствуют о тщательной и длительной подготовке совершенных преступлений. Вышеизложенное позволяет Генеральной прокуратуре утверждать, что имел место террористический акт с целью дезорганизации государственной власти и нарушения информационной связности граждан России. В связи с перечисленными фактами Генеральная прокуратура приступает к расследованию и обращается к гражданам России с просьбой способствовать сбору информации для скорейшего раскрытия данных преступлений и поиска человека похожего на Василия Чапаева или его тела».

Казенщина, словом.

- Хотите получить запись заявления прокуратуры на DVD? - поинтересовалась послушница Стафанида.

- Нет, спасибо.

- С вами все в порядке?

«Человек похожий на Василия Чапаева» поблагодарил и попросил не беспокоиться. Он впервые ощутил себя «телом»,

которое могут найти.

Медики со студенческой скамьи привыкают воспринимать пациентов не как людей, а как объекты исследования. Что ели? пили? чувствовали? Живой пациент отличается от мертвого только тем, что может разговаривать, а значит, вводить доктора в заблуждение. В остальном они идентичны. Труп даже предпочтительнее, ибо самый точный диагноз ставит патологоанатом.

«Смерть наступила в результате информационной асфиксии».

Стафанида на доктора не была похожа ни лицом (участливое смирение), ни цветом одежды (почти вся черная). В современных больницах распространены сине/зелено/розовые халаты, которые яркостью красок скрывают усталое равнодушие медперсонала. Даже в морге темные тона не в почете – нагоняют уныние и скуку, цветовая семантика не та, да и антураж не жизнерадостный.

А вот господину Иванову образ трупореза подходил. Характерная плоскость из фильма ужасов – ущербный маньяк, скрывающийся в шкуре обыкновенного средней руки молодого менеджера-миллионера. Без претензий на интеллект, но весьма ухоженный. Даже обручальное кольцо свидетельствовало о вполне устоявшейся жизненной позиции. Никаких признаков лишнего и ненужного мировоззрения.

Все бы ничего, но его выдавал пытливый взгляд натуралиста.

«А что там, у Васи Чапаева внутри? - спрашивали светлые глаза и сами себе отвечали, - Сейчас посмотрим».

Под таким взглядом хотелось превратиться в нечто неживое, не чувствующее боли.

Вася Чапаев – робот, механизм, набор шестеренок и схем. Кукла. «Тело похожее на…»

- Вскрывать здесь будите или к судмедэкспертам повезете?

Иванов образа не понял, скальпель не достал и в прокуратуру не позвонил. Вместо набора реакций на «неожиданную встречу» он восхитился моей выдержкой:

- Мы рассчитывали, вы сорветесь на митинге. Понадеялись на вашу истеричную придурковатость. Думали, крикнете «Даешь!», призовете людей к справедливости и погоните толпу на штурм офиса. Тогда бы мы вас сожрали без хлеба и со всеми потрохами. Сырым.

Таня всем своим видом изобразила осознание ужаса перед счастливо избегнутой ловушкой. Мол, как же я, дура, не догадалась?!

- Если так хотелось, могли бы дать команду и без меня бы

обошлись.

- А свидетели? А проблемы с подмоченной репутацией канала? А видимость неавторизованной политической активности в стране? Если уж стрелять, то высокоточным оружием со стопроцентной гарантией. Если гарантии нет, то лучше не стрелять вовсе. Нечего людей беспокоить.

- Слушай, господин Иванов, а как тебя на самом деле зовут?

- Да какая разница. Главное, чтобы преемственность в имидже компании была. Шура, Сережа, Володя. Ивановых на Руси много. Несть их числа.

- Я это к тому, что с такой фамилией и с таким стратегическим подходом вам стоит поучаствовать в «Президент-Шоу». Разыграть из себя ярко раскрашенного клоуна-идиота, а потом, неожиданно, показать себя понимающим и умным парнем. У вас бы получилось. Стали бы Президентом.

- Спасибо, - «миллионер без претензий» улыбнулся, видимо представив себя в подобной роли. - Что-то не хочется.

- А что хочется?

Иванов проследил за тем как Татьяна достала свой черный блокнот и положила его на стол. Она искренне считает, что ее записи можно будет использовать для написания книги воспоминаний. (Sic!) Иногда мне кажется, что она только притворяется разумным человеком, а на самом деле не соображает где, когда и как живет.

Человек с ничего-незначащей-фамилией дождался, пока Таня нажмет все нужные кнопки, и продолжил:

- Вам надо сделать заявление прессе типа «Я устал. Я ухожу».

- И не надейтесь. - Как ни странно, Танькино записывание придало мне сил.

- Вы, наверное, думаете, что кино с Шурой в главной роли и… другого известного человека имеют для нас большое значение? Думаете, они вам помогут?

- Надеюсь.

- Зря. Нам, то есть конкретно нам, эти записи совершенно неинтересны. Какой-нибудь другой группе деловых людей из Администрации, может быть, а нам нет. Так что никакой гарантии они вам не дают. Даже если вы составили посмертное пожелание выложить их в Интернете или продать за границу, это не слишком озаботит ваших недругов. Постельные игры Шуры и компании перестанут быть новостью через месяцок другой. Такого добра всегда хватало с избытком.

- А как же государственный престиж?

- Ох, и смешной вы человек. Престиж не пострадает от того, что кто-то с кем-то спит или не спит. Пикантные подробности

интересны только желтой прессе. Для нас важна контролируемость процесса.

В ответ я только развел руками, внутренне признавшись себе, что несколько утрировал проблему.

- Слышали про взрыв школы? - поинтересовался Иванов, набирая цифры недлинного правительственного номера. Кому он звонил, я не видел.

- Читал.

- Вот. Лимит на потрясения и ужасы на сегодня исчерпан.

«Nestcafe» - хороший вкус, хорошее начало.

Если вы хотите сделать заказ, нажмите…

Потом последовало стандартное «*Ало*».

- Он не согласился.

- *Ну и хрен с ним,* - ответил немолодой голос старшего товарища. - *Мы теперь и без него обойдемся.*

- Я тоже так думаю.

- *Поддержка нужна?*

- Нет. Все очень дружелюбно и благожелательно настроены к переменам.

- *Ладно. Заканчивай чистку, колоти команду, приступай к работе. И не торопись особенно. Время терпит.*

- Без базара, - Иванов улыбнулся неведомому начальнику. - В баню идем?

- *Как обычно. Пока.*

Почему-то я совсем не расстроился.

Вспомнилась безработная молодость. Ну, уволили. Ну, отняли любимую игрушку. Рано или поздно это должно было случиться. Так почему не сейчас? не так? и не «Ивановым»?

- Это переворот, - констатировал я, обращаясь скорее к себе, чем к своему собеседнику.

- Это бизнес. По-русски. Ничего личного, всего лишь бизнес.

- Был в свое время термин «совок». Так вот, это не бизнес и не по-русски, это совок.

- Проще можно? - попросил Иванов. - Без загадок.

- Грубо и неумно все это. Грубо и глупо.

Уж как умеем.

На самом деле ничего они не умеют. По себе знаю. Молодость вообще склонна к наглости. Это только кажется, что умеешь, знаешь, можешь и сделаешь. На стадии же реализации «умелок» дело встает из-за непроходимой тупости окружающих помноженной на собственную непроходимую самонадеянность. В результате вместо «как надо» получается «как удалось» или «как

всегда».

Куда как проще объявить Васю Чапаева несуществующим. Убили Васеньку. Нет его. Ищем тело. Раскрываем преступление. Расчет на дурака-зрителя и дурака-Васю. Последний, по замыслу должен затаиться, уйти на дно и может быть, при благоприятном развитии ситуации, найтись в добром здравии, через N-ое количество часов/дней/недель/месяцев. Время, отпущенное на внеочередной отпуск, варьируется в зависимости от развития ситуации. А ситуации бывают разные.

Рассуждая подобным образом, я шел по улице, высматривая камеры слежения. Понатыкано их превеликое множество и на самых заметных местах. Как доподлинно известно, большинство обычные муляжи. Настоящие те, что на перекрестках, в метро, у магазинов и рядом с офисными зданиями, замаскированы, дабы не смущать добропорядочных обывателей. Быть добропорядочным не входило в мои планы, но находить настоящие «глаза законности» удавалось не все и не везде. Если же я засекал любопытную камеру, то обрабатывал ее, что называется «по полной». Снимал очки, строил рожи, показывал язык, прыгал, орал им в микрофоны классическую банальщину:

- Менты козлы!!! - и делал красноречивые жесты, объясняющие, почему я так думаю.

Чтобы не усугублять, к прохожим не приставал, урны не переворачивал и камнями не кидался. И без этого, то, что я вытворял вполне хватало для того, чтобы у них – у тех, кто следил, – сформировалось стойкое представление о моей социальной опасности. Время же, которое я тратил на каждую камеру, в несколько раз превышало время поиска по базе данных.

Красный восклицательный знак в мониторе. Красная точка на карте города. Задержание в течение пяти минут.

Так прошло часа два, два с половиной. Никого.

Даже городовые, подозрительно оглядывающие меня, делали вид, что Вася Чапаев в русском городе нечто вроде бесплатного аттракциона.

Как вы не видели медведя на улице?! Странно. А живого Васю?

Я начинал отчаиваться и придумывать более радикальные способы обратить на себя внимание. Например, пойти на Красную площадь, облиться бензином и сгореть в борьбе. Или, лучше, раздеться до гола и сделать по площади круг почета. Для большего резонанса можно свалить в Лондон и устроить интернет-интервью, рассказать правду и бегать голым по Гайд-парку. Как напоминание о физиологических потребностях, пришла фантазия о Васе Чапаеве запеченном с яблоками –

ресторан-акция в фонд помощи культурной оппозиции – человеческая фигура на гигантском серебряном блюде. Завершающий штрих – книга комиксов «Моя борьба».

Не взбодрил меня и звонок Татьяны, которая сообщила о том, что ее не пустил в офис и отобрали пропуск. Когда она кричала:

- Это было ужасно! Это было отвратительно! - приходилось отрывать трубу от уха. Даже с убавленной громкостью децибелы ее крика превосходили допустимые нормы терпения. В таком состоянии она не представляла интеллектуальной ценности и не могла дать разъяснений.

Между тем я чувствовал, что пришло время спросить: «А в чем, собственно, дело?»

Получить ответ я решил у двух ментов, мирно сидящих в патрульной машине. Припарковались они прямо под рекламой шоу «ВЕРХОВНЫЙ СУД»:

«Сохраним Традиции Страны. СТАНЬ справедливым СУДЬЕЙ на СТС! Скоро».

Такое соседство добавило мне сарказма.

Вежливо постучав и дождавшись пока опустится стекло, я сообщил господам патрульным, свое неудовольствие работой правоохранительных органов. Выражалось мое «Фу!» в подробном объяснении того, что зарплата доблестным муниципальным полицейским, именуемым ментами, платится из кармана честных налогоплательщиков. Непонимание, отразившееся на почему-то быстро покрасневшем лице одного из патрульных, показало насколько тот плохо усвоил школьный курс экономики и обществоведения. Помогая ему восполнить пробелы в образовании, я сообщил, что прямой обязанностью патрульного является задерживать подозрительных граждан-налогоплательщиков, особенно если этот «подозрительный» сам требует собственного ареста. На просьбу представится, которую озвучил менее красный и, следовательно, более образованный патрульный, я назвался и сообщил, что мое «тело» находится в розыске.

Дальше было молчание.

Менты молчали сидя в машине. Я молчал стоя на улице.

Продолжалось это ровно столько, сколько им понадобилось для того, чтобы запустить мое имя в компьютер. Потом они уехали. Не сразу, конечно.

Из глубины салона донеслось:

- Вот, урод приплюснутый!

и

- Хватит бегать, Василий Иванович. Ступайте домой.

Стекло поднялось и машина по-ментовски медленно укатила.

Интересно, что это было? И почему «приплюснутый»?
Во всяком случае, я последовал совету, я отправился домой.

День 5. *Большая политика.*

Что будет делать человек, которому утром не надо спешить на работу?

Ничего. Смотреть телевизор, рыскать по интернету и играть в Нинтендо. Редко листать книжки, чаще журналы. Все очень традиционно. Наши горячие сердца, холодный разум и свободное время принадлежат Большому брату, наставнику и мудрецу Телевизору. Привычка с детства – постоянный TV-шум. Сериалы, сюжеты, заметки, новости…

НОВОСТЬ ЧАСА:

«*Известный российский* ***режиссер Михайло Никитин*** *покидает Россию*».

Его подловили перед регистрацией на рейс. Шереметьево-3. VIP-таможня.

На экране он выглядел гораздо импозантнее, нежели в жизни. Легкая бледность вечно загорелого лица выдавала беспокойство. Седые усы топорщились ежиком.

- Первый раз в жизни я стал объектом махинации. Некто, выдававший себя за Василия Чапаева, заказал мне фильм о работе «Президент-Шоу». Более того, мы начали работать. Но те требования, которые этот преступник предъявил к моему продукту…

- Но вы вернетесь?

- Он хотел, чтобы я накачал фильм нейролингвистическими штуками… Диспарентное видео… Рот, лоб, нос, ухо. Зрители смотрят на мелькающие части лица, а потом, когда он, наконец-то, появляется в кадре целиком, люди полны к нему симпатией…

-Михайло Андронович! Михайло Андронович! Надолго вы уезжаете?

- Это чудовище хотело пустить фоновую музыку с зашифрованными словами «Люби Васю»… Он хотел, чтобы мой фильм показал в негативном свете Святую Русь и Президента…

Кадры из несостоявшегося фильма. Без ретуши и фанеры. Я хрипло ору на Таньку: «Закажи его!… Блядь, на хуй!!!» Рядом Михайло Никитин. В его подправленных спецушниками глазах интеллигентский ужас перед моей творческой экспрессией.

- Яне имел морального права в этом участвовать. Как законопослушный гражданин я тут же связался с правоохранительными органами. Вася Чапаев страшный человек…

- Так это был Чапаев или не Чапаев?

- Аванс возвращен. Я не намерен сотрудничать с теми, что ставит под угрозу мою деловую, творческую репутацию и устои

российской государственности.

- Каковы ваши творческие планы? Что вы будите делать в Токио?

Планов было много.

Хотите знать больше*?*

Нет.

Кликните на…

Телевизор упорно навязывал знания:

«***Васю****Чапаева* ***украли*** *инопланетяне!»*

«***Васили-и-и-или-и-и-й!*** *Новая вылазка террористов –* ***рекламный ход*** *поволжских вакхабитов*».

«***Голововорот.*** *Изменения в руководстве первой кнопки и* ***кредитный рейтинг*** *страны*».

«***Ста****БИЛИ****зация?*** *Уход Шуры и Васи ведет к ослаблению борьбы за* ***медиаресурсы***».

Раньше сумасшедшие да юродивые в церкви тусовались, а теперь все норовят в газеты и на телевидение устроиться. Либо голубой, либо идейный импотент, либо либерал. С ними судиться заколеблешься. Попробуй, докажи, что ты не знаком с зелеными жителями Марса. Слабо? Мне да. Я даже не берусь с ними спорить. Похитили. Потом отпустили. А теперь я лежу в кровати и пялюсь на то, как Лю готовит завтрак. Все просто. Она на кухне, я в спальне. Она не знает, что за ней смотрят, зато очень хорошо знает, как готовится совершенно некитайская овсянка.

Стандартное мнение о стандартном наборе стандартного китайского дома: драконы, мечи, фарфоровые вазы, бумажные светильники, ажурные перегородки, шелковая драпировка и благовонные палочки. Из всего перечисленного у меня есть только стандартная китаянка.

Лю.

На самом деле ее звали по-другому. Не помню как.

Она была для меня явлением временным и ни к чему не обязывающим. Но потом оказалось, что ее «временность» претендует стать культурным событием. Журнал «Домовой» напечатал статью о прислуге из тихоокеанских провинций, как о начале мейнстримного явления в модной жизни столицы. Дом по-китайски. В смысле все в доме как у всех нормальных русских, а вот «*ощущение гармонии, покоя, утонченности сада камней, создаваемое дальневосточной прислугой, совершенно необычно для городского жилища*».

Я так и не смог дочитать эту японо-китайскую мешанину от «Домового», посчитав, что мир в очередной раз свихнулся. Я вообще не читаю ничего кроме заголовков и вводных шапок под

ними. Внимание рассеивается и мне уже не до деталей. Одно лишь знаю твердо - что с Лю, что без Лю покоя было больше с женой.

С женой вообще все было намного гармоничнее. Лена, выбиравшая и обставлявшая квартиру, считала, что подбор домоправительницы очень ответственный процесс:

- Обслуга - последний стилистический мазок интерьера.

Она выписала из полувымершей сибирской деревни Бабу Маню. Та любила рассказывать сказки и печь пироги с капустой, а я любил их есть и представлять себя Пушкиным. Она тихо ворчала из-за того, что я царапал ботинками паркет, а сама неслышно ходила в мягких тапочках. После ухода жены она также тихо и неслышно уступила место европодданной из Синопа по имени Зухра.

Турецкий период моей квартиры длился ровно столько, сколько понадобилось, чтобы Зухра сделала карьеру с позиции прислуги до позиции исполнительницы танца живота. Мои гости выли от восторга, совали ей за пояс деньги и ели то, что доставили из ресторана. В конце концов, она выяснила, что с гаремной экзотикой большие проблемы в Копенгагене и счастливо туда свалила.

Переживаний не было. Я активно пользовался внутрижелудочной анестезией в виде коньяка и мало что могу вспомнить из жизни моей квартиры. Зато отчетливо помню, как мама привела девушку Веру из Подмосковья.

- Из нее получится хорошая хозяйка и вообще…

Под «вообще» понималась необходимость сосредоточиться на обычных житейских вещах из старонемецкого быта: Kirche, Küche, Kindern.

- Что?! Опять Kindern?! - кричал я, метаясь по квартире в поисках очередной бутылки.

- Ты посмотри, какие у нее глаза!

Не выдержав, я сбежал в командировку во Владивосток.

В то время живо обсуждали вопрос о переносе столицы. Наиболее предпочтительным районом считалось бурно развивающееся Приморье. После открытия границ, дармовая рабочая сила быстро превратила его в многолюдный и ухоженный угол страны, где жители подчас ни слова не понимали из того, что написано в паспорте.

- Работа за есть! - просили новые граждане моей страны, стоя на обочинах дорог.

Собственно, поэтому перенос не состоялся. Решили, что формально Москва удобнее. Проект виртуального правительства расширяет функциональное значение столичности до каждого

персонального компьютера. Командировка завершилась житейской рекомендацией оставить все как есть и наймом Лю на работу. Она, так же как и деловитая Москва, блестяще подходила для выражения моего взгляда на быт. Фен Шуй там техногенный и прочие утки по-пекински меня вовсе не интересовали, а вот китайское трудолюбие выраженное в культе чистоты было очень даже востребовано. Поэтому я отказался от приходящих уборщиц, мойщиц и готовщиц, посчитав их лишними для процесса полного проявления традиций тысячелетней цивилизации.

Иногда, впрочем, меня пробивало сомненье по поводу «желтых агрессоров», наводнивших Россию. Уж слишком много им позволяют!

Обуреваемый расовой ксенофобией я воображал себе картины того, как Лю может использовать мою квартиру во время хозяйского отсутствия. Дома меня нет почти всегда, а она как крепостная прикреплена к апартаментам. И это с ее-то патерналистским менталитетом! Она могла напригласить тьму своих близких и дальних родственников – квартира как перевалочный пункт незаконной иммиграции. Еще я слышал, что у китайцев сильная мафия, «триада» называется – квартира как перевалочный пункт наркотрафика. Или даже хуже – квартира как лаборатория по производству взрывчатых веществ.

Недоверие слугам – основная психологическая проблема состоятельных домохозяев. Без доверия можно окончательно спутать реальность и вымысел, погрузившись в пучину невроза. Со мной все так и случилось. Я вызвал мастера из службы охраны, который установил в квартире микрокамеры и микрофоны. Так я решил развеять свои сомнения в расовой неполноценности Лю и проследить, что же она делает, пока я зарабатываю ей на жалование.

То, что я увидел, меня шокировало. Целыми днями она скребла, терла и мыла. Мыла, терла и скребла. Это вовсе не значит, что я пачкую квартиру одним своим присутствием. Это значит, что Лю не умеет бездельничать. Ну, посудите сами, как еще можно объяснить ее страстное желание в третий раз перегладить мои трусы и носки?

В конце концов, я повысил ей жалование и накупил самоучителей по русскому. Специальное издание для эмигрантов. Китайское трудолюбие перенаправилось на освоение одного из самых сложных индогерманских языков, а мой отдых разнообразился просмотром авторского шоу «Одна китаянка в квартире». Самый хитовый момент домашнего reality – утренний моцион Лю, когда она стоит в своей комнате напротив телевизора и поет гимн своей новой родины. Выглядит это забавно и очень

мило. Слава Богу, хоть кто-то в стране знает настоящий гимн. Среди коренных жителей это большая редкость.

Я даже смонтировал видеоклип для эмиграционной службы:

Лю чистит унитаз.

Россия священная наша держава…

Лю вылизывает посуду.

…Братских народов союз вековой…

Лю пылесосит ковер.

…мудрость народная…

Лю выносит мусор.

…Славься отечество наше свободное…

Лю получает зарплату.

…Мы гордимся тобой.

РОССИЯ ЖДЕТ ВАС!

Только нафиг кому он нужен. В Третий Рим прут без всяких видеоклипов. Ежедневно в новостях отчитываются о том, сколько еще прибыло желающих поучаствовать в мегапроекте. Это великое переселение позволяет нам сохранить высокий экономический рост и окончательно не уподобиться вымершим мамонтам. С такими темпами детопроизводства и с такой семейной жизнью как у меня, остается уповать на любовь китайцев к детям. Я пытался выяснить, что об этом думает Лю, но она отмолчалась за своей непроницаемой улыбкой. Записи свидетельствуют, что вся ее личная жизнь сосредоточена на хозяйском белье, которое она гладит и переглаживает. Privacy Лю такое же гармоничное, как и мое.

-Papa?

- Алло!

- Papa? Вы papa?

- Ну, допустим.

- Bonjour! Mama сказала, я должен позвонить вам.

- Алексей?

- А вы, Вася? Mama сказала, вам плохо сейчас и я должен помочь вам.

- Вот, сука!

- Pardon?

- Прости. Это я не про нее, не про маму. И зови меня на «ты», хорошо?

- Я буду стараться.

- Ты как там? Ты где?

- Я в Suisse. Все хорошо со мной. Я учусь. Учителя говорят, я учусь хорошо. У меня хороший… - Он так и не вспомнил это слово

по-русски. - *Note*.

- Отметка. Отметки?

- *Oui. Merci. Учителя довольны.*

- А ты?… Тебе там нравится?

- *Oui bien. Мы ехатьà Strqsbourg и смотреть музей и cathédrale. Завтра. Мы будем там несколько дней.*

- А ты? Ты доволен?

-*Merci. Je suis bien.*

- Я рад тебя видеть, сын. Не хочешь ко мне в гости?

- *Pardon?*

- Может приедешь? - Я только потом сообразил, что за бред я предложил.

- *Merci. Я спрошу. Если тата даст разрешение…*

Так она и разрешила!

- *Мне пора,* - Лешка смотрел куда-то поверх объектива.

- Постой!

- *Au revoir.*

Звонил…

Звонил…

Звонил…

На общедоступном номере творилось нечто невообразимое. На нем всегда твориться такое, что заглядывать туда можно только с помощью программы фильтра. Но даже она, регулярно обновляемая, не справляется со своими обязанностями и пропускает человеческий спам. Я стараюсь отвечать, думать, улыбаться, но заканчивается это все чтением без мысли и разговорами без общения.

Звонил абонент «Франка». Оставлено сообщение:

«*Это ты? … Или…* - Она была за рулем. Выглядела несколько возбужденной. - *А сказали, что это не ты… В общем… Видела про тебя по телеку. Даже если это был не ты…Никогда не трахалась с трупом. Если хочешь, приезжай, помолимся за упокой*».

В наше время мобильная связь давно заменила половую. Я знал, что не…

Звонил…

Звонил…

Звонил… Звонок удерживается…

К черту! Delete.

Звонил…

Звонил…

Алешка появился так неожиданно, что я его не записал.

Я запомнил наизусть:

«Merci. Je suis bien».

Много раз репетировал то, как буду с ним говорить…

«Не хочешь ко мне в гости?»

…а сам нес какую-то ахинею.

Все заготовленные слова повылетали.

Самое обидное, что я знал и его телефон, и адрес пансиона, где он жил, и даже один раз купил билет, собравшись его навестить. Не поехал. Присел на дорожку и полдня пил холодный кофе на чемодане в холле. Хотя и этого мог не делать. Чемодан я закрыл, точно зная, что опаздываю и обязательно опоздаю на самолет.

Ну, прилетел бы я к нему, положим, с адвокатами и охраной. Ну, забрал бы его. И что?

Да, ничего!

Вспоминая о где-то там живущем сыне, я представлял себя в образе отца-героя, отца-спасителя, отца-благодетеля. Я представлял, как Алешка держится слабыми ручонками за кромку пропасти, за подножку несущегося под откос вагона, за ручку распахнутой двери летящего вертолета.

- Папа!!! - кричит сын.

- Сын!!! - кричит папа.

Он уже почти сорвался, но папа успевает. Папа хватает его за скользкие хрупкие пальчики, смотрит в заплаканное лицо и понимает, что если он умрет, то они умрут вместе. Но этого не случается. Случается happy end. Папа вытаскивает сына из бездны, и начинается новая счастливая жизнь. Подгузники всякие, игрушки самые навороченные, лучшая частная школа и прочие слюнявчики. Самое важное – круглосуточные сторожа, чтобы сына без спроса не увезла бывшая жена. А еще хорошо бы она перед неудачной попыткой киднепинга походила бы за мной, умоляя и стеная:

- Отдай!

- Не отдам, - отвечал бы я, а секретарша закрывала бы за ней дверь.

Сладкие грезы.

Чтобы от них избавиться и разгрузиться приходилось пару раз в год мотаться в детдом. Пил чай с директрисой, гладил остриженные головки детишек, успокаивал сопливо плачущих матрон то ли из благотворительной богадельни, то ли из попечительского совета и дарил самое дорогое, что может дать одинокий мужчина – деньги. Одаривал я щедро, не скупился. Вкупе с пеной повседневного общения здорово помогало.

Звонил…

Звонил…

Звонил…

Звонил абонент «Больница»: «*Пациент Шура скончался, не приходя в сознание в 11.23. Лечащий врач В. Аганесян*».

В «Пресс-клубе» было шумно. Там, в полутемном интиме бара шла прямая трансляция освидетельствования смерти. Танька поймала меня как раз, когда консилиум разноцветно халатовых докторов обступил оптимистично бело-сиреневую койку-трансформер. На ней лежал Шура. Уже без трубок. Его внешний вид активно комментировали сидящие за столиками журналюги. Наиболее информированные предлагали свои, оригинальные способы проверки причин смерти. В основе большинства из них лежало знание об особенностях Шуриной сексуальной жизни. Предложения вызывали всеобщее хихиканье.

Неузнанным я прятался в тени длинного козырька бейсболки. Я вчерашняя новость.

- Тань, слушай, а почему ты не замужем?

- Нашел о чем спросить.

- Когда-то же надо.

- Ты завтракал?

- В рот не полезло.

- Вот и мне тоже… На похороны тебя могут не пустить. Ты же в розыске.

- Надо купить венок с надписью «От Васи».

- Лучше «Здесь был Вася».

- Тогда «От друга».

Таня что-то записала в блокнот и посмотрела по сторонам. Вокруг было все то же. Люди заключали пари на причину смерти.

- Интересно, по чьему распоряжению его отключили?

- Я тебе купила билет с открытой датой.

- На поезд?

- На Ямайку. Вдруг ты захочешь… Да и потом… За кого мне замуж идти?

- За мужика. Нормального.

- Ну, вышла?

- Нарожала бы ему детей. Воспитала бы…

- Готовила макароны с сыром, забирала детей из садика, вытирала им сопли, доедала за ними из тарелки. Муж носил бы мне зарплату и покупал цветы на 8 марта. Так?

- Ну ты… Впрочем, не знаю. Я не покупал.

- Зато я знаю. В конце концов, сяду на Прозак, аэробику, заведу тьму подружек, функционального любовника и библиотечку из очень женских романов… Скучно все это.

- Как будто сейчас весело… Что теперь делать-то?

- Да ты сам знаешь. Надо предложить продукт, от которого они не смогут отказаться и до тех пор, пока ты его делаешь, они будут тебя терпеть. Надо стать вторым Шурой.

- Погоди ты. Шуру Первого сначала закопать надо.

В баре начали раздавать официальное заключение о смерти. Набор медицинских латинизмов. Без комментариев. Присутствующие остались недовольны. Правда, я так и не понял чем: отсутствием информации или незнанием латыни. Они ворчали и пили чай/кофе/алкоголь. Кое-кто попытался прочесть в слух и ему велели заткнуться.

Телек переключили на прокуратуру:

-…*Могу повторить еще раз. Те неизвестные, которые занимались обыском на квартире Шуры, а потом в офисе «Президент-Шоу» уже стали нам известны. Они не принадлежат ни к одной силовой структуре России. Их розыск начнется, как только их окончательно узнают.*

Следователь Кривцов давал неумелую, невнятную пресс-конференцию. Он был абсолютно нефотогеничен и смотрелся в кадре резиновой куклой.

- …К*сожалению, мы не можем допросить Шуру… Всю информацию, касающуюся состояния здоровья умершего Шуры, мы раскроем только его родственникам.*

- …*Следствие склоняется к версии несчастного случая, хотя мы не исключаем заговора… Единственный подозреваемый в причастности в участии в несчастном случае – человек похожий на Василия Чапаева.*

- …*Да, мы понимаем, что главное достояние канала – это человеческий материал. Коллектив, так сказать. Прокуратура России постарается, насколько это возможно, оградить творческих работников «Президент-Шоу» от беспокойства, связанного с соблюдением законности.*

Рядом с Кривцовым сидел пресс-секретарь Генпрокуратуры. У нее покраснели щечки, она старалась не смотреть в зал. Профессионалу было стыдно.

- *Слухи о возможном банкротстве канала недостоверны. Как всем нам понятно… Я надеюсь… Россия заинтересована в бесперебойных поставках продукции компании на отечественный и мировой рынки.*

Вместо косноязычного следователя картинка часто замирала на каштановолосой девушке по связям с прессой. Ей очень шел мундир жандармского цвета.

- Тань, и на фига ты со мной возишься?

- Потому что люблю.

Помолчали.

- Сочувствую.

- Ничего, я привыкла. - Прозвучало как-то буднично.

Я спросил, что будет дальше.

Похороны, - ответила Татьяна.

- Хорошо, что он умер не сразу или чуть погодя, - задумчиво произнес Гурам.

- Почему?

- Потому что закопают его на третий день, а у меня сегодня открытие памятника. Представь, если бы события совпали.

- Народ не любит двойственности.

- Правильно, - похвалил меня Гурам и, наконец-то обратил на нас внимание. - Людям нужна однозначность настроений. Горе объединяет людей, рождает чувство страха и протеста, жажду справедливости. Очень выгодное и очень короткое рекламное время. Надо проявлять оперативность и успевать. Похороны обязывают.

Гурама мы нашли в операторском вагончике приткнувшимся у Спасской башни. Он не спал вторые сутки, и это добавляло ему расслабленной вальяжности. Как всякий талантливый менеджер он понимал, что успех проекта зависит от предпроектной подготовки. После можно сколько угодно нервничать, орать, стучать кулаком по столу, но это вряд ли повлияет на сам процесс.

- А я знаю, зачем вы пришли, - сообщил телемэтр и не продолжил.

Он неотрываясь смотрел на экраны. На сцене перед Казанским собором скакало четверо человек. Группа «Динамит-5». Двое мужчин и две женщины. На черных паранджах женщин было написано белой краской «На Хуй Бритни!». У мужчин на черных майках «Нет Войне!». Они зажигательно пели на смеси арабского и русского или русского и арабского. Бессмыслица.

- Ты такой предсказуемый.

- Мне это уже говорили.

- Иванов?

- Угу.

- Приятный парень.

- Похож на убийцу с гарвардским дипломом.

- Что-то есть. - Гурам глубокомысленно покивал головой. - Серийный.

- Маньяк.

Татьяна не выдержав, прервала наш обмен впечатлениями:

- Гурам, короче. Ты нас проводишь в Манеж на тусовку, а мы тебя благодарим.

Дядя Гурам вздохнул, продолжая наблюдать, за тем, как мальчики из группы «Динамит-5» изо всех сил пытались показать, что настоящий динамит у них в штанах. На самом деле динамит был у них в головах, а в штанах бикфордов шнур.

- Не понимаю, почему именно пять, - спросил я, чтобы не молчать. - Их же четыре.

- Это пятый состав.

- Так ты нам поможешь? - насела Татьяна. Она никогда никому не делала скидок на возраст и чины. - Да или нет?

- Как я понимаю, вы туда не скандалить идете. Поэтому, когда у вас начнется новый проект, вы меня заберете к себе. Надоело мне памятники ставить, а на пенсию еще рано.

- Заметано.

В моем положении торговаться и спорить бесполезно. Приглашение у нас было, но как пройти, если ты не человек, а «тело похожее на…». В моем положении надо хвататься за любую соломинку.

Гурам провожал нас лично. Вел через Кремль. Желтые стены и черные пушки, зеленые мундиры и кивера преображенцев, голуби и туристы на газонах. После того как Кремль стали ежегодно пеленать в многокилометровые простыни, – Modern Art – его уже не воспринимаешь как нечто неприкосновенно-святое. Что-то сломалось, развеялось, исчезло. Кремль стал ближе, понятнее. Туристы на газонах опять же. Раньше такого не было.

- И вода была мокрее, и небо голубее, - подтвердила Татьяна.

- Танечка, лучше посмотрите какая благодать, - предложил Гурам, неодобрительно качая головой.

Мы были гуляюще медлительны и никуда не торопились. Психологи утверждают, что пешие прогулки здорово помогают от стресса. Не знаю как другим, мне помогают.

- Говорят, было в свое время предложение устроить «Кремль-шоу».

- Кто говорит? - поинтересовалась Татьяна.

- Люди, - объяснил Гурам. - Суть шоу в том, чтобы в реальном времени показать систему подготовки и прохождения законов, указов, согласований и всякой другой белиберды. Ты только представь, что они стали бы показывать и какие указы понапринимали бы для подъема рейтинга шоу.

- И чем все кончилось?

- Решили повременить. Приучать народ к открытости и доступности власти надо медленно и осторожно. Воспитывать народ надо. Кремль в белые полотнища завертывать, на газонах

валяться разрешать. Положили под сукно, словом, а вместо него сделали «Президент-шоу».

- Весело. - Я сделал вид, что впервые услышал эту историю.

- Это я к тому, что все течет и меняется. А то, что весело… Это даже хорошо. Печалится послезавтра будем.

В подсобке, где нас спрятали, были повсюду разбросаны разноцветные ведра, за блестящими корпусами машин-уборщиков скрывались сваленные в углу допотопные швабры. Пахло человеческой сыростью и химической блевотиной. Танька брызгала дорогущим парфюмом, но он быстро улетучивался в воющую дырку вентиляции. Те несколько минут, на которые в воздухе задерживалась смесь противоречивых запахов, напоминали о парижском подвале.

Старый дом в старом городе. Прогнившие трубы лопались где-то за тонкой стеной и вонь древности наполняла мою каморку. Сверху прибегала озабоченная консьержка, но не шла дальше моей комнаты. Она прислушивалась к застенным шумам, вздыхала по поводу скряги хозяина и просила, что бы я прибрал вещи и не появлялся там пока будут ремонтировать. В подвале я жил нелегально и очень дешево. Большую часть моей квартплаты составляли занятия с дочкой консьержки. Я учил ее английскому языку. А по субботам, утром, пока ее мать ходила на рынок, она спускалась ко мне и мы занимались любовью. Шумели трубы, но она все равно давила стоны, боясь что ее услышат наверху. Потом она одевалась и бежала в школу на дополнительные занятия по рисованию. На простынях оставался ее запах.

- Тань, слушай. Нам все равно заняться нечем. Давай пока время есть…

- И не мечтай.

- Ну, как хочешь.

Человек из службы безопасности принес вечерние наряды и поесть. Его оловянные глаза посмотрели на баночные этикетки шампуни, на машины-поломойки, на швабры, на вентиляционную трубу, на нас. Он ничего не сказал. Положил пакеты на пол, погасил свет и ушел.

Татьяна есть отказалась. Ее не устроило фаст-фудовское содержимое пакета с едой. Она прыскала духами, колдовала над блокнотом, повторяя биографии нужных нам VIPов и звонила, звонила, звонила. Мне было все равно, я ел и баловался.

«Дума-Шоу» почтила Шуру вставанием.

Переключил.

В прямом эфире заседание чрезвычайной государственной

комиссии по организации похорон Василия Чап…

Переключил.

Отбеливатель для зубов…

Переключил.

…застекольщики решили надеть на правую руку черные повязки в память…

Переключил.

Родное Шоу. Застекольщик Максим сидит в зале и смотрит порнуху домена XXX.

Переключил…

Гримировались впопыхах. Стилист из бригады Гурама ворчала по поводу слишком деловых причесок, недостатка времени и плохого освещения. Она мазала мне лицо, маскируя подвальную помятость и ненужную человечность. Общая цель – гармоничное сочетание женского и мужского начала у кавалера и его дамы.

Без долгой практики я совсем разучился носить смокинг, но Татьяна сказала, что со стороны этого не видно. Я волновался и хотел чтобы все получилось как надо. Думал, что, как только окажусь среди людей…

Людей там не оказалось. Манеж был набит голоплечими нарядами и типовыми смокингами. Такими же как у Татьяны и у меня. Их было так много, что отдельно взятая гармония инь и янь не просматривалась. Разделившись на пары, сбившись в группы или утратив свои половинки они клубились вокруг фуршетных столов. Классические негры-официанты в классических белых кителях наливали, подавали, предлагали. Фишка вечера – расстегаи.

- Это очень вкусно. Попробуйте, - посоветовала сероглазая блондинка.

У нее на тарелочке лежало нечто микроскопически малое и формально неопределенное. Из-за того, что девушка постоянно вертела головой и стреляла глазами, она не могла сосредоточиться на еде. Ее заинтересованная улыбка предназначалась исключительно мужчинам. Я улыбнулся в ответ и попробовал.

У Бабы Мани пироги получались огромными, в полтарелки, ароматными и рассыпчатыми, только успевай заглатывать. После них русские расстегаи из Манежа казались рафинированными малютками. Я предпочел привычных осетров и дичь.

- И как вам это? - спросил я того, к кому меня подвела Татьяна.

- Ничего.

Я не понял, хорошо это было или плохо и поэтому согласился:

- Вы правы… А ведь мы уже встречались.

- Да? - удивился бородатый смокинг.

- Вы акционер «Дума-шоу», а я Вася Чапаев. Мы виделись на одном из инаугурационных балов.

- И как?

- Нормально. У наших президентов отличный инаугуратор.

Бородач почему-то не засмеялся.

- А как вы?

- Пока в розыске.

- Бывает. Скоро пройдет.

- Надеюсь. Но считаю, что это пройдет только тогда, когда в стране появится настоящий оппозиционный канал. Рынок дозрел до внятной альтернативы. Отсутствие общенациональной дискуссии сокращает нам, то есть вам, доходы. Кремль держит рынок, формулирует свои неправильные вопросы и получает на них правильные ответы. Это искажает рыночную картину и ведет к потере конкурентоспособности.

Бородач поставил тарелку на стол и почмокал губами:

- В целом, есть можно, - решил он и посмотрел на ведущую вечера.

В Манеже царила Nicole. Она ходила по залу, задавая публике вопросы о том, как они относятся к себе и к героическому прошлому России. Ей невнятно отвечали о том, что вообще и в частности «…очень… даже… весьма…», она кивала и плыла дальше. Nicole была одета. Она была в платье из золотой парчи. Цвет сезона – желтый.

С этим категорически была не согласна группа коммуноидов. Они демонстративно нацепили красные банты и громко обсуждали вопрос, где провести свой съезд-фестиваль «Интерпатриот». Дискутировали два традиционных варианта: Лондон или Женева. Большинство склонялось к тихой Женеве, считая, что, несмотря на продвинутый сервис, Британия слишком остров. Эти чудики грезили о всемирной лево-либеральной революции и мысль о действующей оппозиции казалась им утопией. Кстати, ни прием, ни ведущая им тоже не нравились.

- Так официально. - Я поделился впечатлением с дамой из комитета борцов за права человека.

- Даже чересчур, - согласилась она, беря бокал шампанского. - Не интересно. Я недавно вернулась из Африки там все гораздо… Если не вспоминать семинаров по тюрьмам, там прикольно. Сафари в Кении просто незабываемо. Вот тюрьмы – настоящий

кошмар. Одни негры.

О ситуации с пенитарной системой в африканских государствах я ничего не слышал, но понял, что права человека в них, и правда, нарушаются. Дама возбужденно рассказывала, о том, с какими трудностями она столкнулась, сохраняя белизну кожи под палящим экваториальным солнцем. Судя по ее словам, это было гораздо сложнее, чем посещение переполненных, эпидимически опасных лагерей.

- Наверное, они привыкли, - предположил я.

- В журнале прочитала, что привычка вторая натура.

- И не говорите. Они не знают, как жить по-другому.

Но дама со мной не согласилась:

- Уже знают. Мы… то есть я, им рассказала.

- Это очень смелый поступок. Я рад, что в России есть столь красивые, и столь же умные женщины. Их приятно не только видеть, но и разговаривать с ними… Между прочим, я знаю, почему у нас так однообразно.

- Почему?

- Никто не хочет слушать умных людей. Например, у вас наверняка есть масса всевозможных предложений того, как и где можно улучшить российскую жизнь. Убежден в этом. Но ведь вы не пойдете на демонстрацию или на шоу «Разбей витрину»?

- Нет, конечно. Там все так грубо и… Это плохо скажется на деловой репутации мужа. Он ведь у меня…

- Я знаю.

- И на моей…

- Но есть выход.

- Какой? - ее заинтересованность достигла апогея. Она сочла возможным повернуться ко мне всем корпусом и во всей красе продемонстрировать свое брильянтовое колье.

Раньше, давно, при царе-батюшке, в Манеже проводили полковые смотры и скакали на лошадках. Делали это утром, пока солнышко светило в окна. Военные мерились лучшей выправкой и четкостью выполнения команд. Теперь в Манеже меряются у кого больше… Славы, связей, женщин, то есть денег. Проблем с освещением нет, поэтому делают это вечером.

- Нам нужен проект, который гарантировал бы, что умные мужчины и женщины могут высказывать свой особый, такой как у вас, взгляд на общественные проблемы. - После полутемного undergroun*d*а ярость иллюминации резала глаза, а блеск драгоценностей кружил голову. - А самое главное, чтобы к их мнению прислушивались.

- Да, да. Вы правы!

- Вы… мы… создаем новые проекты, которые позволяют

стране развиваться и процветать. Когда мы не видим, что наши проекты востребованы, нам становится скучно и мы вырождаемся. Нам скучно, а страна падает в кризис.

- Да, да!

Сверкая брильянтами, она отправилась искать мужа.

Ее спина была оголена до самой попы. Весьма, между прочим, недурной попы.

Просчитывая варианты, Таня пришла к выводу, что оптимальным результатом вечера станет выход на американского посла. Тот был новичком в Москве и на дипломатической службе. Как сообщило CNN, прислали его сюда «*разгрести внешнеполитические конюшни администрации Железного Арни*». Убей Бог, не знаю, чем им там, в Америке, не понравилась республиканская администрация Шварцнегера, но «неодемы» активно обновляли международные принципы и практику Вашингтона. Начать они решили с Москвы, ибо, по словам все того же CNN «*московский политико-идеологический вызов самый значительный из тех, с какими приходилось сталкиваться американской нации с момента потери экономического лидерства*». Правда, пока наш дипломатический новичок не проявил никаких особых инициатив. Единственное интервью, с которым он успел выступить в России, обозначило в качестве его личного приоритета изучение русского языка. Судя по тому, как он коряво выговаривал «Здравствуйте» ему было далеко до феноменальных успехов Лю. Не хватало китайской упертости.

Все вместе взятое это давало возможность организовать интерес со стороны США и международных организаций к скромной персоне Василия Чапаева, ставшего жертвой… Мы еще не придумали жертвой чего. То ли бездушной, всепобеждающей бюрократии, душащей российскую демократию и свободу предпринимательства. То ли ужасной «империи зла», которая только рядится в демократические одежды соблюдения законности и свобод во всем мире. В крайнем случае, выбор терминологии можно было оставить самим американцам. Как говориться, кто платит девушку, тот ее и танцует. Ажиотажа среди российских спонсоров пока не наблюдалось.

Не было ажиотажа и вокруг посла. Он мирно стоял рядом с кормушкой и налегал на блины с черной икрой. Новичок. Еще не нажрался европейской цивилизации. Он был так увлечен, что не заметил, как в икре испачкались его черные усы. Латиноамериканская физиономия жителя штата Нью-Мексико выражала глубокое удовлетворение собой. На него не

действовали даже улыбки сероглазых блондинок. Натуральный self made мудак.

- Господин посол, я читал вашу биографию.

- В самом деле? Где?

Конечно же, нигде, но ответил я со всей возможной искренностью:

- Не помню. Секретарша приносила. Особенно меня потрясло то, как вы двенадцатилетним мальчуганом пробирались через границу США в поисках лучшей доли.

- Да, это было трудно.

Так как американец не знал английского, а я и Танька испанского в его мексиканском варианте, то переводил нам помощник посла. Помощник был афроамериканцем. Он неодобрительно косился на русских негров-официантов, гораздо более неодобрительно, чем на насыщающегося посла. Для «неодемов» Россия страна расистов.

- Это было очень трудно. Но испытания закаляют человека. В конце концов, я перебрался через Рио-Гранде. Трудности учат добиваться целей.

- Вы мечтали стать послом?

Вопрос вызвал замешательство. Недолгое.

- Я хотел хорошо жить. И чтобы также хорошо жили мои дети, родственники и соотечественники.

- Мексиканцы?

Еще одно замешательство.

- Американцы. Все. Мы все американцы. Поэтому мы должны вновь закрыть границы США для дешевой рабочей силы, которая якобы нужна нашим корпорациям. Главное для нас повысить уровень жизни и социального обеспечения рядовых американцев.

Мне показалось, что помощник перевел чуть меньше и чуть литературнее, чем сказано.

- Я совершенно с вами согласен. С этим надо что-то делать. Но, проблема России гораздо более сложная.… Америке нужна стабильность, а значит предсказуемая политическая ситуация. Мы соблюдаем набор всех необходимых правил и используем всем известный набор демократических институтов, но вряд ли наш путь можно считать тем путем, по какому завещали идти миру отцы-основатели американской демократии.

- Что?

- Я к тому, что некоторые произвольно сформулированные правила дают весьма призрачные возможности для контроля. Вот когда появиться публичная оппозиция, тогда будет меньше возможностей обходить установленные правила.

- Что?

- I`m wrote able you!

Помощник посла прекрасно знал русский. Он понял.

- Меня зовут Вася Чапаев и я мог бы объяснить русским, что значит настоящая демократия, то есть такая какая надо. Для этого нужны деньги. Много денег. Это нужно для того чтобы обновить экспортный бренд американской демократии. Придать ему более свежее звучание, сделать то, что хочет администрация «неодемов».

Посол наконец-то перестал жевать и изобразил задумчивость.

- До него дошло?

- Неуверен, - признался помощник посла. - Но до меня да.

- Слава Богу!

- Господин посол подумает о вашем предложении господин Чапаев.

Посол попытался что-то добавить к словам своего помощника, но не успел сформулировать. Объявили, что Президент не придет. Пашка сделал это сам, выступив с телеобращением к людям на Красной площади и к манежной тусовке. Он появился на экранах и сказал: «*Россияне…Мы через многое прошли… Мы многое поняли… Единение с прошлым… Примерение…*» Не больше трех минут. Еще столько же звучали фанфары и развивались флаги. Дальше все пошло как по маслу. В смысле по сценарию. Торжественно спустили блестящую обертку, и перед нами предстал очередной «Герой прошлого».

Явление культуры народу.

Героев было много. Двое крепких парней с субтильным Сашей в центре. Прозвище «Белый» никак не соответствовало его псевдобронзовой физиономии. Герои были в длинных пальто, в руках пистолеты и телефоны последних моделей – рекламное место оплачено. Только Саша Белый был вызывающе безоружен и безтелефонен. Он держал в руках ребенка. Поясняющая надпись гласила, что благодарная нация помнит монументальные образы из киноэпопеи «Бригада».

Я не смотрел этот сериал и сиквелом тоже не поинтересовался. И вообще для меня большой вопрос, зачем надо было сносить мавзолей. Был классный аттракцион – выставляли мертвеца. По-моему куда необычней, чем современные потуги с ежегодными героями. Может быть чуть скучнее, чем надо, но ведь можно устраивать гастроли, представления какие-нибудь разыгрывать. В конце концов, мертвецов может быть больше чем один.

Впрочем, людям было весело и так. На Красной площади продолжился концерт, а в Манеже дегустирование расстегаев. Национальное единение is real. Об отсутствии Президента

переживал только американский посол. Он очень хотел предложить России программу переселения мексиканцев, для которых вновь закрывались границы США. Его не смущало даже то, что у нас суровый климат и нравы.

- Вы не боитесь, что на них распространятся «преступления ненависти»? Будут ловить на улицах, как раньше черных, и бить. Особенно в провинции.

- Мы же христиане. Мы так похожи. Мы западный мир.

Я кивал и делал понимающее лицо:

- Peace, door, boll, - говорил я ему и опять кивал.

Однажды родители вытащили меня послушать «классику». Я был маленьким… лет двенадцать, ну тринадцать мне было… Ребенка хотели приобщить к вечному. Белое полотно афиши обещало, что будут играть «Времена года» Вивальди. Я не возражал.

Насторожило две вещи: во-первых, вход был бесплатный, во-вторых, концертный зал стремительно наполнялся людьми специфической внешности. Дальше странностей добавилось. Перед концертом бородатый мужчина в уморительной шапочке зажег семь свечек и долго читал молитву на нерусском языке. Мы все безропотно стояли.

Вивальди исполняли в память чего-то или кого-то и по этому поводу в зале и на сцене собралось много евреев. Да, что там много… Они все были евреями. Это обстоятельство заставило меня задуматься о собственной этно-культурной принадлежности.

Можно было спросить маму, но я боялся ее отвлечь. Она держала отца за руки, силой удерживая его в кресле. Осторожно оглядывая окружающих меня людей, я искал десять отличий себя и их, их и себя. Нос, глаза, волосы, цвет кожи. Оказалось мы очень похожи, но я все равно находил верные признаки того, что я русский. Круче! Христианин. Об этом говорили семейные походы в церковь и крестик на груди. А мое знание того, что нельзя хлопать между «весной», «летом», «осенью» и «зимой», делало из меня образованного русского христианина.

Весь концерт я просидел, представляя, как в зал врываются бритоголовые молодчики, из тех, что мелькают по телевизору, и начинают крошить любителей Вивальди в капусту… мелко, мелко. Чтобы не зацепили надо сразу падать на пол и что есть мочи кричать: «Я русский!!! Я русский!!!». Хоть какой-то шанс…

В детстве многие вещи кажутся смешными.

А если кто-нибудь ворвется в Манеж? Чтобы такое покричать?

Потому что время летит…Kodak.

Достало!

Чтобы сделать покупку нажмите…

- Слушай, а зачем тебе высшее образование?

В ответ я услышал техно-какофонию и лишь потом:

- Ало! Это кто?

- Вася это, Чапаев.

- *Привет!* - Зоенька была на дискотеке. Ей приходилось кричать.

- Здорово, здорово. Так зачем тебе высшее образование?

- Чтобы было!

- А еще?

- Ну, что я дура что ли! Без диплома ходить?!

Люминесцентные краски, белые глазные яблоки, сбившееся дыхание. В Санкт-Петербурге было весело.

- Понятно. Почему тогда французская литература?

- А что еще в жизни надо? Конторских мудаков и без меня навалом!

Как же я был с ней согласен! Я ощущал себя именно таким, именно мудаком. Это было одно из самых противных чувств, случавшихся со мной.

- С таким подходом к жизни тебе надо заняться бизнесом.

-Вась, че ты мелишь?! Где я, а где бизнес!

- Да это же просто. Помнишь в школьном учебнике по математике? Когда дроби проходили. У вас 1000 рублей. Вы хотите открыть магазин пиломатериалов. Задание на неделю – узнать стоимость материалов для постройки магазина. Доски стоят столько-то, гвозди столько-то, работники… Какая доля капитала уйдет на то-то и то-то?

- Ты это чего?

- Так у детишек формируют тягу к предпринимательству. Чтобы они не боялись хотеть и рисковать.

- Мне в СС хорошо!

- Тогда давай займемся политикой. Это примерно как в учебнике по математике, только гораздо интереснее.

- Почему?

- Объединение бизнеса и «Социального Союза». Там не только деньги и клевая компания, там еще идея есть.

- Правда?

- Не правда, а идея. И не одна, а много.

- А я тебе зачем?

- В принципе, ты мне сейчас не очень нужна, но вот, лет через несколько, когда ты получишь диплом и окончательно сменишь

имидж. Политика – это война брэндов. Твой личный брэнд вполне ничего. Не хуже и не лучше. Нуждается в коррекции и бережном выращивании. Лидеров будущего нужно искать во младенчестве… В конце концов, исторические судьбы наций определяется качеством элит, а не так называемого народа. А еще, Дядя Гурам тебе привет передает.

- Спасибо! Ему тоже respect!

- Давай, давай приезжай. Завтра же. Будем работать. Татьяна купит тебе билет, гостиницу забронирует и поговорит об оплате образования.

Танино неудовольствие было скрыто густым гримом.

- Ok!

- - Да, еще! Чуть не забыл. Никакого оружия, никаких наручников. Ok?

Ok!

Очень важно, чтобы всегда было «OK!». Гармоничное, стройное и неприкасаемое.

Начинается «OK!» с биографии, продолжается внешностью, образованием, карьерой и заканчивается семьей. В совокупности многогранный «OK!» предмет постоянной заботы и неусыпного внимания, ибо существует в единственном экземпляре и обозначает неповторимость Васи, Пети, Шуры, Маши, Тани, Клавы… Имена и фамилии не важны – это торговые марки. Важно содержание «OK!», в смысле image.

- Эдик! Эдик!

Он меня не увидел.

- Я тут! Здесь я!

Эдик не проявил особой радости. Сделал вид, что не услышал. Его байроническое одиночество должно было одновременно манить, волновать и отталкивать. Крикливая фамильярность ему явно не нравилась.

- Меня зовут Эдуард.

- Эдик, да кончай ты!

- Говорили, что тебя…

- Известия о моей творческой кончине были несколько преувеличены.

- Вижу.

- Есть дело, - сообщил я ему и подмигнул.

Эдик поморщился, но смолчал. Он тренировал свою неприступность перед зеркалом, заведя эту привычку после посещения актерских курсов. Эдик всегда твердо придерживаться заранее выбранной роли и прекрасно знал свое тусовочное место. Он сам его создал. Эдик был специалистом по созданию «ОК!».

Познакомился я с ним, когда он проводил рекламную акцию по продвижению самого себя. Искал подходы к сильным мира сего через личные неделовые контакты. Мне он позвонил по номеру правительственной связи, чтобы поинтересоваться, где я взял такую замечательную домашнюю хозяйку. Эдик был первый, кто спросил про Лю. Я смутно догадывался, что не имел чести быть представленным, но все же ответил. Скоро, незаметно для себя, я купил его услуги. Эдик сделал из мужчины, которого бросила жена, мужчину, который с женой расстался.

Тогда он был мало известен, делал все аккуратно и осторожно, много не брал и не давал. Настоящий размах начался позднее, когда он первый выпустил на рынок ценных бумаг личные акции, обеспеченные талантами и способностями человека-эмитента. Так он перестал принадлежать себе и стал принадлежать народу, обществу, своим акционерам. Даже я поддался воздействию рекламы и купил его акции. Я был хозяином части Эдика. Интересно, какой?

- Мне надо поменять имидж, типа ребрэндинг сделать.

- Тебе?

- Мне.

- Это дорого. Это очень…

- Знаю.

- И зачем?

- Ну, ты же сам говоришь, что дрянь русской повседневности мешает творить. Ну, как бы сейчас происходит гробализация культуры. К чему бы ни прикоснулись космополиты, то сразу превращается из культурной ценности в дерьмо.

Эдик смотрел на меня, как на сумасшедшего. Наверное, он меня жалел.

- Кому я это говорил?

- Всем.

- Так я это по телеку говорил.

- Ну, так и я не для театра постановку готовлю.

- Не пойму, тебе имидж менять или новый проект толкать?

- Я должен соответствовать проекту. Типа внутренний диссидент. Духовный. Подтачивал систему изнутри, считая, что ее можно изменить и жестоко ошибся. Десять лет копил раздражение и недовольство и вот… Пришло время сказать правду.

- Что сказать?!

- Ну, не всю. Так, немного.

- А я здесь причем?

- Ты проникнись! Оппозиция должна стать конструктивной, а не окна бить и демонстрации устраивать. А у тебя как раз имидж старорусского консерватора.

На самом деле у него был имидж старорусского ретрограда, но это ничего не меняло. Во-первых, сейчас никто толком не знает, что же такое консерватизм. Во-вторых, Эдуард со своим демоническим видом и папой голландцем датского происхождения лучше всего походил под образ русского интеллигента. Ни то, ни другое уже не существует и поэтому очень притягательно.

По субботам Эдик ездил на «колхозный рынок» сети «Hediard»

или «Fauchon». Так и говорил – «колхозный». Общался там с женами топ-менеджеров, страдающими шороголизмом и иногда с самими топами. Всегда покупал селедку, репчатый лук и чищеную лазером картошку. По воскресеньям ходил на прием к Богу в старообрядческую церковь. Рядился в ситцевую рубашечку с ручной вышивкой, в купеческий кафтан и картуз, который постоянно мял потными руками. Его «ОК!» был очень эклектичен.

- Мне, главное, чтобы они увидели потенциал и поверили.

- Кто?

- Ну, эти… «люди принимающие решения».

- Напиши им записку.

- Нет. Текст умер. Нужна картинка.

Эдик вздохнул. Ему явно не хотелось связываться. На его бледном лице отразилась борьба жадности с осторожностью и, кажется, жадность побеждала. Эдик очень боялся нищей старости. Копил на пенсию и примерял имидж мудрого пенсионера:

- Говорят, человек умнее телевизора.

- Скорее всего.

- Сомневаюсь.

Расходились-развозились далеко за полночь. Красная площадь еще бесновалась, а Манеж уже устал. Кровавая ковровая дорожка выводила гостей на растерзание вечных папараци. Таня, не упуская момента, откровенно над ними издевалась. Достала телефон и принялась их фотографировать с таким же азартным видом, с каким они пытались привлечь мое внимание.

- Это Вася?!!!

- Вася!!!

- Вася! Вопрос от канала «Отдых»!

- Вася посмотри сюда!!!

Менты сдержанно пытались их утихомирить. Без дубинок и газа у них не получалось. Какой-то полковник в парадной форме увещевал художников по жизни, чтобы они не напирали. На всех хватит.

- Макс!!!

- Ваши книги сожгли! Комментарии?

- Автограф, Макс!

- Макс, сволочь!!!

Мы уезжали на его машине. Макс сидел за кремлевской стеной уже довольно давно, но накопленный опыт не растерял. Он тусовщик со стажем и когда хочет может быть самой любезностью:

- Татьяна, обворожительна… Василий, посвежел… Как вечеринка? Понравилось?

Полагалось что-то сказать в ответ. Например, поблагодарить за то, что нас подвозят и все такое. Благодарить не хотелось. У нас ничего не делается просто так. На «просто» не хватает сил. От бесконечных разговоров у меня болело горло, а от долгого стояния ноги. Я устал и только потом заметил то, что мне показалось необычным в облике Макса. Он снял с левого уха кольцо и немного подстригся. Длинная неформальность волос все еще оставалась, но лишь как переходный, временный вариант.

- Вас искал твой бывший.

- …

- Бывший акционер Шнитке.

- …

- Видимо не нашел.

- …

- Говорили с американцем?

- …

- Как?

- …

- Нетерпеливые.

- …

- Не могли подождать?

Я понял, что он имеет ввиду и поэтому прервал молчание:

- Это ты Шуру отключил?

- Угу. Ночью подкрался и осчастливил страну.

- Неплохая сюжетная идея.

Макс не ответил. Надулся индюком, включил телевизор и сделал вид, что думает.

Телек показывал канал «Возмездие». Казнили террористов, которых требовали освободить поволжские вакхабиты. Государство не пошло на переговоры, отказалось отменять рейтинговую казнь и вакхабиты взорвали школу в Ярославле.

- *Скажите, что вы чувствуете перед казнью?*

- *Шакалы!…*

- *Вы раскаиваетесь?*

- Гяуры!…

- Вы не жалеете о прожитой жизни?

- Всех не перебьете! А-а-л-л-а-ах, акбар!

Охрана спускает собак. Несколько мохнатых немецких овчарок с алыми языками и белыми клыками.

- А-а-а-а-а!…

Смертники падают на землю. Собаки терзают им ноги, руки…

На разноцветных комбинезонах заключенных логотип «Beneton».

Кажется, это был повтор. Сразу после сцены с собаками показали зал с электрическим стулом от «Ikea». Один из бандитов уже подключен к розетке всем известной генерирующей компании. Во рту кляп и он что-то мычит. У него скоро задымится голова.

- Смотрите в следующей серии:

*«**Есть идея заменить “Ikea“ на расстрел.** Почему Президент задержал казнь? Проблемы введения моратория на пожизненное заключение».*

*«**Конец Европы**! **Европейская общественность** приветствовала решение России бороться с терроризмом и сепаратизмом до победного конца».*

*«**Под завалами**. Что нашли в руинах ярославской школы? Кино-фото репортаж. Приобрести**сувениры** можно…»*

*«В **небе Ярославля** взорвалось **НЛО**!»*

***Хотите знать больше?** …*

День 6. *Творчество.*

Как-то раз у меня завелись деньги, и я снял целый этаж небоскреба. Пустое пространство с редким скелетом серых колонн. Если встать в центре, в окнах сплошное небо. Ни облаков, ни солнца, ни стеклянных глазищ напротив. Там не было даже стула. Там вообще ничего не было кроме гулкого эха. Оно стало моим на сутки.

Я ходил от колонны к колонне, между, поперек, по диагонали, вдоль окон, вокруг лифтовой шахты.

↑ 23, 24, 25, 26…

Смотрел на бегущие этажи скоростного лифта.

↓ 26, 25, 24, 23…

Хотелось ощутить заратустрово вдохновение, заглянуть в бездну. Лететь мимо изумленных обитателей кабинетов и считать сколько осталось до дна.

↓ - 1, -2, -3…

Вместо этого у меня урчал живот. В утробе ворочались мысли о еде.

- А-а-а-у-у-у!!! - Кричал я сам себе, в надежде, что мне ответят.

Почему-то никто не отозвался.

На своем этаже я пробыл совсем недолго. Около сорока минут. Специально время не засекал, что-то около того. Отправился перекусить и больше к высотам не поднимался. Весь оставшийся день грелся мыслью о том, что владею куском поднебесья.

С тех пор я понял, что наличие или отсутствие мысли не зависит от размера кабинета.

Для занятий творчеством я ушел в подполье, в скит, в пустыню. Мой монастырь находился за городом, на Рублевском шоссе. Территория президентской резиденции. Ели, осины, клены. Там среди хозяйственных построек прятался цех по производству компакт-дисков. Собственно, он даже не прятался. Все кому нужно знали, что он есть и где он есть. Раз в месяц на склад привозили болванки и высококачественную бумагу. Спроси любого и любой тебе скажет, чтобы искали завхоза. Именно так поступили ребята из Интерпола. Очень они интересовались контрафактом сделанном в стенах всем известного цеха.

Завхоза звали Иван Петрович и во времена оные он офицерил на афганской границе, ловил моджахедов-контрабандистов.

- Вот это было время, - говорил завхоз значительно.

- Да! - восхищались слушатели и уходили с хорошим настроением.

После незабываемой встречи интерполицейские, наконец-то, поняли, что значит русская народная мудрость: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». Хозяева цеха могли многое. Очень гордились тем, что обеспечивают «полный цикл» производства – от дизайна до развоза по торговым точкам. В своих интервью они всячески подчеркивали, что занимаются солидным бизнесом и выполняют заказы Администрации – DVD-версия еженедельного отчета о жизни Президента и Кремля. Новейшая техника, лучшие кадры!

Лучшим был Костик. Бывший сотрудник Шоу. У нас он был главным спецом по эффектам, а потом вдруг ушел. Его даже никто не увольнял. Просто как-то раз он не вышел на работу, прислав вместо себя «мыло»:

«То, что мы делаем гадко».

Его принялись искать и вскоре нашли. Кадровикам очень понравились пограничные байки. Было весело, но с беглецом они не увиделись. Костик предпочитал электронное общение. Я не возражал, надеясь рано или поздно выяснить, чем работа на Шоу отличается от обворовывания международных медиакорпораций. Необременительная *е*-дружба.

Обитал Костик в цеховом подвале. Upgrade*нул* пульт наблюдения за производственной линией до уровня монтажной виртуального мира и баловался производством интернет-мультиков. Он редко покидал свою компьютеризированную келью, справедливо полагая, что двухметровая худая сутулость, длинноносость, сильная дальнозоркость и неумение говорить сводят вероятность успеха у женщин к нулю. К огромному, безразмерному нулю.

«Зачем тогда деньги?» - вопрошал одинокий компьютерщик из-под земли и сам же себе отвечал, - *«Лишнее беспокойство».*

Нас сблизила любовь к кофе. И желание отомстить. Так я сказал, когда, наконец-то, вошел в его бункер. Костик удивился, с сомнением посмотрел на меня поверх толстых линз очков и спросил, кому именно я хочу мстить.

- Всем. Гадам, которые там наверху и наслаждаются жизнью.
- Всем?
- Всем. Особенно бабам.
- Бабам?
- Они же тупые! Они даже не представляют насколько они

тупые! Не могут понять, что достоинство настоящего мужика не во внешности, а в уме. - Для наглядности я постучал себя по голове.

- Тупые. Тупые… - Эту новость Костик переваривал довольно долго. - А я-то думал…

- Даже не сомневайся! Дуры. Скажу тебе по секрету, это они придумали фишку с гадким, мерзким, вредным «Президент-Шоу».

- Дуры?

- Бабы.

- Да?!

- Вернее баба. Елена Анатольевна, ее зовут. Моя бывшая жена.

Костик моргнул непропорционально большими глазами и решил нарисовать про нее мультик, чтобы вывесить его в интернете на «сайт ненависти». ElenaAnatolievnaIhate. Или myths. Или shits. Или sucks. Или… Типа, если она сообразит и создаст «сайт любви», то все равно плохие новости лучше распространяются, чем хорошие. Я тут же согласился с его гениальной идеей, но попросил думать масштабнее, не ограничиваясь персоналиями.

- Ну, давай сделаем серию мультиков.

- Давай, только…

- Добавим туда разных героев.

- … только это должен быть супермультик. Всем мультам МУЛЬТ! Чтобы весь мир содрогнулся и в очередь выстроился за билетами.

- Билетами?

- …Но начнем мы не с этого.

- Начнем?

- Мы сделаем фундаментальный подкоп под эту бабскую систему.

- Мы?

- Да, Костик. Никто кроме нас!

- Нас?!

- Если не мы, то кто?

В ответ мне предложили кофе.

Создание пилотного продукта начинается с разработки основной мысли/образа/идеи. Что мы хотим этим всем сказать?

Мне виделась картина в духе старой доброй классики. Ларс наш дорогой фон Триер.

Серая земля. Степь. Вытоптанная, оставшаяся маленькими островками когда-то зеленая трава. Серые тучи с разрывами, сквозь которые видно блеклое, металлическое небо. На небе

НЕЧТО. Оно не светит, а издает малопонятные звуки. НЕЧТО похоже на обритую человеческую голову… Я подумал, что если Костика как следует откормить, то его голова вполне сойдет за нечто небесное. Оно смотрит вниз и хлопает глупыми глазами. Дождик. Слезы несчастного НЕЧТО.

Зритель вряд ли это поймет. Зритель – это масса. Масса – это женщина. А женщина любит насилие. Наша цель изнасиловать зрителя.

- Будем делать кино.

- Кино?… э-э-э… Я не…

Костик наивно полагал, что умею я. Пришлось его разочаровать. Пришлось порыться в архивах и припасть к истокам. Взять пафос Рифеншталь, издевку Ромма, хулиганство Мура. Творчески переработать на современном материале и никакого плагиата. Кто-нибудь еще?… Нет времени. Будем делать кино.

- *Тыче?!!!*

- *I`m гостof world!*

- *Пусти!*

- *A who есть ты?* - Рыжий мужик попытался пощупать Зоеньку за грудь и схлопотал по роже.

- *Тебе нравиться в России?*

- *This city is peace of shit!*

- *Я тебя про Россию спрашиваю, сволочь западная!*

- *Fuck you self!*

Зоенька была неграмотная, но в пределах общедоступного понимала. Рыжий получил по носу и упал на кафельный пол туалета. Не знаю, где она нарыла такого кадра, но он здорово подходил для того, чтобы гневно спросить «Доколе?»

- *Я тьебе ту… Му душу даю…*

- *Да, на кой ляд мне твоя душа. Ты мне ответь, что тебе, скотина, в России нравится?*

- …

- *Ну!*

Англичанин оперся о край унитаза и кряхтя поднялся:

- *Freedom and woman.*

Его руки опять потянулись к девичьим грудям. Он был заметно выше хрупкой Зоеньки, казалось, что ее хотят не облапать, а задушить. Джек-потрошитель вернулся. Русская гастроль.

Зоя не удержалась и врезала ему между ног. Удар получился слабенький. Чувствовалось, что каблуки ей в новинку. Да и

деловой костюм с глубоким секретарским разрезом тоже. Наверное, жалела, что не в говнодавах и без кожаной куртки.

- *А это… Как блин это…* - Она не вспомнила, что я велел спрашивать и достала бумажку. - *Гражданское общество. У нас есть гражданское общество?*

- *О!… These women.*

Джек принялся блевать.

Я некоторое время наблюдал за тем, как из него вываливается завтрак… или обед…, а потом перекрутил файл на начало…

СОХРАНИТЬ КАК…

…и отправил в папку «Лучшее».

Эдик жертвенность Зоеньки не оценил. Он сидел с кислой миной на диване, лечь на который было моим ежесекундным желанием. Всем своим видом Эдик показывал фирменную невозмутимость и дикую усталость.

Его утомил трафик. Он должен был приехать гораздо раньше, но решил заскочить домой в Плещеево, не рассчитал время и попал в пробку на Новорижском. Рванул в объезд по Рублевке, хотя наверняка знал, что и там огромный затор из Мерседесов. Такой город. Мегаполис. Который год хотят расширять трассы и делать мост на Новоогарево. Говорят, проблема в том, что мост испортит вид Москвы-реки.

- Что, забыл, где живешь?

Конечно, Эдик не забыл. Более того, он искренне верил, что все делал правильно. То есть как всегда. Так бывает. Когда надо, но очень не хочется, ты вроде делаешь и не делаешь одновременно. Сам считаешь, что все в порядке, а вот окружающие видят, что нет.

- Ты работать будешь?

- Не первый год замужем. Раз взялся, то сделаю.

- Ну-ну.

Фильм не клеился. Костик, развесивший в стороны свои уши, ничего не понимал. Он беспомощно смотрел то на дергающегося меня, то на представительного Эдуарда и все время норовил заняться любимой мультипликацией. Я понимал, что мы теряем драгоценное время. Надо было идти другим путем. Путем от противного… зрителя.

- Почему люди смотрят телевизор? Нет! Не так! Почему люди смотрят всякие там «Президент-Шоу»?

- Потому что сейчас это самое главное Шоу в стране.

- Правильно! В этом его преимущество и его слабость. Все

хотят нечто умопомрачительное, феерическое, правдиво-роскошное, теребящее нервы и душу. Но как только они узнают, сколько это будет стоить денег и нервов, каких масштабов достигнут проблемы с комплексом маленького человека, то сразу говорят нет, спасибо, ешьте сами и остаются на привычном, а главное понятном Шоу. Эдик, вот ты, когда смотришь TV, ты хочешь узнать что-нибудь новенькое? Например, правду?

- Хочу. И поэтому смотрю Walt Disney Channel.

- Каждый хочет свою правду. Слышишь? Свою! И только ее! Привычную, спокойную, нежную. Если дать зрителю то чего он хочет по приемлемой цене, то он сожрет и попросит добавки. В такие моменты у телечеловека атрофируются все вкусовые рецепторы, он верит в им же самим выдуманного фантома, да еще и деньги за это платит. Останется подбрасывать куски высококачественного дерьма, то есть продукта, и внимательно следить за технологией. Если мы, сказав нужную им правду, в следующий раз покажем неправду, у зрителя палец на нашей кнопке не задержится. Переключит.

- Все что ты говоришь, называется «Голландский синдром». - Эдуард много читал и занимался самообразованием в области профессиональных интересов. - Ты еще не стал заложником зрителя, но уже заболел. Сколько раз всякого рода теле-передвижники пытались заигрывать с народом посредством интерактива? Бессчетно. И ничего из этого не выходило, до тех пор, пока не изобрели застеколье. Вот и получается, что кроме этого самого застеколья никакой аморфной правды нет. Ее вообще нет!

- Есть! Она другая! О ней забыли! О ней никто не может ничего сказать, потому что ее чувствуют, а не знают. Ее хотят найти, переключая каналы. Не находят на одном и бегут на другой. Ты думаешь, почему толпы придурков шарахаются по площадям и улицам во время шоу «Разбей витрину»?

- Постой, дай угадаю. - Судя по лицу, Эдик собирался чихнуть. - Неужели ищут правду?! Ха-ха-ха!!!

- Да! И не находят! Им надо ее дать.

- И они сразу перестанут бить витрины?

- Да, не в этом дело! Их надо зарядить идеями.

- Боже мой! Какими еще идеями?!

Основанными на реальности, а не на фантомах.

Лю прислала файлик менее экспресивный и гораздо более аккуратный, чем у Зоеньки. Она послушно выполнила все то, что было велено. Ей прикрепили скрытые камеры и она пошла

опрашивать деловых середнячков в политкорректный City.

- Вам нравиться Россия?

- Э-э-э…

- Вам нравиться Россия?

- Что?

- Вам нравиться Россия?

- Да.

Лю заучила наизусть все нужные мне вопросы и как попка повторяла их беловоротничковым людям. Удивительно, но разговорить удалось третьего по счету.

- Что вам нравиться в России?

- Ну-у-у…

- Свобода?

- Да.

- Возможности?

- Да.

- Удобство жизни?

- Да.

- В чем оно выражается?

- Ну, как вам сказать…- Что сказать он так и не придумал.

- Что вас пугает?

- Инфляция.

Кроме этого его пугали эпидемии в Юго-Восточной Азии, из-за которых он не может поехать туда в отпуск, возможность увольнения, из-за экономического кризиса, будущее детей и импотенция. Лю спросила прямо:

- Вас пугает импотенция?

- !!!?

- Очень?

«ДА-да-дадададада-да-ДА!!!!»

Его переменившееся лицо было самим олицетворением мужских страхов:

- Извините, я не буду отвечать на этот вопрос.

После столь интимного ответа большинство опрашиваемых спешило по делам. Мало кто мог осмысленно сказать, что ему нравиться, но все с радостью говорили, что бояться. По-моему нам не важно чего бояться. Войны, соседей, тещи, начальника, показаться смешным, жалким, глупым. Да мало ли! Важно бояться.

- …

- Не знаю, что такое гражданское общество, но если мне будет здесь неудобно, я постараюсь отсюда уехать.

Неудобно что?

Бояться?

- Я где-то читал, что избыточное количество товаров вредно для человека. Среднее человеческое сознание не может справиться более чем с семью понятиями одновременно. Наш мозг жаждет простоты, потому что слишком большой выбор ведет к фрустрации. Товаров много, а выбора нет. Это доставляет страдания. Душевные. Если подойти к идеям, идеологиям и всяким другим разным философиям с точки зрения маркетинга, то большое количество идей так же неестественно.

- Вредно, - глубокомысленно добавил я и все-таки нажал СОХРАНИТЬ КАК… Синенькие вагончики унесли файлик Лю в папку «Лучшее».

- Мы остановились на последствиях. - Эдик настолько адаптировался в полутемной каморке, что счел возможным снять пиджак и ослабить галстук. - Как ты себе представляешь реализацию нашего понимания того, что у них…

- У кого?

- Ну, типа, у народа, - Эдик неопределенно помахал рукой. - У них фрустрация, но сами они об этом не догадываются.

- Вот-вот. Мы подошли к самой сути. Темп жизни и количество товарно-информационного мусора растет, а значит, растет потребность в чем-то настоящем, реальном, подлинном, чистом и конкретном. Потребность в чувствах, а не в знании, которое стало неестественно рациональным, а мы с тобой знаем, что весь мир рационализировать невозможно.

- Экий ты мечтатель.

- Практик! Как мы делали «Президент-Шоу»? Очень просто. Был заказ на управляемость, были проектные ограничения по финансам, срокам, персоналиям и другая шняга. Эмоциональную составляющую мы довыдумывали уже потом, навязывая ее зрителям и увеличивая их психологическую неустойчивость. Сейчас мы с тобой в уникальной ситуации. Сначала выберем работоспособную легенду, миф, а затем подготовим под нее продукт.

- Это ты про «Нравится ли вам Россия»? - Эдик вложил в вопрос максимум сарказма.

- Ну, да. - Я вложил в ответ максимум простоты.

- Лопух! Таких умных, да прытких.…

- Знаю. Было много.

- …на столбах вещали.

- Так то раньше. При президенте Горохе. Тогда еще и России настоящей не было. Были какие-то… то ли русские, то ли советские. Теперь мы все россияне. Древнейшая историческая

общность, существующая на земле. И при этом совершенно новая. NEW! Сколько лет прошло с тех пор, когда у нас появилась new-Россия? А сколько лет с тех пор, когда мы стали осознавать себя особенными? Не больше десяти. С тех самых пор, когда у нас появилось «Президент-Шоу» и новая избирательная вертикаль. Мы создали новых людей. Я их создал. Теперь им надо вложить в голову мысли.

- А я-то думал, у тебя что-то оригинальное родилось.

- Да, не оригинально. - Я кивнул, хотя мне этого не хотелось. - Зато практично и просто. Идеям нужно вернуть смысл, чтобы люди…

- Типа народ?

- Ну, да. Чтобы народ смог оглянуться в прошлое, понять самого себя и потом, только потом понимать других. Наш новый проект будет использовать ценности и героические примеры, имеющие твердые основы в людском сознании, а самое главное имеющие будущее. Вот, например, россияне считаются страшно демократичными людьми. Это доказывает популярность «Президент-Шоу» и всеобщая любовь к выбранному Президенту. Никуда Россия от демократического Шоу не денется. Это наше будущее, которое мы хотим и любим. Но эта любовь какая-то односторонняя, пассивная она какая-то. Президент поет хиты, кричит со сцены: «Спасибо! Я с вами! Я вас люблю! Я такой же, как вы!». Публика ему рукоплещет и на этом акт любви заканчивается. Нет продолжения. Обратной связи нет. На самом деле, мы занимаемся не любовью, а онанизмом. Такое ощущение, что мы живем в браке вот уже 25 лет и наперед знаем, что друг другу скажем, что подумаем, что сделаем. Даже Камасутра нас не радует. Сплошная пастила и гламур. Народ подзабыл, что Президента не обязательно любить. Можно, например, ненавидеть.

- Тихонько.

- Вот-вот! Это неправильно! Да и потом… Кто сказал, что есть только любовь-ненависть. Есть масса других эмоций: злость, страх, брезгливость, уважение, ужас…

- Они подразумеваются.

- Но они не публичны! Значит, их не существует!

- Ты считаешь, что сделать это просто?

С точки зрения технологии? Очень.

Смелая Татьяна обрабатывала старшее поколение. Она никого и ничего не боялась.

Вечные бабульки наблюдали за потомками, копошащимися в

песочнице. Раз куличик, два куличик… Тяга к созиданию. Раз пинок, два пинок… Тяга к разрушению.

- Что вы желаете своим внукам?

- Счастья. Любви. Чтобы все было хорошо.

- Что вы желаете себе?

- Ну, мы уж… Свое пожили. Да. Вот съездим в Европу отдохнуть и… Пожили. Да.

- Пенсии?

- Да! Да! Да!

- Побольше?

- Да! Да! Да!

- Вы знаете о сокращении числа работоспособного населения?

- Стариков много! Да. Да. Очень много.

- Значит вы поддерживаете политику «открытых границ»?

- ???

- Чтобы люди к нам свободно приезжали работать.

- Нет! Нет! Черных много. Да. Да. Жить не возможно.

- А кто вам платит пенсии?

- Как кто? Государство... Дети помогают. Мы же их вырастили.

- Термин «накопительная система» вам ничего не говорит?

Бабульки дружно пожали плечами и вспомнили, что вот раньше… Когда был один большой Сбербанк… и вода была мокрее, и никто не заботился о будущем. Все мечтали стать миллионерами или хотя бы заработать недвижимость на Кипре.

Раз куличик, два куличик… Раз пинок, два пинок…

Потомки еще не знали, что им придется заботиться о своих предках.

- Изменить сознание невозможно. Или очень трудно и дорого, что синоним слова «невозможно». - Эдуард дошел до стадии, когда категоричность становится единственным аргументом.

- Господи, ну до чего ты упрямый!

- Я осторожный, - поправил меня Эдик и, в общем, я с ним согласился.

Помню, как-то в Марселе один алжирец попросил отвести посылку на парижский адрес. Предлагал оплатить билет и добавить сверху. Мой приятель согласился и оказался на нарах за хранение и транспортировку наркотиков. Несмотря на страстное желание заработать я отказался и пошел в официанты.

- Слушай, а давай ты на все это наплюешь, а я займусь чем-нибудь другим?

- Не-е-е. Не пойдет. Я боюсь, что… - Мне ясно вспомнился

запах на кухне ресторана «Максим». Если бы мне опять дали в руки поднос… - Я больше ничего не умею.

- И ты только потому, что больше ничего не умеешь, собираешься поставить под сомнение государственную и общественную интерпретацию прошлого, настоящего и будущего?

- Нет. Я хочу, чтобы у людей появился выбор. Мир существует на альтернативах. Значит, надо предложить альтернативу существующей системе интерпретаций. Люди не хотят голосовать, стареют и вообще они неместные. Как выход мы снижаем планку возрастного ограничения для голосующих до десяти лет, превращаем выборы в откровенно-публичную игру и делаем россиянами всех, кто признает ценности российского образа жизни.

- Тогда нашей альтернативой такому благолепию будет требование вернуть возрастной ценз, скажем на уровень двадцати лет, восстановить прямое тайное голосование, а всех неместных… - Эдик полоснул себя по горлу. - Россия для русских!

- Точно. Мы должны стать идейной оппозицией. Не в смысле «он дурак, у него трусы в ромашку», а потому что мы…

- Ну-ну. Кто мы?

Думал я долго. Очень.

Родилась мысль создать reality «Правда». Снимать жизнь в трехкомнатной квартире старого панельного дома, в общаге, в казарме, в крестьянском… как его, блин? …коттедже. Покажем правду. Соединим не тела, а время. Покажем бытие страны.

- Понимаешь, старик, - вздохнул Эдик, - все, что ты предлагаешь обыкновенный интеллектуальный понос. Практик, блин… Кому? Скажи, кому будет интересно ходить голосовать на избирательные участки, обсуждать проблемы недостаточной капитализации российского hi-tech и другое прочее? Большинство населения этой необъятной страны даже не знает, зачем это нужно и что это такое. А вот, сколько у тебя внебрачных детей хотят знать все. Да что там рассуждать, если у нас бо́льшая часть граждан не могут полноценно говорить по-русски.

- Это здесь причем?

- При том, что так называемое «гражданское общество», о котором ты вспомнил, давно уже устарело. Прошлый век. Знаем, еще в школе проходили. Строили его строили, и оказалось слишком много опций, потребитель в них не разобрался и не научился пользоваться. Не смог прочесть инструкцию.

- Может, реклама была слабая?

- Все может быть, но сейчас лежалый товар никто не возьмет. Зачем он нужен, если ВВП удвоили, голодных накормили, сирых да убогих пригрели и вообще жить стало удобнее? Вот тебе

хочется бороться за изменение ставки рефинансирования? Или за жизнь популяции пингвинов на Фолклендских островах?

- Что я пингвин что ли?

- И я тоже на них плевал. Точно так же как и на массу других якобы важных проблем. Так что давай-ка дурака не валять и не изобретать велосипед. Ты прекрасно знаешь, что государство и народ может обходиться без всякого общества. Стадо! Гражданское общество – это много стад, которые конкурируют друг с другом за жизненное пространство и ресурсы. И мне совсем не нравится, когда йоркширские коровы мешаются с орловскими рысаками на одном пастбище.

- Это ты что ли рысак?

- Ну, ты у нас на корову тоже не слишком похож. Сам! Ты сам участвовал в создании нашей системы прямого народовластия, а сейчас хочешь притвориться Дон Кихотом.

Я представил себя в рыцарских латах и на белом коне. Я промолчал.

- Чудненько. Тогда давай думать о том, как нам получить выход к потребителю, раскрутиться, собрать фэнов, рекламные заказы и всякое такое.

- Предлагаю название «Оппозиция».

- В нем нет посыла к действию, нет загадочности.

- «Импичмент-Шоу».

- Как-то не по-российски звучит. Мы ж-таки россияне или нет? Пусть будет «Тень».

- Как?

- «Тень»… Мы, типа народ, тенью следим за вами.

- За кем? - к своему стыду, я не сразу понял, что Эдик имел ввиду.

- За всеми, кто победил. Мы делаем шоу для проигравших, для looser*ов*, которые внимательно следят за теми кто победил. Мы черно-серые Бэтмэны, скромные Супермэны, черепашки-ниндзя из канализации. Мы защищаем сирых и убогих, которые голосовали-голосовали, но не выголосовали своих любимчиков. Они обижены, они расстроены, они знают тех, кто им нужен. Нам даже вкладываться не придется. Берем озвездившихся looser*ов* и помещаем их в иные условия. Они будут делать все тоже самое, что и победители только с другими песнями. Президент поет «Таганка», а наш телемудак сбацает для тех, кто недоволен президентским хитом «Страсти по Матфею». Президенту нравятся блондинки, а теневику жгучие брюнетки. Первыми мы не будем, но вот вторыми станем точно. Это место уже создано и, слава Богу, не нами, остается его занять. Свято место, как говориться…

Мне очень хотелось быть number ONE:

- По-другому никак?

- По-другому без меня. По-другому на страницах книг по гражданским правам, в кино о справедливости и где-нибудь в Страсбургском суде. Со мной только так. Либо мы будем отличаться, либо сдохнем.

I'm number TWO. Постоянно. Даже делая свой первый фильм.

Тогда в Италии, на съемках всем распоряжался Шура. Я еще пытался сопротивляться, но стоило на площадке появиться моей будущей жене, воля и амбиции творца быстро уносились свежим бризом. Лена выступала в роли сурового заказчика, а я в образе влюбленного дурака. Я делал фильм для будущего тестя.

Вино, жара, море. Вино было терпким, радостным, беззаботным. Таким же, как пьяцо с важными итальянскими пенсионерами и безработными, которые сидели в кофейнях и рассуждали о мироздании, о взрыве сверхновой, о кварках… На самом деле они болтали о футболе и о семейных проблемах какого-то Джузеппе. Говорили, что оный Джузи, работая экскурсоводом, встретил умопомрачительную туристку из непонятно откуда и от любви собирался броситься с самой высокой городской башни.

Я смотрел на средневековые небоскребы – памятники семейным амбициям. Я слушал неспешный спор аборигенов о том, какая из них древнее и выше.

Башни стояли очень близко друг к другу. Какой-нибудь местный Капулетти залезал на самый верх и кричал соседу:

- Эй-ге-ге-гей-гей-гей!

- Сам ты гей-гей-гей-ей-ей! - отвечал местный Монтекки и между ними начиналась кровавая междоусобица.

Лена, слушая мою отсебятину мило улыбалась и заявляла, что на глупости нет денег. Наш фильм был о временах, когда мелочные распри были забыты. Какая разница, гей ты или натурал, если на твой образ жизни и мысли покусились турецкие пираты. Они врывались в провинциально-тихий городок, грабили монастырь, насиловали прямо на алтаре не разбираясь кто Капулетти, кто Монтекки. Никакой цензуры, никаких символов, все прямым текстом. Итальянцы должны были пожалеть, что Стамбул стал одним из европейских городов.

- Это неправда! - возмущался местный профессор истории. - Это… Это…

Я хлопал его по плечу и говорил, что его консультация была по-настоящему неоценима. Фильм получился жаркий, терпкий и убедительный. Такой же, как вино.

Почему-то тогда я совсем не переживал, что был вторым.

- Слышь, чувак! Ты за кого голосовал в последнем Шоу?

- Ну-у-у… - Чуваку было лет десять - одиннадцать. В биологическом смысле он был ребенком. *- Это… Как бы…*

- Ты работать начал?

- Да. На образование собираю. Это… Я социально взрослый.

- А голосовать ходил?

- Ну это… Я с парнями чатился и там реклама была…Типа. Голосуй и занимайся сексом… или голосовать - это сексуально…

- Ты зарегистрировался как избиратель?

- Как бы да… - Социально взрослый мальчишка стремительно покраснел. *- Да не помню я. Мне на работе проблем хватает. Пива выпить времени нет, а ты тут…*

- А как относится к твоей политической активности девушка?

- Какая девушка?

- Твоя, тупица.

Парень махнул рукой и продолжил движение к ларьку.

- Если ты не будешь голосовать, у тебя никогда не будет девушки.

- Дура, бля! У меня есть… Она голосовала за другого.

- Ты хоть знаешь о каком Шоу речь?

- Да какая разница! Говно это все!

- Зато прокольное! - крикнула ему Зоя и словила щербатую улыбку в ответ.

СОХРАНИТЬ КАК…

…«Лучшее».

Если улыбку переделать в гримасу злости, то фраза «Говно это все!» прозвучит гораздо убедительнее и реалистичнее.

День 7, *когда все началось.*

Ради Шуры депутаты «Дума-Шоу» изменили Конституцию. На одни сутки. Разрешили потенциальным Президентам выйти в люди, чтобы похоронить отца-основателя политического Застеколья. Все сделали необычайно быстро и совершенно неожиданно.

- Шура жил! Шура жив! Шура будет жить!

Застекольщики стояли у гроба в почетном карауле, потом присутствовали на гражданской панихиде. Мало кто решился создавать конкуренцию выпущенным в свет Кандидатам и Кандидаткам. Некоторые плакали. Камеры не сводили с них глаз.

- Говорит и показывает Москва! Говорит и показывает Интервидение!

Основная часть модных приехала на вынос и тусовалась перед Кремлевским колонным залом. На меня смотрели, узнавали, улыбались и не подходили.

Таня раздобыла чернобумажную программку, в которой сообщалось, что будет кордебалет, концерт с как бы траурными песнями «…в память о величайшем художественном гении России» и ночной салют на 30 минут. Из динамиков на улицах выливалась грусть и мягкость прошлого. Та самая, которую я заказал Гоше Убойному в Петербурге. Взял пару заготовок и тяпляп. Люди внимали, восхищались, вспоминали хохмача покойника и делились планами на week-end. Ждали Президента. Я был готов поспорить, что тот приедет только к последнему акту. То есть туда, куда не повезут застекольщиков и где телевнимание достанется только ему.

- Здорово Василий Иванович.

Этот голос я узнал бы из тысяч. Я его ненавидел.

- Здорово, говорю.

- Привет, привет. - Что ли морду ему набить? - Искренне рад тебя видеть.

- Вась, и чего ты меня не любишь?

О-о-о! Это еще слабо сказано. Я его буквально не выносил. Ироничный, насмехающийся изгиб бровей над рыжими кошачьими глазами. Копна черных волос и тонкие французские усики. Он курил длинные сигариллы и говорил с легким грассированием. Типа нерусский. Сволочь! Всякий раз как я его видел у меня начинали трястись руки. Так бы и врезал ему. Сука!

- Информированные люди доносят, что ты всякий раз записываешь наши с тобой милые беседы. Правда?

- Танька записывает, - не сознался я и нажал «REC».

- Да-а-а. Совсем с катушек съезжаешь. Давно?

- С самого начала.

- И еще, говорят, что ты держишь меня исключительно за козла.

- Ты в зеркало посмотрись. Козел и есть.

- Ничего. Это лечиться. - Козел погладил свои тонкие усики. Прятал улыбку.

Спроси он меня, с чего все началось, я бы ему не ответил. Не помню. Скорее ничего и не было. Инстинкт животного, чувствующего инородную особь. Не надо никаких причин и поводов, ты начинаешь ненавидеть человека потому что он живет, дышит, думает и даже, черт его подери, говорит дельные вещи. Особенно я не любил его ямочку на подбородке. Одна приятельница сказала, что это очень сексуально, так я ее чуть не убил в истерике.

Козел оглянулся по сторонам, посмотрел на огромный портрет Шуры, укрепленный на белых колоннах, и предложил:

- Я, конечно, совсем не понимаю, почему ты мудишь и чем я тебе насолил, но мы же взрослые люди. Мы теперь не конкуренты. Шура в гробу, тебя вышибли из компании. Давай работать вместе.

Взять бы голову Козла и постучать ею о кремлевскую брусчатку. Так чтобы его наглость, самомнение, самолюбование, чванство разлетелись в сторону вместе с мозгами.

Ох, как же мне нравится наша игра! Как же мне нравится его ненавидеть!

- Ты, вообще, понял, что сказал?

- А чего такого? Нормальная практика. Будешь работать на СТС. Нам надо раскручивать «Верховный суд». В конце концов, это была ваша идея. Шуры и твоя. Классная, между прочим, идея.

- Ах, ты…! Козел!

- Тише! Люди вокруг.

- Да, я…!

- Ты подумай.

- … - Мои эпитеты в адрес Козла потонули в людском гомоне. Из зала, наконец-то, вынесли труп. Восемь преображенцев тащили на своих могучих плечах сооружение, которое чье-то больное воображение считало гробом. Комментаторы говорили, что Шура был умиротворяющее спокоен и благороден. Резные завитушки и темно-коричневый лак на красном дереве были материальным олицетворением потустороннего благородства.

Мы двинулись вслед за Шурой, окончательно превратившись в процессию. По толпе скучающе-скорбящих разбежались

журналисты. Интересовались мнением об усопшем, о похоронах, о недавнем открытии памятника Герою.

«Что вы сейчас чувствуете?» - ненавязчиво спрашивали меня и натыкались на гробовое молчание. Шура всегда мечтал быть первым, лидером, вожаком. Его мечта осуществилась. Российская элита шла за Шурой, провожая его в последний путь. Я пытался изобразить печаль, но почему-то твердо знал, что ничего кроме каменноликости у меня не получается.

Через каждые десять метров по трассе стояли солдаты. Между солдатиками были люди. Много людей. Они смотрели на караул мотоциклистов, броневики охраны и вереницу пафосных лимузинов, среди которых затерялся мой черный «мерин». Ехали не торопясь, не больше 60 км в час.

Впереди всех катил оранжевый телевизионный микроавтобус. Эфир сообщил, что это «любимая рабочая машина Шуры». Она везла лафет с гробом. Как только микроавтобус приближался к светодиодным панелям, появлялось жизнерадостное лицо Шуры: «Мы помним!», замирало на три – четыре секунды и вновь сменялось веселенькой рекламой.

Смотрите «ВЕРХОВНЫЙ СУД» на СТС.

В завещании Шура просил, чтобы ему не строили мавзолей и не делали помпезные похороны. Все должно было быть сделано скромно и со вкусом: сжечь на костре, а прах развеять над страной. Сделали, как просил. За МКАДом нашли типичную восточноевропейскую поляну, построили трибуны, сложили костер. Получилось живописно и скромно. Панихиду служил Патриарх.

- А он это… - Я не был твердо уверен, какой рукой надо креститься и в какой момент кланяться. Так в общих чертах. - Он вообще православный?

- Патриарх?

- Шура.

Таня выразила удивление моим интересом и показала, что крестятся левой рукой и двумя или… нет, тремя пальцами. Я попробовал, даже поклонился. Получилось крайне неловко.

- Это надо делать стоя, - уточнила Татьяна.

Кроме нее никто из зрителей этого не знал. Все пассивно сидели по местам и наблюдали. У некоторых были бинокли. Стояли только участники «Шоу-Министры» и «Дума-Шоу». Им достались места в партере, ближе всех к костру и Патриарху.

- Все-таки, мне кажется, нет.

- Что, нет?

- Да, говорю, не православный он был. Католик… или униат.

Таня хмыкнула и выразилась в том смысле, что никакому болвану не придет в голову хоронить личность национального значения не по православному обряду. Будь он даже сатанист.

- А родственники? - уточнил я.

- Где ты видишь родственников?

- Нигде.

- Еще вопросы?

Вопросов не было. Я с большим сомнением отнесся к Таниным объяснениям, но предпочел сосредоточиться на позолоченном Патриархе и других попах, которые непонятно что делали и говорили. Болваны похоронщики не додумались поставить экраны с телетекстом.

Наверное, я бы сдох от тоски, если бы ко мне не пробрался Эдик.

- У тебя сегодня интервью.

- Так быстро?

- Я договорился. Будешь рассуждать о культуре.

От неожиданности я перекрестился правой рукой.

- О политической культуре, - уточнил Эдик. - Не дрефь. Все будет тип-топ. Я не только договорился, но и подумал. Культура есть система табу. Это как в Африке, не есть соплеменников, не иметь… словом, не есть чего-нибудь еще. Современное состояние российского… русского… э-э-этого… в общем, нашего… нашей… в общем, России яркий пример того, что наши национальные…

- Какие?

- Национальные. А что?

- Подумалось.

- Так вот. Наши национальные табу стремительно разрушаются. Я хочу сказать, что если нам, в смысле людям, станет все позволено, то мы, в смысле россияне, перестанем существовать как самостоятельная культурная единица на планете Земля.

- Очень глобально и совершенно бессмысленно. Ты сам всю сознательную жизнь занимался тем, что разрушал табу. У кого ты списал этот бред?

- Нет, родной, это не бред, а твое мировоззрение. А если даже и бред, то уже твой. - Эдик протянул мне бумажки с наброском «моих» мыслей. - Прочитай и по возможности запомни. Наша ближайшая задача – подвести под нашу с тобой оппозицию хоть какую-нибудь философскую базу.

- И какую же?

- Да. Мы… Ты… Словом, они… Разрушали российские

культурные табу. - Эдик мотнул головой в сторону зрелища. Патриарх как раз закончил свои хождения вокруг погребального костра и отошел. Дрова быстро занялись огнем. - Разрушали. Но, уничтожая вековые, нельзя на их место поставить новодел. Не в одночасье. Десятилетия, столетия пройти должны, а у нас срок окупаемости максимум к концу сезона. И потом, человеку нельзя запретить быть тем, кем он является. А мы, россияне, спокон веков хотим цензуры, свободы, порядка, открытости, прошлого, будущего, комфорта, великой идеи, за которую можно отдать жизнь и чтобы этого никто не требовал. И самое главное, что мы хотим этого одновременно, а значит ни одно из этих желаний неосуществимо. Всеобщее бессилие.

- Об этом буду говорить я?!

- Не обязательно, но примерно. С большим акцентом на цензуру, порядок и прошлое. Так что давай сразу после похорон в студию. Главное не забывай, что мы будущая оппозиция. Как бы.

Я не забывал, но привыкнуть к ощущению внесистемности было трудно. Также трудно, как к тому, что со мной нет Шуры. Его остатки стремительно возносились на небо легким белым дымком. Над нами парили аранжировка от Игоря Убойного и легкий винный запах от ароматизированных дров. Был человек, нет человека. Огонь разгорелся настолько сильно, что стоящие близко к нему «друзья» и «почитатели» стихийно качнулись назад.

Вот, если бы Шуру сжигали ночью или хотя бы на закате было бы гораздо зрелищней. А потом сразу траурный салют.

Когда прогорел погребальный костер, сообщили, что так и не появившийся Президент лично разбросает прах покойного со своего VIP-самолета «Россия». Желающие присутствовать могут забронировать место по адресу www.president…

- Работаем на счет три! И раз! Два! Три!

- Привет, Женя. Привет всем.

Загорается табличка «Овации». Студийная массовка делает овации. В кадр тут же выскочили пышногрудые девицы из группы поддержки.

ЛЮБОЙ ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР ВАМ СКРАСЯТ СОКИ И НЕКТАРЫ «J7»!!! Продукция компании «Вимм-Билль-Данн».

- Здравствуйте, уважаемый Василий Иванович. - Теплое дружеское рукопожатие, приветливая улыбка, серьезные глаза блеском отражают искренность чувств многомиллионной аудитории. - В гостях у ток-шоу «Тяжелый разговор», человек который уже не нуждается в представлении. Вася Чапаев, канал

«Единственный» приветствует вас.

- Да, да. Здравствуйте.

Табличка «Аплодисменты».

- Жаль, что мы встречаемся при столь трагических обстоятельствах. Случайность с Шурой, вы стали его приемником, потом вас скандально уволили. Вас узнала вся страна.

- Да, дерьмо это все!

- Как?! - По студии прокатились многочисленные вздохи, а выражение лица Жени модифицировалась из доброжелательного в недоумевающее.

- Дерьмо! На самом деле Шурка очень вовремя скопытился.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ ЭТОЙ НЕДЕЛИ ВЫБИРАЕТ СОКИ И НЕКТАРЫ «J7»!!! Продукция компании «Вимм-Билль-Данн».

Пока сиськастые девчонки отрабатывали свои па, на меня накинулся Женя:

- Васька, мудак! Что ты делаешь?! У нас прямое вещание! Тут тебе, бля, не для быдла передачка! Здесь с серьезными людьми базарят!

- Заткнись, говнюк!

- Да я тебя, суку, в порошок сотру!

- В гробу я тебя видел!

За столь милой беседой нас застал эфир.

Как потом рассказывала Танька, после слова «говнюк» отдел маркетинга отметил рост интереса зрительской аудитории.

- Итак, мы продолжаем. - На сей раз, Женя улыбался жизнерадостно.

Аплодисменты.

- Вася, недавно вы были в Петербурге и открыли проект по демократизации регионов. Не изменилось ли ваше мнение после столь печальных событий?

- Да, какие к свиньям собачьим «печальные события»?! - Женя в очередной раз потянулся к стакану с апельсиновым соком. - Погоди, погоди с рекламой! Это ПотреБЛЯТСТВО, на котором мы зарабатываем деньги, создаем рабочие места и платим налоги. Мы все хотим трахаться, жрать, отдыхать, есть и пить. Все, что удовлетворяет наши желания – это продукт продажи. Значит, чтобы продать необходимо человеческое хотение купить. Подчеркиваю!!!…

На экране суфлера слово «подчеркиваю» было действительно подчеркнуто. Я не нашел ничего лучшего и просто его прокричал. Два раза.

- Я подчеркиваю!!! Не завоевать, не выпросить и уж тем более не заработать. Именно купить. Получить подробный чек и почувствовать свою независимость. Почувствовать способность

ненавязчиво повелевать окружающим миром и собой в этом мире. Не отходя от кассы. Воплотить себя и свои мечты об идеальной жизни в вещах, которые лежат на полках супермаркета или, которые тебе пришлют сразу, после того как ты сообщишь номер кредитки.

Овации зрителей, переходящие в затихающие аплодисменты.

ВСЕ КРАСКИ МИРА В СОКАХ И НЕКТАРАХ «J7»!!!…

Как только выбежали рекламные девицы, Женя сорвался со своего места и бросился ко мне:

- Из-за тебя, урода, нам программу закроют!

У него получилась довольно звонкая и больная пощечина. Он не дал мне подняться с кресла, придавив своим животиком.

Студийная массовка заулюлюкала.

… Продукция компании «Вимм-Билль-Данн».

- Уберите его от меня! - кричал я, но так и не получил помощи. На таких серьезных аналитических передачах не держат штатных вышибал. Комплекцией с Женей я конкурировать не мог и поэтому пошел на крайние меры.

«*Приносим извинения за временные технические трудности*».

- И все же мы должны довести передачу до конца.- Женя платком закрывал подбитый глаз.

- Ну, несомненно, - кивнул я, потирая кулак.

- Ты… Вы… уважаемый… говорили о…

- Я говорил о том, что никто из нас не хочет всерьез заниматься проблемами экономики, права, культуры и, наконец, политики. Все это связано с самой мерзкой вещью на земле. С работой. Ведь, думать, много думать и разбираться в проблемах окружающей действительности – это работа. Тоже. Домашняя, сверхурочная работа, за которую не платят. Вот мы и стараемся сделать политику как можно легче для восприятия, понятнее и как можно более доступнее.

- Это как?

- А вот так, - объяснил я и ударил Женю в нос…

ПОЗНАЙТЕ СТРАСТЬ ЖИЗНИ ВМЕСТЕ С СОКАМИ И НЕКТАРАМИ «J7»!!!…

Бурные овации плавно перешли в скандирование:

- Вася! Вася!! Вася!!!

Мы мутузили друг друга пока TV-girl’s ритмично махали ногами и трясли грудями.

… Продукция компании «Вимм-Билль-Данн».

- Вася! Вася!! Вася!!!

«*Приносим извинения за временные технические трудности*».

- Вася! Вася!! Вася!!!

«КОНЕЦ».

Потусторонний голос выпускающего редактора объявил:

- Всем спасибо! Все свободны!

Студийные экраны продублировал надписью:

«ВСЕМ СПАСИБО. ВСЕ СВОБОДНЫ».

- Не сильно я тебя? - Женя указал на мою все еще красную щеку. - На репетиции, вроде слабее получалось.

- Пройдет, - почему-то шепотом ответил я, наконец-то, переводя дух.

В руке материализовалась кружка кофе. Рекламные девчонки взяли по автографу и оставили на моих щеках следы ярко-красной помады. Погасили свет. Операторы отправились курить, вспоминая недавний футбольный матч, в углу зашевелился пылесос. Кофе оказался без сахара, каким-то слабеньким и безвкусным.

- Здорово ты мне в глаз дал. - Женькин глаз по всем признакам обещал превратиться в фингал. - Не переиграли?

- Работа наша такая.

На стенах длинного коридора телецентра висели фотографии моих многочисленных предшественников. Современных Шикельгруберов и Лимоновых удостоенных того, что с ними разговаривал Женя. Скоро и моя именная фотка впишется между очередным великим политиком и столь же великим писателем.

- Федь, тебе как? Понравилось?

- Василий Иванович, я не слушал, - признался мой верный бодигард. - Да и не смотрю я такую лабуду. Люди вокруг вроде лыбились. Значит как бы ничего, нормально.

Никаких самокопаний. Настоящий матерый человечище. Не зря таких ребят набирали сначала в лейб-гвардию, а потом в дивизию Дзержинского. Стрельнул в толпу на Дворцовой площади и пошел на воскресную молитву. А после дискотеки в ближайшем к части ДК вообще никаких воспоминаний не остается. Чего они там горлопанят? Флаги какие-то, написано что-то. Пли! А потом водометами, водометами.

Народ… Блин!

- Скажите, - спросил я портного, который меня обмерял. - Вы смотрите «Тяжелый разговор»?

- Нет. Мне это скучно. Вообще не понятно, зачем такую муру показывают, - ответил, не поднимаясь с колен, представитель народа.

Эдик, затащивший меня в очень модное и очень концептуальное ателье, не выдержал и тихо захихикал. Он всего лишь хотел поменять мне стиль, в его планы пока не входили

опросы общественного мнения.

- Простите великодушно, но надо выяснить, какое у вас яичко опущено. Это чтобы брюки хорошо сидели.

Я естественно не помнил, какое из них… даже не представлял, как это можно проверить.

- Не волнуйтесь. Я все сделаю сам и архи-аккуратно.

Действительно, все получилось как нельзя лучше. Глядишь, и через три – четыре месяца Москва увидит мою новую привлекательную обертку, полностью соответствующую новому общественному положению. Никаких «Хугов Боссов» и других «Версасев» - печаль о друге не продается. Хотя я думаю… Серьезность скоро войдет в моду.

Вот, например, у парня-обмерщика лицо уже весьма серьезно, сосредоточено и мужественно. Он занимается творчеством. Никакой голубизны. И, судя по возрасту, близкому ко второй половине третьего десятка, он один из социально активных граждан страны.

- Слушайте, вы знаете, что случилось с Шурой?
- С кем?
- С продюсером Президент-Шоу.
- ???
- Мы на этом Шоу выбираем главу государства.
- Вроде что-то… Кажется он заболел. Но я не смотрю политические каналы.
- А вы участвуете в выборах?
- Нет.
- Что совсем? Ни разу не голосовали?

- Пару раз. … Когда ходил в кино бросал билетики в урну. Не помню по какому случаю. А так, я пиво не пью. Предпочитаю французское бордо. … Винные марки ведь не участвуют в программе выборов. … Кажется.

Ни разума, ни души. Одни простейшие реакции на цветовые раздражители яркой рекламы. Посмотрим, дружно кричим «ВАУ!» и бежим черно-белым стадом делать shopping, часто недоумевая и спрашивая себя: «Зачем?».

Средний класс… Блин!

Всеобщее подсознание, требующее чтобы в оральную полость совали жратву и информацию, помогали это все освоить и не требовали ничего взамен.

Вау – вау – вау.

Трудно ему, уроду, пиво от отечественного производителя выпить. Да ладно выпить. Купил бы просто, что б в холодильнике стояло. Оторвал этикетку с бюллетенем для голосования и в ближайший почтовый ящик. Куда проще? Ну, не на туалетную же

бумагу клеить открытки для голосования!?

- А телевизор вы смотрите? Хотя бы иногда.

- Смотрю.

- Так включите!

Самолет летел над периной облаков. Паша любил летать на самолетах. Иногда он сам ими управлял. Он даже пытался управлять атомной подводной лодкой, но ему не позволили.

- *Господа.* - Пашка был в черном костюме, черной рубашке с черным галстуком. Лицо Президента изображало печальную решимость. - *Господа. Время.*

Бегущая строка сообщила, что высота ну очень высокая, а температура ну очень низкая. Где-то за кадром раздались всхлипы. Кто плакал, не показали. Все, успевшие зарегистрироваться на последний полет Шуры, будут показаны в новостях, в итернет-отчетах, в журналах и газетах. После. Экраном владел Президент.

- *Наша страна, наш народ, все мы понесли невосполнимую утрату.* - Если бы я не был с ним знаком, то действительно поверил бы, что Пашка переживает. Ему всегда удавались роли не лишенных брутальности мужчин проходящих через очередной жизненный кризис. - *Трагическая случайность, трагический несчастный случай прервал жизнь одного из самых великих художников современности. Шура подарил России свои лучшие творческие годы, он трудился на…*

Пашка мне нравился. Правда. Я его заметил еще на отборочном туре. Ему очень удавалось чтение стихов. Он настолько перевоплощался в образ, что его чтение превращалось в маленькую мизансцену, в роль, в игру. У него талант чувствовать текст. Мы проверяли его на умение держать речь с трибуны и давать интервью. Абсолютное перевоплощение. Если бы он не пошел в политику, ему следовало бы стать актером. Я даже думаю, что на будущий год, после ухода с поста он так и сделает.

- *… Мы знали его как человека обладающего светлым чувством юмора, человека с крепким характером, знающим что такое настоящая мужская дружба. Он умел держать слово и обладал деятельным талантом…*

Речь Пашки заканчивалась на фоне музыки. Она становилась громче с каждым словом. Это добавляло торжественности и веры.

- *Мы будем помнить*, - наконец-то пообещал Президент и с последними аккордами нажал кнопку.

Где-то в хвостовой части самолета раскрылся люк и с высоты

12 километров на Россию просыпался пепел самого могучего пидора страны.

«Гадкий койот» - лучшее место, чтобы помянуть друга. Название подходящее.

Помянуть хотелось еще и потому, что русские поминки означают принятие алкоголя. Традиция. Помянуть до потери сознания.

Я выпил уже четвертый «дринк», когда передо мной предстал гэбист. Как всегда слегка помятый серый пиджак, такой же как его невыразительное лицо, и вечная папироса во рту.

- Василий. Вы слишком много пьете.

- Ну, повесь меня, - попросил я и указал на потолок заведения, откуда свисали лифчики всех форм и размеров.

- Вам пора завязывать.

- Зачем?

- У вас будет новый проект, - дыхнул дымом чекист и попросил принести ему кофе. «Койот», рассчитывающая на бо́льшее внимание к своей персоне надула губки и назвала его «букой».

- Уже пронюхали, с-с-с-суки.

- Василий. Вы себя не бережете. Теперь у вас будет свое шоу, новая жизнь, новый творческий подъем. Вам же этого так хотелось.

- Мне и сейчас хочется, - признался я и опрокинул в себя свой пятый «дринк». - Очень.

Чекист покровительственно улыбался. Он курировал меня вот уже, дай Бог памяти, много лет и всегда общался со мной в манере старшего брата.

- Никаких проблем. Мы вам поможем. - На стойке, под улюлюканье зала, «койот» позволила одному из полупьяных клерков слизать капли виски со своего загорелого животика. Веселье было в самом разгаре. Музыкальный автомат пытался играть медляк, но его забивал ревущий кантри. Затянутые в кожаные корсеты «койоты» танцевали на стойке, а вечно молодые яппи набирались коктейлями, глазея на девичьи формы. Культовое место для русских брокеров, банкиров и финансистов. Контролируемый хаос.

- А если, вы не будете делать, что я вам говорю, то мало не покажется.

- Почему?

Гэбист заржал. Громко, смачно и долго.

- Да, потому, что моя карьера завязана на таких продажных

пидорасов как ты и Шура.

- А если…

- Не будет никаких если. Кризис с Шурой преодолен. А его дурацкие диски можете оставить на память или использовать в новом проекте, тем более он обещает быть многообещающим.

- Что совсем диски не нужны?

- Совсем. И давайте не будем распускать слюни. Наша задача сделать мир спокойнее, то есть стабильным и предсказуемым. Так что поменьше интеллигентности, побольше интеллекта.

Я подумал, что можно создать виртуальный образ политика - «политик ваще». Поместить его игровой мир, где каждый отдельный избиратель будет иметь возможность за отдельную плату почувствовать себя Президентом, губернатором, мэром или обычным депутаном. Можно выстроить карьерную лестницу… Стратегия, аркада и стрелялка в одном флаконе.

А еще я подумал о роли русской интеллигенции в истории.

- Слушай, а зачем вы его убили? - Кругом раздавались вопли «Йу-у-уа-а-а-у!!!». Лучше всех кричала девушка… женщина… клеевая такая баба. Она напоминала мне леонардову Мону Лизу. - Убили его зачем?!!!

- Кого?!!!

- Шуру!!!

- Да, ты че, чувак! Никого мы не убивали. Само как-то получилось.

Когда Лиза не кричала ее губки складывались в обалденную полуулыбку. Женщина загадка в кожаной мини-юбке. Она быстро заметила мое внимание.

- Помянем?

- Помянем, - согласился чекист и еще раз заказал кофе.

Потом мы помянули еще раз.

И еще.

Еще.

На дисках, которые остались после Шуры, мой обожаемый шеф был не в пафосе. На нем были высоченные сапоги, кожаные трусики и каска на голове. Он возвышался над молодым человеком и безудержно кричал: «Будешь сука! Хочешь стать Президентом, значит будешь!!!».

Молодой человек был абсолютно голым, он ползал по безразмерной кровати, по бархатистому ковру, по огромным диванам. Ползал и выл: «Не-е-е-е хо-о-очу-у-у!». После того как по плечам и ягодицам будущего Президента ударили плеткой, тот тут же согласился на все, что только мог пожелать непреклонный

сексагрессор.

Шура оказался безответственной скотиной. Еще перед тем, как начинать проект, мы с ним договорились, что наши гормональные бури не будут мешать производственному процессу – никаких шашней с участниками Шоу. Только с проигравшими неудачниками. Шура, насколько я знал, держался довольно долго. Девять лет. Даже подумывал женщину найти для отвода глаз, вроде как нормальный бисексуал. А потом вдруг вот это:

- *Ты меня любишь?*

- *Да.*

- *Тогда, давай поженимся.*

- *Это как?*

- *Обычно. У нас же разрешены однополые браки. А тут будет фурор. Свадьба главы государства с любимым. Круто!*

- *Нет. Это же…* - Пашка чуть ли не плакал. Он явно не разделял свинячьего счастья Шуры.

- *Боже! Как же я тебя люблю! Президентик ты мой одноразовый.*

Наверное, Шура совсем голову потерял. Мальчиков у него было много, он этого и не скрывал, но так еще ни разу не западал. Гнида. Говорил я ему, говорил. Возвысился, почувствовал всемогущество и нюх потерял. Помню на совещаниях, когда мы готовились инаугурировать Павла, он все время возмущался: «Не правильно сели!». Требовал, чтобы «Пашечка» сел поближе, по правую руку. Я думал, дурачится. Так нет, он, идиот, под столом руки распускал, приставая к уже фактическому Президенту.

И это он тоже записал. Не поленился, дебил.

…

- А-А-А-ЛЛ-О-О-О!!!

- *Что, опять нажрался?*

- Та-а-анюшкин! Алло!

- *Ты знаешь, который час?*

- Та-а-аня. Это…

- *Господи, какой же ты ублюдок.*

- Ну-у-у, Та-а-аня. Будь паинькой.

- *Ты с кем?*

- С этой… этим… - Где-то рядом засмеялась Лизка. Кажется, я пытался ущипнуть ее за задницу.

- *Кобель.*

- А ко мне приходил чекист.

- *Я за вас рада.*

- Слушай… Ик!... Разбуди меня, пожалуйста. Ик!

- *Ничтожество!!!* - Таня кричала что-то еще, но я ее почти не слышал. - …

Я икал.

Эпилог

- Вставай, мудак!

За окном светило овальное солнце, сплющенное тяжестью серо-черного города.

- Слышишь! Вставай!

- Танька, дура… Совсем сбрендила.

Секретарь оставила без внимания мою озабоченность ее психическим состоянием:

- Вставай, скотина!

Хотелось что-то ответить, но от процесса соображения отвлекло ощущение, что в районе паха зашевелилось нечто. Я замычал и вспомнил, что совершенно голый. То есть без трусов. А это нечто шевелилось весьма энергично.

- Не надо.

- А вчера тебе понравилось, - спросило «нечто», которое обрело очертания головы коротко стриженой брюнетки с чувственными коллагеновыми губами. Я уже не знал, как ее зовут, но помнил, что вечером в свете неона мне казалось, что она обладает улыбкой Моны Лизы.

- Пошла вон, - поздоровалась Таня.

- Ты кто? - поздоровался я.

- Елизавета.

- Девка она панельная!

- Заткнись, сука!

- Девочки, ну, не ссорились.

- Стерва ты, Танька, - обиженно хныкнула Елизавета. - Ни себе, ни людям.

- А ты…

Далее последовала светская беседа, которую я не слышал. Верный бодигуард Федя уволок меня в ванную.

notes

Примечания

1

«Воля народа – высший закон» (лат.).